

ISSN 2587-7402

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННОГО ОРДЕНА ЖУКОВА
ИНСТИТУТА ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕДАГОГИКА

ПСИХОЛОГИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

№3(12)–2020

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА ИНСТИТУТ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Санкт-Петербургский
военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации

Сетевой научный журнал

ISSN: 2587-7402 (онлайн)

Издаётся с декабря 2017 года

Выходит ежеквартально

Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)
лицензионный договор
с Научной электронной
библиотекой eLIBRARY.ru
от 13.02.2018 г. № 52-02/2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- БЕРЕЖНОВА Л.Н., КУЗНЕЦОВ В.Р.**
Дистанционное обучение в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации 3
- БОБОНЕЦ С.А., КОСТЮК А.В.**
Интенсификация образовательного процесса как условие повышения качества подготовки специалистов 6
- ЖАРИНОВ Н.М., КУЗЬМИНА Н.В.**
Акмеология как междисциплинарная наука 11
- КИТАЕВ А.Б., ПАВЛОВСКИЙ С.П.**
Особенности реализации игровой формы обучения в дисциплине «Военная топография» 16
- КРАСОВСКИЙ А.В., ПРОНИНА А.С.**
Некоторые особенности подготовки абитуриентов для поступления в образовательные организации системы МВД России (опыт Нижегородской академии МВД России) 20
- МАРГАРЬЯН А.Ю.**
Развивающие возможности организации самообразования курсантов в процессе обучения педагогике 23
- ПЧЕЛЯКОВ С.А., ЖУКОВ Д.В.**
Особенности организации обучения применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции 27
- СОБОРНОВ А.В., ФОМЕНКОВ О.Н., КУЦЕНКО М.В.**
Актуальные вопросы совершенствования профессиональной физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России 30
- УРАКОВ Д.И., ФЕТИСОВ А.В.**
Совершенствование уровня огневой подготовки как неотъемлемая часть профессиональной деятельности сотрудников полиции 33
- ФИЛИМОНЦЕВ Н.М., КОЗЫРЕВА Е.Н.**
Опыт подготовки боевых резервов для красной армии добровольными обществами и организациями в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 75-летию Великой Победы) 36

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- АВДИЕНКО Г.Ю.**
Тревожность и адаптационные способности как критерии эффективности саморегуляции военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации 40
- БЕЛЯЕВА О.А.**
Особенности саморегуляции поведения курсантов военного института 45
- КОСАРЕВ А.С., АЛЕКСАНДРУК В.В.**
Медико-психологическая реабилитация сотрудников органов внутренних дел 49
- ЛОСЕВ К.В.**
Взаимосвязь показателей саморегуляции и развития самосознания курсантов 52
- МЕЛЬЦОВ В.М., САРАНИНА Е.С.**
Невербальные средства общения в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел 59
- МЕТЕЛИЦКИЙ В.В., НАУМОВ П.Ю., ДЬЯЧКОВ А.А.**
Особенности психологической подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации для выполнения задач в особых условиях 62

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОКОФЬЕВА В.А.

Доминирующие копинг-стратегии и риски девиантного поведения курсантов военного института 66

ПУТАН Л.Я.

Когнитивная составляющая профессиональной идентичности курсантов военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии 72

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**АЛТУНИН А.Ю., НИКИТИН Д.В.**

Правовое регулирование применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции 76

ЕВСТРАТОВА Ю.А., АНИКУШИН С.В.

Проблемы отграничения преступлений от административных правонарушений в системе мер, направленных на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) 79

ЛЫСЕНКОВ С.Г.

Политико-правовые проблемы двоевластия 82

ОСИПОВ С.А., ЖУКОВ Д.В.

Проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками оперативных подразделений МВД России 85

СТРЕМОУХОВ А.А., КРИЖАНОВСКАЯ Г.Н.

Обязательность признания человека субъектом права законами государства: правовая необходимость или пережиток? 90

ЧАЙКО А.В.

Правовая природа смарт-контракта 94

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Редакция вправе сокращать и литературно обрабатывать принятые к публикации тексты.

Материалы должны соответствовать одному из научных направлений (по отраслям наук), определяющему направленность (профильность) журнала: педагогические, психологические и юридические науки.

Издание осуществляет рецензирование всех поступающих материалов, соответствующих тематике журнала, с целью их экспертной оценки. Рукописи не возвращаются.

За достоверность фактов, имён собственных, неразглашение тайны отвечают авторы публикаций.

УДК 378.1

Бережнова Людмила Николаевна

доктор педагогических наук, профессор
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
заведующий кафедрой теории и методики непрерывного профессионального образования
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Simabln@mail.ru

Кузнецов Владислав Русланович

курсант факультета (морально-психологического обеспечения)
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Vlad2606587@gmail.com

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ВОЕННЫХ ИНСТИТУТАХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования:

Бережнова Л.Н., Кузнецов В.Р. Дистанционное обучение в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 3–5. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/001.pdf>

Аннотация. В статье рассматриваются возможности дистанционного обучения в войсках национальной гвардии. Рассмотрены модели дистанционного обучения, а также достоинства и недостатки с которыми сталкиваются преподаватели и обучающиеся. Указаны возможности устранения недостатков для осуществления качественного обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, модель, информация, возможность.

В жизни современного Российского общества постоянно происходят масштабные перемены в различных сферах жизнедеятельности, в том числе и образовании. На сегодняшний день система образования в Российской Федерации столкнулась со сложной эпидемиологической проблемой, которая привела к необходимости перестраивать образовательный процесс без возможности непосредственного взаимодействия. Этот вызов предъявляет новые требования к преподавателям и обучающимся. Существует много инновационных методов организации учебного процесса в системе высшего образования. Одним из таких методов выступает дистанционное обучение, при помощи которого осуществляется возможность передачи информации к слушателям (курсантам) в случаях отсутствия на занятиях по уважительной причине (наряд, командировка, госпиталь и т. д.), а так же помощь в получении более объёмной информации по сравнению с традиционной формой обучения. При этом при осуществлении дистанционного обучения происходит односторонняя передача информации и низкая степень взаимодействия обучающихся с преподавателем.

Под дистанционным обучением понимается организованный учебный процесс, предполагаю-

щий активный обмен информацией между преподавателями и обучающимися с использованием современных мультимедийных средств [3, с. 5]

Рассмотрим основные модели дистанционного обучения, которые уже используются во многих образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО) страны.

Модель кейс-технологии рассматривает частные ситуации, встречающиеся в будущей военно-профессиональной деятельности на основе практического материала, рассматриваемого в ходе проведения занятия. Преподаватель объясняет порядок работы с электронными учебниками, учебно-методическими и практически пособиями, тестовыми заданиями. Проводится обсуждение решений, внимание уделяется активным действиям при осмыслении заданий. Это помогает развивать мышление и способность действовать в условиях недостатка информации и времени.

Модель корреспонденции (переписки) – направлена на постоянный обмен учебными материалами, выполненными заданиями между обучающимися и преподавателем без осуществления личного контакта. На сегодняшний день происходит передача информационных материалов по электронной почте.

Модель регулируемого самообучения характеризуется самостоятельностью слушателей (курсантов), в которой происходит обучение с помощью учебных тест-карт, которые решают и проверяют сами обучающиеся с помощью готовых ответов после выполнения учебных заданий.

Радиотелевизионная модель – обучение с помощью задействования телевизионных каналов (*mosobr.tv*, «Первый образовательный телеканал») [1; 4]. На основе данных ресурсов организуются лекции, консультации, научный диспут и т. д.

Модель сетевого обучения применяется на основе источников сети Интернет, а также внутренних источников образовательной организации. Каждый слушатель (курсант) получает логин и пароль для возможности входа и использования данными ресурсами. Экзамены в такой модели могут проводиться посредством видеоконференции (*Skype, Zoom*). Для получения дополнительных знаний осуществляется доступ к внутренним библиотекам ООВО и иным электронно-библиотечным системам (*iprbooks.ru, book.ru*) [1; 4].

Соответственно для нормальной работы дистанционного обучения необходимо наличие таких элементов как:

- учебного заведения как головного центра, обеспечивающего взаимосвязь между субъектами обучения, а также осуществляющего гарантии обеспечения выданных дипломов, сертификатов соответствия ГОСТу;

- базы данных учебных и справочных материалов для информационного обеспечения обучающихся;

- технического обеспечения и программных средств с помощью которых осуществляется обучение;

- обучающихся и преподавателей [2].

Кроме наличия элементов дистанционного обучения необходимо овладение навыками современных информационных технологий, как преподавателей, так и слушателей (курсантов). Преподавателю следует хорошо разбираться в возможностях средств обучения и формировать учебные темы таким образом, чтобы материал был интересен и информативен для обучения, что будет особенно важно при нахождении не в одной аудитории, где осуществляется повсеместный контроль, а в разных местах обучения. Соответственно к преподавателю предъявляются особые требования к форме одежды, изложению материалы, умению вовлечь в занятия максимальное количество человек. От слушателей (курсантов) соответственно требуется высокая активность, возможность включиться в процесс, дисциплина при выполнении заданий и своевременность уточняющих вопросов, желание расширить свой учебный и научный потенциал.

Несмотря на большие возможности, дистан-

ционное обучение имеет как преимущества, так и недостатки.

К преимуществам можно отнести:

- возможность быстрой передачи информации;
- хранение большого объема учебных материалов в течение длительного времени, а также возможность редактирования, переработки;

- обеспечение интерактивности с помощью специальных мультимедийных программ;

- организация видеоконференций из различных мест не только страны, но и мира, осуществление диалога;

- доступность и открытость;

- возможность учиться на протяжении всей жизни, совмещая с профессиональной деятельностью.

При этом существуют значительные недостатки в проведении дистанционного обучения:

- отсутствие возможности обучению практических навыков, которые возможно только получить на практических занятиях (вождение боевых машин, огневая подготовка, гранатометание);

- желание обучающихся общаться с преподавателем в очной форме;

- высокая сложность усвоения большого количества информации с экрана компьютера;

- отсутствие диалогического обмена информацией на занятиях;

- недостаточно проработаны учебные материалы;

- отсутствие готовности преподавателей и обучающихся к такому виду обучения;

- не у всех обучающихся, а иногда и преподавателей высокий уровень самодисциплины;

- ограниченные технические возможности (старые компьютеры, перебои в электроэнергии, отсутствие достаточного количества камер на учебную аудиторию).

Вышеперечисленные недостатки могут по возможности устраняться разными способами. Отсутствие готовности к дистанционному обучению можно компенсировать поэтапным освоением возможностей программ и проведением пробных занятий. Большое количество материала разумно разбивать на подразделы с логичным переходом к новому материалу.

При постепенном устранении недостатков в дистанционном обучении следует признать, что с каждым годом информационные технологии все больше входят в образовательный процесс и оказывают сильное влияние на методы обучения. Важно, чтобы информационные ресурсы были доступны и могли удовлетворять запросам обучающихся на которых рассчитаны. При этом дистанционное обучение постепенно и планомерно входит в существующую образовательную практику.

ЛИТЕРАТУРА

1. IPRbooks // Электронно-библиотечная система [Электронный ресурс]. URL: <http://iprbooks.ru/> (дата обращения 27.04.20).
2. Горева О.М. Дистанционное обучение: возможности и перспективы // Современные наукоемкие технологии. 2015. № 12 (4). 657 с.
3. Дистанционное обучение // Полат Е.С., Моисеева М.В, Петров А.Е. [и др.]. М.: ВЛАДОС, 1998. 192 с.
4. BOOK.RU // Электронно-библиотечная система для учебных заведений [Электронный ресурс]. URL: <https://www.book.ru/> (дата обращения 27.04.20).

Berezhnova Lyudmila Nikolaevna

*Grand PhD in Pedagogy (Doctor of Pedagogical sciences), Professor
Honored worker of higher education of the Russian Federation
Head of the Department of Theory and Methodology of continuing professional education
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
Simabln@mail.ru*

Kuznetsov Vladislav Ruslanovich

*Cadet of the faculty (moral and psychological support)
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
Vlad2606587@gmail.com*

**DISTANCE TRAINING IN THE EDUCATION SYSTEM OF THE NATIONAL GUARD TROOPS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Abstract. The article considers the possibilities of remote training in the National Guard troops. Models of distance learning, as well as advantages and disadvantages faced by teachers and students are considered. The possibilities of elimination of shortcomings for implementation of quality training are specified.

Keywords: Distance learning, model, information, opportunity.

УДК 371.3

Бобонец Сергей Алексеевич

кандидат военных наук, доцент
начальник кафедры информатики и математики
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
sbobon@mail.ru

Костюк Анатолий Владимирович

кандидат технических наук, доцент
профессор кафедры информатики и математики
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
kostyuk.anatoliy.2015@mail.ru

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

Для цитирования:

Бобонец С.А., Костюк А.В. Интенсификация образовательного процесса как условие повышения качества подготовки специалистов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 6–10. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/002.pdf>

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к толкованию термина «интенсификация обучения» и анализируются существующие подходы к ее реализации; определяются основные цели и условия использования интенсивного обучения и предлагаются направления внедрения интенсификации образовательного процесса как условия повышения качества подготовки специалистов; раскрываются пути реализации предлагаемых направлений интенсификации образовательного процесса в условиях информатизации образовательного процесса.

Ключевые слова: интенсификация обучения, качество образовательного процесса, информатизация, развивающая деятельность, самосовершенствование.

Современный этап перехода образования на новые образовательные стандарты и реализации компетентностного подхода в условиях ускоряющихся темпов роста информационных ресурсов характеризуется пересмотром парадигмы образования и используемых технологических решений. В создавшихся условиях существенного увеличения объемов образовательного контента и ограниченного бюджета учебного времени актуальной становится проблема рациональной организации образовательного процесса и его обеспечения [1].

Основным трендом модернизации современного образования является повышение его качества. Проблема повышения качества образования при сохранении существующих сроков обучения являлась актуальной и при традиционной системе подготовки специалистов. В качестве одного из путей решения данной проблемы для традиционной системы обучения предлагалось «продвижение по интенсивному пути», т. е., используя внутренние резервы, повышать эффективность образовательного процесса и достигать лучших результатов. Образовательные организации высшего образования проводили

работу по рациональному построению образовательного процесса, пересмотру образовательных ресурсов, повышению эффективности самостоятельной работы обучающихся [2].

Современный этап развития отечественного образования отличается его информатизацией, которая способствует созданию дополнительных возможностей для реализации интенсификации образовательного процесса [1]. Необходимость решения проблемы интенсификации образовательного процесса остается актуальной и в настоящее время. В современных условиях развития общества и образования необходимость интенсификации образовательного процесса определяется рядом факторов, среди которых выделим следующие [3]:

существенные социально-экономические преобразования, которые обуславливают необходимость модернизации, как системы образования, так и методов организации образовательного процесса в образовательных организациях;

введение новых образовательных стандартов с изменениями объема и состава учебных дисциплин, введение новых учебных предметов, требующих внедрения новой организации обучения;

расширение самостоятельности преподавателя, предоставление ему права в выборе приемов и методов обучения;

формирование ситуации конкурентоспособности образовательных организаций.

Исторически интенсивное обучение берет свое начало как результат ускорения процесса обучения иностранным языкам. Основы интенсивного обучения были заложены Г.К. Лозановым. Усовершенствованием и реализацией его идей занялись его ученики: Л.Ш. Гегечкори, И.Е. Шварц, Г.А. Китайгородская, М.А. Майорова, В.В. Петрусинский, И.Ю. Шехтер и др. Несмотря на это, к вопросу интенсификации обучения по-прежнему обращаются исследователи, поскольку существуют неоднозначные дефиниции данного понятия [4].

В современной энциклопедии термин «интенсификация» истолковывается как «усиление, увеличение напряженности, производительности, действенности». Понятие «интенсификация обучения» трактуется в педагогических источниках по-разному, при этом выделяется либо организация системы обучения, либо этапы процесса интенсификации обучения, либо конечный результат данного процесса. Так, например, Ю.К. Бабанский определяет интенсификацию как «повышение производительности труда учителя и ученика в каждую единицу времени» [4].

В энциклопедическом словаре термин «интенсификация обучения» трактуется как «принцип организации системы обучения, максимально использующий внутренние резервы для повышения эффективности образования». Невзирая на отмеченные отличия в трактовках понятия «интенсификация», следует отметить, что всех исследователей объединяет основная цель процесса интенсификации – повышение эффективности решения дидактических задач при сокращении времени на обучение.

К ключевым целям интенсификации обучения предъявляются различные требования, среди которых следует выделить:

цели обучения должны быть направлены на достижение максимальных возможностей обучающихся, но при этом оставаться достижимыми;

дидактические цели должны быть осознанными, конкретными и соответствовать возможностям обучающихся.

Анализ педагогической литературы свидетельствует о наличии различных направлений реализации интенсивного обучения. В работах В.В. Петрусинского выделяются три подхода, связанных с построением рациональной дидактической системы обучения, использованием возможностей психической активности обучающегося, построением и использованием автоматизированных систем интенсивного обучения [5].

По мнению И.А. Зимней, при интенсификации обучения наибольший интерес представляет мотивация обучающегося, уровень и доверительность межличностных отношений, как между обучающимися, так и преподавателем, характер организации образовательной деятельности.

Сторонники другого подхода В.А. Сластенин и Н.А. Половникова основывают реализацию интенсификации обучения на использовании программно-целевого подхода, который направлен на формирование компетентностного специалиста, и объединяет различные стороны образовательного процесса.

Следовательно, при интенсивном обучении используется либо более свершенный метод обучения, либо модернизируется традиционный метод с использованием новых достижений, среди которых следует выделить:

рациональное построение образовательного процесса, учитывающего организацию обучения по этапам и задачам;

компьютеризацию образовательного процесса и использование информационно-коммуникационных технологий;

повсеместное внедрение активных форм и методов обучения;

формирование у курсантов и слушателей способности и стремления к самосовершенствованию, творческой и исследовательской деятельности;

индивидуализация обучения, учет личностных качеств обучающихся;

разработка и внедрение инновационных методик обучения, учитывающих индивидуальные качества и усиливающих мотивацию курсантов и слушателей.

Одним из направлений реализации процесса интенсификации обучения является внедрение рациональных методов руководства познавательным процессом [6]. Для выбора рациональной организации образовательного процесса целесообразно воспользоваться алгоритмом, который разработал Ю.К. Бабанский. Алгоритм включает несколько шагов, в ходе которых определяется:

как будет изучаться программный материал (под руководством преподавателя или самостоятельно);

выясняется соотношение репродуктивных и продуктивных методов (если возможно, то предпочтение отдается последним);

устанавливается соотношение логики изложения, и выбираются пути познания;

выбирается соотношение словесных, наглядных и практических методов;

устанавливаются стимулы и их применение; определяются методы и формы контроля, самоконтроля и их применение.

Существенное влияние на эффективность

процесса интенсификации обучения оказывает модернизация методов обучения, которая может быть достигнута посредством использования различных форм познавательной деятельности (групповые, парные работы, деловые игры), внедрение проблемного обучения, внедрение методов обучения, учитывающих индивидуальные и личностные качества обучающихся, развитие межличностного общения и взаимодействия, внедрение информационно-коммуникационных технологий, способствующих развитию творческого мышления [6].

Одной из составляющей интенсификации обучения является формирование у курсантов и слушателей высокой мотивации, поскольку эффективность образовательной деятельности, производительность работы обучающегося во многом определяется его заинтересованностью учебными предметами, стремлением к достижению конкретных целей. Для того чтобы добиться повышения результативности и эффективности обучения необходимо внедрять практическую значимость учебного материала, реализовывать взаимосвязь изучаемого материала с ранее изученными вопросами, учитывать уровень сформированности тех или иных умений и навыков, внедрять методики обучения, учитывающие индивидуальные качества и усиливающие мотивацию курсантов и слушателей.

Важным направлением реализации процесса интенсификации обучения является развитие творческого потенциала курсантов и слушателей. Творческий потенциал невозможно сформировать сиюминутно, для некоторых обучающихся может потребоваться достаточно продолжительное время. В педагогической литературе с начальным периодом развития творческих способностей связывают развитие наблюдательности, памяти, воображения, навыков в анализе фактов. В дальнейшем формируется индивидуальность обучающегося, стремление и способность проводить исследовательскую деятельность. Следовательно, преподаватель в ходе своей деятельности должен развивать творческую активность и стремление курсантов и слушателей к саморазвитию. Для развития творческого потенциала в ходе учебно-познавательной деятельности преподавателю необходимо решать ряд педагогических задач, к числу которых следует отнести:

воспитание у курсантов и слушателей потребности в развитии творческих способностей и создание среды для их реализации;

мотивация курсантов и слушателей на совершенствование своих творческих возможностей;

обучение курсантов и слушателей способам творческой деятельности и саморазвития.

На современном этапе важнейшим направ-

лением является информатизация образования, основной целью которой является повсеместная интенсификация умственной деятельности посредством внедрения информационно-коммуникационных технологий [7].

Информационные технологии обладают возможностями [7]:

оптимизировать образовательный процесс и познавательную деятельность слушателей и курсантов;

повысить эффективность обучения посредством вовлечения всех видов восприятия информации;

достичь интенсификации всех уровней образовательного процесса;

повысить эффективность обучения посредством вовлечения всех видов восприятия информации;

сформировать открытую систему образования, с реализацией индивидуальной траектории обучения;

индивидуализировать образовательный процесс и учитывать индивидуальные качества обучающихся.

Одной из ключевых образовательных ценностей информационных технологий является их способность создавать интерактивную среду с огромными потенциальными возможностями для обучения, развития интеллектуальных и творческих возможностей, работать с различной информацией.

Внедрение интенсификации обучения предполагает увеличение скорости передачи учебной информации, что обеспечит прием обучающимися большего объема информации при сохранении установленных требований к качеству знаний. Для того чтобы увеличить скорость передачи учебной информации и обеспечить требуемое ее качество, нужно либо повысить информативную емкость учебного материала, избавив его от избыточности, либо повысить заинтересованность обучающихся, либо увеличить пропускную способность их рецепторов.

Сокращение избыточности учебной информации при одновременном сохранении ее качества можно выполнить посредством рационального отбора образовательного контента с разделением на основную и дополнительную части, логически обосновывать переходы от ранее изученных вопросов к новому материалу. Увеличение производительности обучающихся можно достичь и при правильном временном дозировании изучаемого материала, например, вначале занятия познавательная активность наиболее высокая. Заинтересованность обучающихся можно повысить посредством их мотивации и прикладной направленностью изучаемого материала, а также использованием активных форм и методов обучения.

В период информатизации образования появились средства и технологии, которые способ-

ны увеличить скорость передачи информации обучающимся и ее восприятие. К таким технологиям следует отнести в первую очередь мультимедиа, поскольку данная технология позволяет объединить различные виды информации, достаточно гибкая, что позволяет учитывать индивидуальные качества обучающихся [7]. Технология мультимедиа способствует решению задач автоматизации мыслительной деятельности, реализовывать восприятие звуковой и видеоинформации. Кроме того, данная технология позволяет использовать одновременно большинство органов восприятия информации, что позволяет интенсифицировать передачу информации обучающемуся. Психологи отмечают, что при воздействии информации на несколько органов повышается восприятие информации, наблюдается ее непосредственное позитивное влияние на долговременную память.

Применение технологий мультимедиа положительно влияет на различные стороны образовательного процесса: у обучающихся побуждаются умственные процессы, формируются навыки совместной работы, повышается мотивация [1]. Как следствие, обучающиеся превращаются в непосредственных активных участников образовательного процесса.

Таким образом, на наш взгляд, в период информатизации образования для интенсификации образовательного процесса необходимо:

внедрять рациональное построение образовательного процесса;

модернизировать методы обучения и использовать различные формы познавательной деятельности (групповые, парные работы, деловые игры);

осуществлять компьютеризацию образовательного процесса;

сокращать избыточность учебной информации при одновременном сохранении ее качества;

внедрять активные формы и методы обучения, учитывающие индивидуальные и личностные качества курсантов и слушателей;

формировать у курсантов и слушателей высокую мотивацию, способствующую повышению производительности работы;

обучать курсантов и слушателей способам творческой деятельности и саморазвития;

внедрять компьютерные средства обучения и информационно-коммуникационные технологии;

создавать интерактивную среду с возможностями для обучения, развития интеллектуальных и творческих возможностей, работы с различной информацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобонец С.А., Костюк А.В. Особенности влияния процессов информатизации на систему образования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 4 (5). С. 9–15.
2. Аюрян В.Г. Методы и принципы системы интенсивного обучения иностранным языкам // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16. № 2(4). С. 909–912.
3. Костюк А.В. Интенсификация образовательного процесса в условиях информатизации образования // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 1 (2). С. 22–26.
4. Рыбакова Е.В. Определение понятия интенсификации обучения иностранному языку в вузе как педагогическая проблема // Вестник Бурятского государственного университета 2010. № 15. С. 228–230.
5. Царева И.А. Пядина Т.И. Обучающие методы, как основа образовательного процесса // Символ науки. 2017. № 06. С. 132–134.
6. Костюк А.В., Бобонец С.А. Развитие технологичности образовательного процесса в условиях информатизации общества // Развитие системы подготовки военных специалистов в войсках национальной гвардии Российской Федерации: традиции и современность: сборник научных трудов / под общ. ред. В.Ф. Купавского. Пермь, 2018. С. 165–171.
7. Бобонец С.А., Костюк А.В. Компьютерные и коммуникационные технологии в образовательном процессе // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 1 (6). С. 1–7.

Bobonets Sergey Alekseevich

PhD in Military sciences (Candidate of Military sciences), docent
Chair of the Department of Informatics and Mathematics
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
sbobon@mail.ru

Kostyuk Anatoliy Vladimirovich

PhD in Engineering (Candidate of Engineering sciences), Docent
Professor at the Department of Informatics and Mathematics
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
kostyuk.anatoliy.2015@mail.ru

**INTENSIFICATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS AS A CONDITION
OF IMPROVING THE QUALITY OF TRAINING OF SPECIALISTS**

Abstract. The article is devoted to the problem of intensification of cognitive activity of students and cadets and the formation of their required professional competencies; it is noted that in conditions of informatization of society, the need to solve the problem of introducing the intensification of the educational process remains relevant; the article discusses approaches to the interpretation of the term "intensification of education" and analyzes existing approaches to its implementation; the main goals and conditions for the use of intensive training are determined.

The directions of introducing the intensification of the educational process as conditions for improving the quality of training of specialists are suggested. The ways of implementing the proposed areas of intensification of the educational process in the conditions of informatization of the educational process are revealed.

Keywords: intensification of training, the quality of the educational process, informatization, developing activities, self-improvement.

УДК 378.1

Жаринов Николай Михайлович

доктор педагогических наук
профессор кафедры теории и методики непрерывного профессионального образования
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
korsar-55@mail.ru

Кузьмина Нина Васильевна

доктор психологических наук, профессор
президент Академии акмеологических наук
Член-корреспондент Российской академии образования
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
korsar-55@mail.ru

АКМЕОЛОГИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУКА

Для цитирования:

Жаринов Н.М., Кузьмина Н.В. Акмеология как междисциплинарная наука // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 11–15. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/003.pdf>

Аннотация. В статье рассматриваются место акмеологии в системе наук, приводятся признаки фундаментального образования, обосновывается акмеологическая теория фундаментального образования, отмечается основное противоречие образования.

Ключевые слова: акмеология, предмет, образование, объективные показатели.

В 1928 году психолог Н.А. Рыбников впервые сформулировал предмет акмеологии, как науки о законах развития взрослого человека, в противовес предмету педологии – науки о развитии детей.

В 1968 г. академик Академии педагогических наук СССР Б.Г. Ананьев нашел место акмеологии в системе наук о человеке как индивиду. Среди них: педиатрия, педагогика, акмеология, геронтология (наука о старении). Б.Г. Ананьев расширил границы психологии и создал научную школу, представители которой исследовали человека одновременно как природное и социальное существо. Такой подход и позволил открыть законы развития природных потенциалов человека средствами образования, созданного человечеством в целях созидания, защиты и преемственного культуры, всех ее направлений (науки, техники, искусства, образования).

В 1989 году нами был определен предмет акмеологии как науки о вершинах профессионализма в деятельности.

Акмеология зарегистрирована в ГКНТ СССР¹ 15 июля 1991 г. академиком Российской академии образования (далее – РАО) А.А. Бодалёвым и А.А. Деркачём (впоследствии академиком

РАО) в системе психологии: 19.00.13 – психология развития, акмеология [1]. Предмет психологии – законы отражения объективной реальности в психических процессах, состояниях и свойствах человека, в том числе взрослого. Продукт, по С.Л. Рубинштейну, не предмет психологии. Он предмет других наук.

Но взрослый человек – субъект профессиональной созидательной деятельности. Для права ее осуществлять он получает общее, специальное и профессиональное образование, т. е. обучение по образцу. Если обучать не учебным дисциплинам, как сейчас, но вершинам профессионализма деятельности, то молодые люди раньше реализуют природные потенциалы в продуктах, удовлетворяющих заранее сформулированным требованиям.

Специалисты и обучающиеся действуют на разных уровнях продуктивности в условиях основного противоречия образования (далее – ОПО) между ростом объемов учебной и научной информации и сокращением времени на ее усвоение. Научно-технический прогресс ускоряется, и под его влиянием всё чаще возникает потребность в модернизации образования.

Конкуренция государств в сфере образования требует повышения его качества, в соответствии с высшими образцами по объективным показателям вершин, связанных с разрешением

¹ Государственный комитет СССР по науке и технике (сокращенно ГКНТ СССР) – орган государственного управления СССР, проводивший государственную политику в сфере научно-технической деятельности.

ОПО. Выявление подлинно вершинных специалистов в Циклическом мониторинге (далее – ЦМ) может обеспечить надежный прогноз при модернизации образования. Их можно выявить только с помощью сравнительных измерений результатов в выпускниках, на входе в новую образовательную, социальную, профессиональную среду.

Современный аппарат измерений позволяет ранжировать государства по качеству образования и производительности труда. К сожалению, несмотря на высокие прошлые достижения в области образования, современная Россия испытывает определенные трудности, в частности, в повышении его качества. Улучшать качество образования необходимо для повышения производительности труда и конкурентоспособности страны. Этому может служить ЦМ по объективным показателям движения выпускников: откуда поступают учиться, призываются в армию, идут работать, и почему некоторые представители молодежи попадают в антисоциальную деятельность, а в дальнейшем – в исправительные учреждения и тюрьмы.

Три страты (носители стратегий) обеспечивают качество образования в стране: базовые специалисты, специалисты управления и специалисты исследования.

Базовые специалисты (преподаватели и их руководители) непосредственно работают с обучающимися. Условие повышения уровня их компетентности – изучение уровня сформированности компетенций своих выпускников на входе в последующие системы: по каким предметам (кто), чему не доучили, по каким причинам. В них стимулы к саморазвитию компетентности субъектов изучения. Базовые специалисты не имеют возможности сравнить результаты, свои и других по уровням продуктивности.

Специалисты управления качеством образования, владеющие технологиями измерения качества образования по учебной дисциплине, образовательной организации, в муниципалитете, регионе, стране, опираясь на данные ЦМ, смогут и совершенствовать его.

Болонский процесс обратил внимание мирового сообщества на проблемы фундаментального и практико-ориентированного образования. Это помогло нам сформулировать единый критерий качества образования (далее – ЕККО): развитие у всех или подавляющего большинства выпускников необходимых компетенций для формирования продуктивной компетентности в решении предстоящих задач ЦМ, обеспечивающего прогноз в модернизации образования.

Академики Российской академии наук в книге под редакцией ректора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.А. Садовниченко «Образование, которое мы мо-

жем потерять» доказали, что в конкуренции можно побеждать, опираясь на сильные стороны системы образования [2]. В России это – фундаментальное образование, включающее в себя и практико-ориентированное.

В.А. Садовниченко сформулировал основные признаки фундаментального образования.

Результатом образования (его продуктом) является духовный продукт – физические, психические, акмеологические новообразования в свойствах участников образовательного процесса как индивидов, личностей, субъектов деятельности, индивидуальности, обеспечивающих продуктивное решение предстоящих задач. Духовные продукты – невидимые. Об их качестве можно судить по косвенным показателям – мастерству и компетентности, обеспечивающим выпускникам (всем или подавляющему большинству), успешное решение предстоящих задач.

Категории «продукт» и «задача» (единица анализа образовательного процесса) – общие в стратегиях поиска законов созидания материальных продуктов (открытием, которым заняты фундаментальные науки). Эти же категории позволили открыть законы создания духовных продуктов в свойствах участников образовательного процесса средствами фундаментального образования.

Фундаментальные теории создаются в системе понятий тех наук, в границах предметов, систем понятий и категорий, к которым относятся. Но не было науки, в границах предметов которой можно было бы создать теорию продуктивного функционирования образования. По мере создания теории менялось определение предмета акмеологии. Законы фундаментального образования как созидания духовных продуктов в свойствах человека открыты в границах предмета фундаментальной акмеологии.

Акмеологическая теория фундаментального образования создана как следствие применения схем фундаментальных наук в гуманитарной сфере. Разные природные потенциалы (одаренность, способности, направленность, ответственность), разное социальное окружение в семье и школе ведут к разным уровням продуктивности деятельности. Лишь вершинные специалисты обнаруживают и разрешают основное противоречие образования. Выявление специалистов-мастеров позволяет принимать обоснованные решения, у кого чему учиться, кому помогать, на кого ориентироваться в модернизации образования.

Теория разрешает глобальное противоречие образования: между общим и профессиональным. В средней школе учащиеся знакомятся с фундаментальными законами и научными теориями (физики, химии, математики). Это служит профессиональному самоопределению выпускников.

Мастерство принятия решений в любой сози-

дательной деятельности, включая образование, требует изучения ситуации, самостоятельного формулирования и решения задач на основе антиципации или предвосхищения последствий от его реализации, интеграции знаний из разных источников, их дифференциации в процессе применения. Это делает специалиста подлинно компетентным и продуктивным.

Обучение факторам достижения вершин продуктивности в решении специальных и профессиональных задач развивает способности к самоорганизации, самообразованию, самоконтролю. Эти понятия – из акмеологии и акмеологической теории фундаментального образования. Определён предмет новой науки, связанный с генетикой, нейрофизиологией, антропологией, исследующими человека как природное существо. Они связаны с аксиологией, идеологией, социальной синергетикой, исследующими и изучающими человека как социальное существо, а также с топологией, философией, экологией, изучающими взаимодействие человека и природы.

Акмеологическая теория фундаментального образования связана со всеми без исключения официально признанными науками, представленными в национальной системе образования (далее – НСО) в форме учебных дисциплин. Они созданы людьми, представителями вершин и являются средствами развития людей.

Предмет фундаментальной акмеологии образования – законы, закономерные связи, зависимости, проверяемые на практике и обеспечивающие прогноз, между уровнями продуктивности основных субъектов созидательной и деятельности, представителей трех страт (стратегий), выполняющих в образовании разные ролевые функции с разной мерой продуктивности в созидании средствами образования продуктов, (духовных, духовно-материализованных, материальных), в соответствии с ЕККО – развитие у всех или подавляющего большинства выпускников, основ мастерства и компетентности в решении предстоящих задач, и факторами, субъективными, объективными, субъективно-объективными, содействующими и препятствующими самореализации природных потенциалов участников образовательного процесса в создаваемых продуктах, удовлетворяющих заранее сформулированным требованиям, самодвижению к вершинам компетентности.

Специалисты-исследователи качества образования, создатели теории и технологий многоуровневого функционирования НСО в глобальном информационном пространстве ноосферы, для ЦМ региона и Российской Федерации будут выделять и обосновывать необходимые и достаточные объективные показатели, ориентируясь на глобальные процессы в образовании. При-

знаки мастерства: создавать, проверять на валидность, надежность, различительную способность методики измерения качества профессиональной деятельности специалистов (и базовых, и управления, и исследования), выделять в них вершинных по всем подсистемам НСО как условие развития продуктивной компетентности специалистов – первооснова продуктивной компетентности выпускников НСО.

Теория позволяет не только разработать образовательные стандарты четвертого поколения, предусмотрев в них подготовку менеджеров качества образования (базовых специалистов, специалистов управления качеством образования, специалистов исследователей качества образования), которые необходимы для повышения уровня образования, превращения его в подлинно фундаментальное, но и находится в определенных связях с педагогикой, психологией, частными методиками.

Педагогика, по определению, наука об обучении, воспитании и развитии детей и подростков. Учителю в ней, как правило, отводится последняя глава, в которой объясняется, что он «должен» знать и уметь, а не как формулировать и решать педагогические задачи. На этот вопрос отвечает педагогическая акмеология.

Овладевать основами профессионального мастерства необходимо во всех видах профессиональной деятельности, включая образовательную, инженерную, медицинскую, сельскохозяйственную, военную, спортивную, психологическую, художественно-творческую. Каждая из них осуществляется на разных уровнях продуктивности и в каждой накоплены знания о факторах достижения вершин. Обучение не просто учебным дисциплинам, но и вершинам продуктивного решения задач специалистами, за подготовку которых ответственно Министерство науки и высшего образования, повысит продуктивность образования.

Психология исследует законы отражения объективной реальности. Но человек, будь он только субъектом отражения, не создал бы ту культуру, науку, технику, то образование, в которых мы живем. Он – субъект созидательной деятельности, включающей отражение, в целях преобразования действительности. Он – создатель ноосферы, которую питают, в первую очередь, специалисты фундаментального образования, создающие духовные продукты в свойствах всех или подавляющего большинства выпускников учебных заведений.

Сравнительные исследования развития человека средствами образования на протяжении жизни в рамках акмеологии образования проводятся по схемам фундаментальных наук, на основе общего постулата: участники образовательного процесса (руководители, преподаватели, обучающиеся) разных уровней продуктивности разли-

чаются по критерию: способны ли они обеспечить развитие основ мастерства или продуктивной компетентности в решении предстоящих задач у всех или подавляющего большинства выпускников образовательных организаций высшего образования. Поиску законов фундаментального образования следует учиться у представителей фундаментальных наук. Последних отличает поиск законов созидания материальных продуктов. Если бы образование ничего не создавало, его бы не было.

Факторы открытия закономерных связей между уровнями продуктивности образовательной деятельности и факторами – субъективными, объективными, субъективно-объективными, – содействующими и препятствующими достижению вершин продуктивности, состоят в следующем:

- в преобладании научных идей выдающихся основоположников фундаментального образования в России;
- в развитии этих идей базовыми специалистами образования, претворившими их в собственной практике;
- в изучении уровней продуктивности специалистов образования по признакам успешности учащихся, с которыми они работают;
- в измерении уровней продуктивной компетентности специалистов по критерию успешного решения предстоящих задач;
- во введении ЕККО – средства измерения по сравнительным схемам фундаментальных наук в открытии законов фундаментального образования;
- в использовании образовательной задачи в качестве единицы анализа меры продуктивности образовательного процесса;
- в создании инвариантных идеализированных моделей для поиска закономерных связей между уровнями продуктивного решения образовательных задач по критерию продуктивной компетентности выпускников к самостоятельному решению новых задач и факторами их обуславливающими;

- в открытии фундаментальных законов продуктивного функционирования образовательных микро-, макро-, мегамиров в образовательных микро-, макро-, мегапространствах НСО;

- в создании акмеологической концепции развития продуктивной компетентности специалистов всех уровней, рангов, ролевых функций в масштабах страны, обеспечивающих продуктивное функционирование НСО в глобальном мире.

Законы продуктивной компетентности специалистов функционировали на всех этапах развития образования и продолжают функционировать. Вершинные первыми замечали противоречия в образовании и находили способы их разрешения. Открытие законов фундаментального образования позволяет обучать их применению, проверке, опровержению. Это позволит сознательно управлять процессами повышения продуктивности образования по вершинным образцам и деятельности выпускников.

По мере ускорения процесса научно-технического развития общества чаще обостряется основное противоречие образования.

Таким образом, в целях повышения продуктивности функционирования НСО, учитывая «невидимость» духовных продуктов и оценку их качества по косвенным показателям, целесообразно диагностировать уровень продуктивности специалистов образования в конкретных подсистемах НСО; моделировать деятельность вершинных (специалистов-предметников, руководителей подсистем базовых подсистем НСО – общего, профессионального, дополнительного к ним постдипломного образования, создающих базу в фонд предстоящей модернизации); вырабатывать акме-целевые стратегии предотвращения отставания в образовании и оказания помощи средне- и малопродуктивным специалистам, исходя из принципа, что работать специально неуспешно никто не хочет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акмеология: учебное пособие / под ред. А.А. Деркача, А.А. Бодалева. М., 2003. 422 с.
2. Алферов Ж.И., Садовничий В.А. Образование для России XXI века / под общ. ред. В. А. Садовничего // Образование, которое мы можем потерять: сборник. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2002. 287 с.

Zharinov Nikolay Mikhailovich

Grand PhD in Pedagogy (Doctor of Pedagogical sciences)
Professor of the Department of Theory and Methodology of continuing professional education
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
korsar-55@mail.ru

Kuzmina Nina Vasilievna

Grand PhD in Psychology (Doctor of Psychological sciences), Professor
President of the Academy of Acmeological Sciences
Corresponding member of the Russian Academy of Education
Saint-Petersburg, Russian Federation
korsar-55@mail.ru

ACMEOLOGY AS AN INTERDISCIPLINARY SCIENCE

Abstract. The article examines the place of acmeology in the system of Sciences, provides the features of fundamental education, substantiates the acmeological theory of fundamental education, and notes the main contradiction of education.

Keywords: acmeology, subject, education, objective indicators.

УДК 371.38

Китаев Андрей Борисович

доцент кафедры тактики служебно-боевого применения подразделений
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ab.kitaev@gmail.com

Павловский Сергей Петрович

старший преподаватель кафедры тактики служебно-боевого применения подразделений
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
psr850@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИГРОВОЙ ФОРМЫ ОБУЧЕНИЯ В ДИСЦИПЛИНЕ «ВОЕННАЯ ТОПОГРАФИЯ»

Для цитирования:

Китаев А.Б., Павловский С.П. Особенности реализации игровой формы обучения в дисциплине «Военная топография» // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 16–19. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/004.pdf>

Аннотация. В предлагаемой статье рассмотрена возможность реализации игровой формы обучения на занятиях по дисциплине «Военная топография» с курсантами военных образовательных организаций высшего образования с целью привития профессиональных компетенций.

Ключевые слова: метод, курсанты, участник игры, картографические условные знаки, топографические элементы местности.

С переходом военных институтов войск национальной гвардии Российской Федерации на ФГОС¹ возникла потребность внедрения новых технологий обучения с целью повысить практические составляющие формируемых профессиональных компетенций. В настоящее время профессорско-преподавательским составом Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации² на занятиях по военно-профессиональным дисциплинам все шире применяются новые современные методы обучения. В первую очередь к ним следует отнести такие методы как «метод конкретных ситуаций», «проектов» и «игровых технологий». В представленной статье рассматриваются особенности реализации этих методов в практике проведения занятий по дисциплине «Военная топография».

При обучении военной топографии существуют отдельные, сложные для освоения курсантами практические вопросы. К таким вопросам, в первую очередь, следует отнести освоение практики чтения картографических условных знаков.

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт (сокращенно – ФГОС) – совокупность обязательных требований к образованию определенного уровня и (или) к профессии, специальности и направлению подготовки, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования.

² Далее – «СПВИ войск национальной гвардии».

Поэтому рассмотрим применение игровых форм обучения при изучении этой темы. Объем материала, который обучающиеся должны усвоить при изучении этой темы, весьма значителен (свыше 200 знаков). Поэтому, учитывая незначительный ресурс учебного времени, преподаватель в ходе занятий может довести информацию только о системе графического, цветового и буквенно-цифрового обозначения изображаемых на картах элементов местности, раскрыть виды картографических условных знаков, дать принципы их построения, подсказать логику их запоминания, основываясь на собственном опыте. Следовательно, вопросы их усвоения до уровня рефлексии должны быть организованы в ходе самостоятельной подготовки.

Таким образом, игровой метод организации занятия, в данном случае, должен применяться в ходе самостоятельной подготовки. Целью такого занятия будет совершенствование знаний и формирование умений по практическому использованию условных знаков при работе на топографических картах.

Исходя из опыта преподавательской деятельности, метод игры в данных условиях будет наиболее эффективным и позволит сформировать требуемые элементы профессиональной компетенции на требуемом уровне. Такая учебная цель занятия достигается за счет формирования у обучающихся необходимой педагогической

направленности и положительной мотивации на интенсивное усвоение изучаемого учебного материала. Кроме того, такая организация позволяет достигнуть усвоения информации на уровне рефлексии, так как многократно повторяется в ходе проводимой игры с минимальными перерывами, что соответствует положениям теории наученности Эббингауза.

Тренировку в виде игры можно организовать и на занятиях по выполнению нормативов. Цель таких занятий будет состоять не только в повторении изученного материала и в контроле знаний обучающихся, но и в совершенствовании их навыков в ходе выполнения нормативов. При этом игровой метод позволит сделать занятие более интересным и увлекательным.

Кроме перечисленных игровых методов в настоящее время применяются игры-тренинги, деловые игры, которые также весьма эффективны. Однако эти методы требуют значительного времени на подготовку преподавателя и обучающихся. Поэтому они применимы только на плановых занятиях и не будут рассматриваться в данной статье. В ней мы обратим наше внимание на игровые методы, наиболее простые по форме, не требующие длительного объяснения или подготовки. Например: игры-упражнения и соревнования. Такие формы можно освоить, применяя наиболее простые правила. Кроме того, они не требуют привлечения значительных материальных затрат. Кроме плановых занятий такие игры могут использоваться курсантами не только во время самостоятельной работы, но и при подготовке к контрольным работам, зачетам и экзаменам.

Наибольшее значение такие формы приобретают в период изоляции при проведении занятий дистанционно. В таких условиях замысел планируемой игры не предполагает обязательного участия всей учебной группы. При этом преподавателю необходимо заранее создать в ней группу активистов (например, из членов военно-научного кружка), провести с ними тренировочные игры и при этом разъяснить условия и правила.

В последнее время в СПВИ войск национальной гвардии применяется следующая версия игры. Она называется «Кто лучше знает условные знаки топографической карты?» и имеет целью тренировки обучающихся в запоминании топографических условных знаков и быстром отыскании их на карте.

В комплект учебных материалов для организации такого занятия входят:

- учебная топографическая карта масштаба 1:50000 У-34-37-В;
- комплект карточек с названиями групп топографических элементов местности (20 шт.);
- лист бумаги формата А4, оформленный в табличном варианте по числу групп топографи-

ческих элементов местности (7 групп)³;

- секундомер (часы).

Правила игры сводятся к следующему. В игре принимают участие от 2 до 10 человек (оптимально 4 - 5 чел.). Игроки должны располагаться вокруг одной развернутой топографической карты У-34-37-В, или каждый из них может иметь свою карту.

Карточки с названиями групп топографических элементов в неопределенном порядке лежат на столе в стопке, чистой стороной вверх. Очередной участник игры открывает лежащую сверху карточку и зачитывает вслух название группы топографических элементов. Обучающийся, после этого, в течение 30 секунд должен найти и показать на топографической карте условный знак одного из элементов этой группы⁴. При количестве участников более 5 местоположение объекта на карте целесообразно давать с целеуказанием по координатной сетке. Далее использованную карточку необходимо переложить вниз стопки, а условный знак записать текстом или вычертить в соответствующей графе на листе бумаги. Запись условных знаков нужна для того, чтобы последующие игроки не повторяли этот знак. Если очередной игрок в течение 30 секунд не сможет найти какой-либо условный знак из требуемой группы, то он выбывает из игры. Победителем становится тот из игроков, кто сумел найти все предложенные знаки.

При организации необходимо также учесть следующее. Условные знаки обязательно должны отличаться начертанием, а не только текстовыми или цифровыми характеристиками. Например, условный знак брода с пояснительными характеристиками или без них – это один знак, а условных знаков моста может быть два, т. к. мост подъемный и разводной отличается начертанием. Пояснительные знаки учитываются как правильные. Например, за отдельные знаки можно считать: река и ее характеристика; стрелка, указывающую направление течения реки; отметка уреза воды.

Среди карточек с названиями групп топографических элементов есть одна карточка со словами «КОТ В МЕШКЕ». Участник игры, открывший такую карточку, передает ход следующему за ним игроку с заданием в течение 30 секунд отыскать на карте условный знак какого-либо элемента местности, незаписанного в графах ранее.

³ Так как на одном листе топографической карты невозможно представить условными знаками все топографические элементы местности, перечисленные в справочнике, то количество этих элементов в каждой группе будет ограничено и неодинаково. В игре предложено объединить в одну группу условные знаки геодезических пунктов с условными знаками промышленных, сельскохозяйственных и социально-культурных объектов.

⁴ При возникновении затруднений в определении принадлежности условного знака элемента местности к той или иной группе следует руководствоваться учебником Военная топография: учебник для высших военно-учебных заведений. М.: Воениздат, 2008, приложение 5.2.

Если игрок не сможет отыскать заданный условный знак, то он выбывает из игры. Если же игрок, открывший карточку «КОТ В МЕШКЕ», не сможет в течение 30 секунд дать задание следующему игроку, то он сам выбывает из игры.

Количество карточек с названиями групп топографических элементов местности для каждой группы соответствует процентному содержанию на карте У-34-37-В условных знаков, относящихся к каждой группе (рисунок 1).

Рисунок 1.

Ниже представлен пример заполнения участниками игры таблицы с группами топографических элементов местности (рисунок 2).

Из представленных правил видно, что условия

игры достаточно просты. Участвуя в ней несколько раз, курсант будет значительно быстрее ориентироваться в содержании карты, быстрее запомнит условные знаки. Для повышения эффективности в игре присутствует элемент интриги, а именно, карточка «КОТ В МЕШКЕ». Для быстрой выдачи задания сопернику курсант должен будет внимательнее изучить свою карту, найти на ней такие обозначения элементов местности, которые встречаются на ней в незначительном количестве, в одном-двух местах.

Таким образом, игра «Кто лучше знает условные знаки топографической карты?» подтверждает слова профессора Е.С. Полата, основателя метода проектов в России, что «вместе учиться не только легче и интереснее, но и значительно эффективнее» [1; 2]. Игра предоставляет обучающимся возможность самостоятельного приобретения знаний, а преподавателю отводится роль разработчика, координатора, эксперта, что подтверждает основное предназначение метода проектов [3; 4] и может быть рекомендована при изучении дисциплины «Военная топография» в военных институтах, учебных подразделениях и командирской подготовки сержантов и офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации.

Населенные пункты	Пром., сель-хоз., соц-культ. объекты и геодезические пункты	Железные дороги	Автомобильные и грунтовые дороги	Гидрография	Растительный покров	Рельеф, формы рельефа, виды горизонталей
город	завод с трубой	узкоколейная	полевая	ручей		овраг
	шахта		шоссе			
.
.
.
.

Рисунок 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Современная гимназия: взгляд теоретика и практика / под ред. Е.С. Полат. М.: ВЛАДОС, 2000. 167 с.
2. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования / Полат Е.С. [и др.]; под ред. Е.С. Полат. М.: Academia, 2000. 270 с.
3. Чобанова Е.О. Роль игры в учебном процессе/ Игра как метод обучения // Учебно-методический кабинет [Сайт]. URL: <https://ped-kopilka.ru/pedagogika/igra-kak-metod-obuchenija.html> (дата обращения: 31.08.2020).
4. Романова Л.М. Роль игры в процессе обучения // Педсовет.org – Всероссийский интернет-педсовет [Сайт]. URL: <https://pedsovet.org/beta> (дата обращения: 31.08.2020).

Kitaev Andrey Borisovich

Associate professor of the Department of Tactics of Service and Combat Use of Units
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
ab.kitaev@ gmail.com

Pavlovskiy Sergey Petrovich

Senior lecturer of the Department of Tactics of Service and Combat Use of Units
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
psp850@mail.ru

**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE GAME FORM OF TRAINING
IN THE DISCIPLINE "MILITARY TOPOGRAPHY"**

Abstract. The article considers the possibility of implementing a game form of training in the classroom for military professional disciplines with cadets of military educational institutions of higher education in order to instill professional competencies.

Keywords: method, the cadets, participant of game, map symbols, topographical elements of the area.

УДК 378.046.2

Красовский Артем Валерьевич

старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
krasowsky2015@yandex.ru

Пронина Алина Сергеевна

курсант факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
alinapronina02@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ АБИТУРИЕНТОВ ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ МВД РОССИИ (ОПЫТ НИЖЕГОРОДСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ)

Для цитирования:

Красовский А.В., Пронина А.С. Некоторые особенности подготовки абитуриентов для поступления в образовательные организации системы МВД России (опыт Нижегородской академии МВД России) // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 20–22. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/005.pdf>

Аннотация. В статье раскрываются некоторые особенности подготовки выпускников старших классов для поступления в образовательные организации МВД России.

Ключевые слова: профильные классы, образовательные организации, органы внутренних дел.

В соответствии с ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ – «О службе») «зачисление в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме в должность курсанта, слушателя является поступлением на службу в органы внутренних дел» [4]. В связи с этим к кандидату на поступление в образовательную организацию системы МВД России предъявляется широкий перечень требований, закрепленных в ФЗ «О службе». Разработанный механизм кадрового отбора кандидатов для прохождения службы в органах внутренних дел (далее – ОВД) наряду с медицинскими критериями включает в себя психологическую диагностику, проведение опроса специалистом-полиграфологом и иные. После прохождения всех проверочных действий кандидат на поступление на конкурсной основе проходит дополнительные вступительные испытания по физической подготовке и русскому языку. Очевидно, что этот процесс требует специальной подготовки, в ходе которой у кандидата на службу в ОВД должны быть сформированы качества личности, необходимые сотруднику полиции, психологическая готовность и физическая выносливость.

В рамках данной статьи мы рассмотрим опыт Нижегородской академии МВД России (далее – Академия) по организации такой подготовки. На базе Академии разработана и успешно функционирует модель сетевой организации профильного обучения на уровне среднего общего образования. Эта модель представляет собой партнерские отношения Академии и образовательной организации общего образования, на базе которой из выпускников 9 классов, на основе специального отбора формируется профильный класс. В настоящее время такие классы сформированы на базе МБОУ¹ «Школа № 11 имени Г.С. Бересневой», МАОУ² «Школа № 19» г. Н. Новгорода и МАОУ лицей г. Бор Нижегородской области [3].

Отличительной особенностью обучения в данном классе является углубленное изучение отдельных дисциплин, среди которых «экономика», «право» и другие³. Серьезное внимание уделяется патриотическому, духовно-нравственному и физическому воспитанию. Наряду с педагогиче-

¹ МБОУ – муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение.

² МАОУ – муниципальное автономное общеобразовательное учреждение.

³ В рамках данной статьи мы рассматриваем личный опыт работы с учениками профильного класса в МАОУ лицей г. Бор Нижегородской области, сформированного в 2018 году. По результатам проделанной работы, 8 из 19 обучаемых выразили осознанное желание поступать в Академию, 4 из которых по результатам вступительных испытаний стали курсантами первого курса.

скими работниками общеобразовательной организации общего образования занятия с учениками профильных классов также проводят преподаватели Академии, что позволяет использовать все имеющиеся ресурсы ведомственной образовательной организации.

Процесс обучения начинается с установления делового и психологического контакта между сотрудником Академии – куратором профильного класса, классным руководителем, учениками и родителями (законными представителями) несовершеннолетних, поскольку они также вовлекаются в процесс подготовки. Например, они контролируют и обеспечивают ежедневное самостоятельное выполнение учениками профильного класса отработки сдачи нормативов по физической подготовке.

Примечательно, что в ходе интервьюирования ученики профильного класса, поступившие в Академию в 2020 году, показали, что при подготовке к сдаче вступительных нормативов крайне важно изучение всех тонкостей каждого испытания, поскольку знание правильной техники выполнения физических упражнений обеспечивает 30 % успеха. Остальные 70 % заключаются в ежедневной их тренировке и соблюдении режима дня.

Кроме этого, родители принимают непосредственное участие и в других мероприятиях, которые проводятся в процессе специальной подготовки. Приведем некоторые из них.

Так, в рамках реализации рассматриваемой модели сетевого обучения, одним из ежегодно проводимых мероприятий на базе Академии стал Межведомственный круглый стол на тему «Вопросы противодействия коррупции». Для участия в данном мероприятии ученик совместно с родителями и научным руководителем готовит тезисы доклада. Обсуждение докладов происходит на базе Академии с приглашением практических работников различных ведомств, являющихся специалистами в данной сфере. Результат проводимого мероприятия выражается в сборнике научных статей [1].

Не менее важным качеством личности сотруд-

ника ОВД является чувство патриотизма. Этот и другие факторы способствовали организации нами в 2020 году длящегося проекта под наименованием «Книга Памяти», который стартовал в преддверии 75-летия Великой Победы. В рамках этого проекта учениками профильного класса под руководством преподавателя Академии была сформирована первая часть «Книги Памяти», состоящей из воспоминаний о родственниках учеников профильных классов – участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла. Подготовленный сборник был размещен на официальном сайте Академии и в онлайн библиотеке общеобразовательной организации [2].

Работа над текстом для «Книги Памяти» предполагала обращение каждого автора к архивным материалам, изучением исторических источников, встречами с работниками музеев и т. д. Поэтому, рассматривая процесс участия ученика профильного класса в описанных выше мероприятиях (круглый стол «Вопросы противодействия коррупции» и создание «Книги Памяти») через призму специальной подготовки кандидатов на службу в ОВД, следует отметить, что данная методика не только знакомит обучаемого с основами служебной деятельности полиции, но и способствует уверенному, осознанному выбору дальнейшей профессии. В качестве аргумента вновь обратимся к результатам интервьюирования выпускников профильного класса 2020 года, указавших, что именно участие в мероприятиях, некоторые из которых мы описали выше, стало одним из решающих факторов, оказавших влияние на принятое ими решение связать свою жизнь с деятельностью по выявлению и раскрытию преступлений.

Основываясь на описанном опыте Академии по ранней профориентации подрастающего поколения, считаем, что он может быть внедрен и в практику других ведомственных образовательных организаций. Тем более что в 2019 году по инициативе Уральского юридического института МВД России был дан старт аналогичному проекту в МАОУ СОШ № 175 г. Екатеринбурга [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Красовский А.В. Вопросы противодействия коррупции: сборник научных статей по итогам межведомственного круглого стола (23 января 2019 г.). Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2019. 119 с.
2. МАОУ лицей г. Бор Нижегородской области [Сайт]. URL: <http://liceybor.edusite.ru/> (дата обращения: 14.09.2020).
3. Нижегородская академия МВД России [Сайт]. URL: <http://www.на.мвд.рф> (дата обращения: 14.09.2020).
4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. №342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.
5. Уральский юридический институт МВД России [Сайт]. URL: <http://www.урюи.мвд.рф> (дата обращения: 15.09.2020).

Krasovsky Artem Valeryevich

Senior lecturer of the Department of Internal Affairs in special conditions
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
krasowsky2015@yandex.ru

Pronina Alina Sergeevna

cadet of the faculty of training specialists in the investigation of economic crimes
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
alinapronina02@mail.ru

SOME FEATURES OF THE PREPARATION OF APPLICANTS FOR ADMISSION TO EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA (EXPERIENCE OF THE NIZHNIY NOVGOROD ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA)

Abstract. The article reveals some features of training high school graduates for admission to educational organizations of the Ministry of internal Affairs of Russia).

Keywords: subject oriented classes, educational institutions, bodies of internal Affairs.

УДК 378.147

Маргарьян Артур Юрьевич

преподаватель кафедры психологии служебной деятельности

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

margaryan1972@yandex.ru

РАЗВИВАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ САМООБРАЗОВАНИЯ КУРСАНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕДАГОГИКЕ

Для цитирования:

Маргарьян А.Ю. Развивающие возможности организации самообразования курсантов в процессе обучения педагогике // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 23–26. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/006.pdf>

Аннотация. В статье рассматривается актуализация развивающих возможностей организации самообразования курсантов в процессе обучения педагогике, что обуславливается необходимостью подготовки военного специалиста, который не только осваивает базу необходимых знаний для реализации профессиональной деятельности, но и обладает умением быстро пополнять и обновлять знания, обрабатывать нарастающий поток информации. Целью статьи является разработка технологии организации самообразования курсантов в процессе обучения педагогике в интеграции межпредметных связей с профессиональной дисциплиной как комплекса дидактических условий, обеспечивающих не только развитие уже проявившихся способностей и личностный рост обучающихся, но и развитие методической готовности курсантов к организации самообразования в условиях высшего военного образования.

Ключевые слова: военное высшее образование, готовность к самообразованию, индивидуальная стратегия самостоятельно-познавательной деятельности, курсант, лабораторный практикум по педагогике, развивающие возможности педагогики.

Сегодня, в огромном потоке информации, в быстром обновлении технологий приоритетной становится способность курсантов военных институтов обладать информацией и знаниями, добытыми преимущественно в результате самообразования как ключевой методической компетенции. Формирование данной компетенции у курсантов, основой которой являются теоретические знания, методы планирования, организации, позволяющие раскрыть сущность и особенности протекания технологических процессов самообразования, осуществляется в процессе изучения педагогики.

Однако в программу дисциплины «Педагогика», которая изучается на первых курсах обучения курсантов, не включена методическая готовность к организации самообразования. Это вызывает у курсантов затруднения в методически грамотном управлении самообразованием (умение учиться, организовать продуктивное самообразование с учетом временного регламента, информационной ориентированности и т. д.), как показал анализ практики и опросов офицеров, преподавателей военных институтов.

Следовательно, появляется необходимость в активизации инновационных подходов в обучении педагогике курсантов. Научно-обоснованная организация и реализация обучения педагогике в межпредметных связях может выступать средством формирования готовности к организации самообразования курсантов на основе самооценки собственных достижений и установления

ими целей для дальнейшего профессионального саморазвития.

Современное высшее военное образование характеризуется динамичными изменениями в увеличении объема часов, отводимых на самостоятельную подготовку курсантов в аудиторной составляющей образовательного процесса военного института, с учетом нормативных тенденций. Это активизирует подготовку курсантов к методически компетентной организации самообразования. Такая тенденция обуславливает поиск аудиторных ресурсов к подготовке и осуществлению самообразования, в том числе, реализуя формирование готовности курсантов к организации самообразования в контексте учебных дисциплин. Решение такой сложной задачи требует использования инновационных форм аудиторной образовательной деятельности, способствующих формированию системы умений и навыков самообразования и самовоспитания, обеспечивающих прогресс самостоятельной познавательной составляющей личности курсанта. Это обуславливает значимость активизации знаний, умений, владения опытом самообучения, что является задачами педагогики. При этом главной целью педагогического процесса является расширение базы профессиональных знаний или конкретизация уже усвоенной информации и приобретенных навыков. Это побудило актуализировать развивающие возможности педагогики в формировании готовности курсантов к организации самообразования в аудиторной обязатель-

ной образовательной деятельности в межпредметных связях в военном институте [9]. Основная цель обучения педагогике в данном контексте образования – обеспечение широких возможностей для развития, обучения и воспитания творческой личности, в результате которых она будет подготовлена к активной, самоуправляемой профессиональной самореализации.

По мнению ученых [6; 9], одной из приоритетных задач современно высшего военного образования является совершенствование процесса обучения курсантов методической готовности к организации самообразования, проявляющегося в познавательной активности, умении самостоятельно приобретать знания. По мнению А.К. Громцевой, «самообразование – целеобусловленная самой личностью систематическая познавательная деятельность с целью развития образованности» [3].

На основании анализа исследований ученых-педагогов (О.Б. Даутова, С.В. Христофоров и др.) [4], мы пришли к выводу, что с точки зрения педагогической науки «самообразование» можно представить, как самостоятельную познавательную деятельность, направленную на достижение определенных личностно значимых целей.

Данные ориентиры указывают на необходимость в высшем военном образовании на интеграции специальных знаний с педагогическими. Поэтому, особую значимость приобретают развивающие возможности дисциплины «Педагогика» в межпредметных связях.

Особого внимания при этом требует характеристика понятия «развивающие возможности педагогики в межпредметных связях», за основу которой взяли «теорию возможностей» Дж. Гибсона [2]. Дж. Гибсон, вводя категорию возможности, связывает, с одной стороны, потребности индивида, а с другой – физические (пространственные и иные) свойства и отношения окружающего мира как находящиеся во взаимодополнительном соотношении. По мнению Н.В. Бордовской «возможность» определяется свойствами самого субъекта, и поэтому раскрывается через изучение этих свойств. Ученый акцентирует на активном начале субъекта, осваивающего свою жизненную среду, к которой можно отнести и образовательный процесс на этапе обучения курсанта: «чем больше и полнее субъект – студент использует возможности образовательной среды для удовлетворения своих потребностей и реализации своего личностного потенциала, тем более успешно происходит его свободное и активное саморазвитие» [1, с. 7].

По мнению ученых (К.М. Дурай-Новаковой, В.А. Сластенина и др.) особое значение в данном случае приобретает технология развивающего обучения, позволяющая раскрыть индивидуальную зону актуального (достигнутого) и ближайшего развития (со стратегическими ориентирами) в самостоятельной познавательной деятельности курсанта [5].

Основная идея, сформулированная в рамках данного подхода, это анализ педагогики в межпредметных связях как такого комплекса факто-

ров и условий, который обеспечивает не только развитие уже проявившихся способностей и личностный рост обучающихся, но и раскрытие еще не проявившихся интересов и способностей в соответствии с присущими каждому индивиду природными задатками – самостоятельной познавательной деятельности [9]. Это придает особое значение междисциплинарной интеграции дисциплины «Педагогика» со специальными дисциплинами «организации связей такого характера, которые бы обеспечивали комплекс возможностей для личностного саморазвития всех субъектов образовательного процесса» (В.А. Ясвин) [9]. Образовательный процесс, организованный в соответствии с данным критерием, может отражать развивающие возможности педагогики в межпредметных связях.

Теоретический анализ, опыт преподавательской деятельности в военном институте убеждает нас в том, что проблема развивающих возможностей организации самообразования курсантов в процессе обучения педагогике является актуальной и требует разработки методических аспектов.

Под развивающими возможностями дисциплины «Педагогика» мы понимаем внутреннюю по источнику возникновения и инновационную по содержанию и направленности движущую силу, проявляющуюся в прогрессивных изменениях в содержательно-методическом обеспечении педагогической деятельности на пути достижения методической готовности курсантов к организации самообразовательной деятельности.

В исследовании данной проблемы проводился сравнительный анализ и экспертная оценка рабочих программ дисциплин «Педагогика» и «Морально-психологическое обеспечение служебной деятельности», с целью определения содержательного обеспечения формирования ключевых компетенций, способствующих обучению курсантов организации самообразовательной деятельности.

Анкетирование и опрос преподавателей, курсантов и офицеров, способствовали определению компонентной составляющей методической готовности курсантов к организации самообразования и разработке методического содержания модуля «Лабораторный практикум по педагогике».

Теоретический анализ научных исследований позволил определить, что самообразование курсантов – это активно-действенное состояние личности, проявляющееся в активизации самостоятельной познавательной деятельности, ориентированной на повышение культурного, образовательного и профессионального уровней, регулируемых индивидуальными стратегиями самостоятельного выбора актуальных знаний и трансформирования их в военно-профессиональную сферу [6]. Самообразование курсанта – это активизация его самостоятельной познавательной деятельности на уровне методической компетенции.

Анализ нормативных документов, регулирующих образовательный процесс в военном институте, позволил дополнительно определить методи-

ческую компетенцию как готовность к использованию педагогических основ для поиска информации, проведения анализа и оценки умения осуществлять системную работу по организации самообразовательной деятельности: ставить дидактические цели и мотивировать; планировать и проектировать; организовывать (выбирая технологии, методики и средства обучения); контролировать (оценивая и прогнозируя результаты своей деятельности) самообразовательную деятельность.

А теоретические предпосылки И. Ансоффа, А.А. Плигина позволили определить индивидуальную стратегию самостоятельной познавательной деятельности как общий, детализированный план самостоятельной познавательной деятельности, присущий определенному курсанту, охватывающий длительный период, или личностный способ достижения сложной цели [8].

Следовательно, самообразование курсантов в современных условиях приобретает особое значение, требует организации и управления самообразовательной деятельностью на новом качественном уровне. Это обуславливает необходимость активизации методической подготовки курсантов, ориентированной на повышение у них методической готовности к организации самообразования.

Исследования Н.В. Кузьминой, А.А. Деркача, Б.В. Пальчевского, Т.Я. Яковец [7] позволили определить методическую готовность курсантов к самообразованию как сложное интегративное качество личности, охватывающее соответствующие знания, умения, навыки, качества и ценности, положительную мотивацию и настрой на самодетельность личности в самосовершенствовании и в эффективном выполнении профессиональных обязанностей. При этом анализ учебных планов и рабочих программ дисциплин позволил установить, что на самостоятельную работу курсантов отводится 55–60 % от общего количества часов, а учебно-методическое сопровождение процесса организации самостоятельной работы курсантов и формирование их методической готовности к организации самообразования нуждается в совершенствовании.

Теоретический анализ позволил определить, что развивающие возможности дисциплины «Педагогика» могут способствовать обучению курсантов умению учиться самостоятельно, развивать потребности в самостоятельной познавательной деятельности, формируя методическую готовность курсантов к организации самообразования. Раскрывая развивающие возможности дисциплины «Педагогика» в межпредметных связях, наш интерес привлекли практические и лабораторные занятия, способствующие необходимости существенно сочетать научную теорию с практикой, активизирующие самостоятельный поиск и исследования у курсантов.

Ученые С. И. Архангельский, С. И. Зиновьев, И. И. Кобыляцкий, И. Я. Конфедератов и др. [7] неоднократно подчеркивают всевозрастающую роль лабораторных занятий в подготовке будущих специалистов, указывая на необходимость разработки содержания и структуры лабораторных

практикумов.

Итак, анализ теории и практики обозначил, что высшее военное образование требует модернизационных изменений в области методической подготовки курсантов к организации самообразования [9; 10]. Создание интегративного образовательного пространства межпредметных связей дисциплин «Педагогика» и «Морально-психологическое обеспечение служебной деятельности» может быть эффективным в формировании методической готовности курсантов к организации самообразования, если активизировать лабораторные занятия по педагогике. Лабораторный практикум по педагогике, по нашему мнению, будет играть значительную роль в интеграции двух ведущих факторов развития профессионального сознания, их взаимодополнение и взаимоусиление.

Под методикой модуля «Лабораторный практикум по педагогике» понимаем деятельность, основой которой является педагогическая диагностика, и системно реализуются ее компоненты (цель, задачи, содержание, формы, результаты и их коррекция). В связи с чем, содержательно-методическое обеспечение модуля «Лабораторный практикум по педагогике» представлено в виде объединяющих блоков, составляющими которых являются: педагогические знания, педагогические умения, творческая деятельность, мотивационно-ценностное отношение к военно-профессиональной практике. Так в модуле «Лабораторный практикум по педагогике» были интегрированы в одном занятии: тема по педагогике, раскрывающая вопросы воспитания, технология ситуативного моделирования и тема «Морально-психологического обеспечения служебной деятельности» (например, общая тема – Динамика педагогических ценностей (тема по педагогике – Проектирование системы нравственного воспитания; технология ситуативного моделирования – Воспитательный ресурс (нравственное воспитание как основа формирования личности); «Морально-психологическое обеспечение служебной деятельности» – Организация индивидуальной воспитательной работы в подразделении).

Технология ситуативного моделирования в формировании методической готовности курсантов к реализации самообразования заключается в возможности приобщения к реальным военно-профессиональным условиям в рамках учебной аудитории (квазипрофессиональная ситуация) в контексте решения ситуационных задач, кейсов, способствуя содействию развития критического мышления, самостоятельности и креативности. В то же время, среди ключевых из них, определяем: наличие в тексте задачи противоречия или проблемной ситуации, которая требует решения, современность представленного материала и его интерес для курсантов. При этом за основу ситуативного моделирования были взяты ситуации для практических занятий дисциплины «Моральное психологическое обеспечение служебной деятельности», которые обогащались зна-

ниями из предметной области педагогики.

Технология ситуативного моделирования в методическом обеспечении формирования готовности курсантов к организации самообразования пред-

ставлена как совокупность интерактивных методов обучения (деловые игры, ситуационные задачи и кейсы, воспроизводящие реальные и реально возможные профессиональные ситуации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордовская Н.В. Вызовы времени и новые модели развивающей образовательной среды // Человек и образование. 2013. № 2 (35). С. 4–11.
2. Гибсон Дж. Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988, 464 с.
3. Громцева А. К. Формирование у школьников готовности к самообразованию. М.: Просвещение, 1983. 144 с.
4. Гупалов М.М. Организационно-педагогические условия самообразования курсантов военных вузов внутренних войск МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Гупалов Максим Михайлович. СПб, 2013. 22 с.
5. Дарбинян Э.В. Формирование профессиональных ценностей курсантов военных институтов Росгвардии в предметном обучении (отрасль знания – педагогика): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Дарбинян Эдуард Владимирович. СПб., 2017. 250 с.
6. Даутова О.Б., Христофоров С.В. Самообразование учителя как условие его личностного и профессионального развития. // Инновации и образование: сборник материалов конференции. СПб: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. Вып. 29. С. 309–317.
7. Дурай-Новакова К. М. Формирование профессиональной готовности студентов к педагогической деятельности: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Дурай-Новакова Крыстына Мечиславовна. М., 1983. 356 с.
8. Золотовская Л.А. Теория и практика профессиональной подготовки офицеров по работе с личным составом: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Золотовская Людмила Алексеевна. М., 2015. 342 с.
9. Маргарьян А.Ю. Содержание методической готовности курсанта к организации самообразования военнослужащих в условиях лабораторного практикуму по педагогике // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста: XV Международная научно-практическая Интернет-конференция (3–9 июня 2019 г.). Тамбов: ТГУ им. Г.П. Державина, 2019.
10. Нагоева М.А. Самообразование курсантов российских университетов силовых ведомств на современном этапе: компаративно-эволюционный анализ (на примере университета МВД): автореф. дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / Нагоева Марина Аюесовна. Грозный, 2019. 53 с.

Margaryan Artur Yuryevich

Lecturer of the Department of Service Psychology

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops

Saint-Petersburg, Russian Federation

margaryan1972@yandex.ru

DEVELOPING OPPORTUNITIES FOR ORGANIZING SELF-EDUCATION OF CADETS IN THE PROCESS OF TEACHING PEDAGOGY

Abstract. The article considers the actualization of the developing capabilities of the organization of self-education of cadets in the process of teaching pedagogy, which is conditioned by the need to train a military specialist, who not only masters the base of necessary knowledge for the implementation of professional activities, but also has the ability to quickly replenish and update knowledge, to process the growing flow of information. The aim of the article is to develop the technology of organizing self-education of cadets in the process of teaching pedagogy in the integration of inter-subject ties with professional discipline as a complex of didactic conditions, ensuring not only the development of already manifested abilities and personal growth of students, but also the development of methodical readiness of cadets to organize self-education in the conditions of higher military education.

Keywords: military higher education, readiness for self-education, individual strategy of self-cognitive activity, cadet, laboratory practice on pedagogy, developing opportunities of pedagogy.

УДК 378.147

Пчеляков Сергей Александрович

старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
pchel-77@rambler.ru

Жуков Денис Владимирович

преподаватель кафедры огневой подготовки
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
Zhukovden2016@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Для цитирования:

Пчеляков С.А., Жуков Д.В. Особенности организации обучения применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 27–29. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/007.pdf>

Аннотация. В статье раскрывается процесс организации обучения огневой подготовке в системе МВД России, элементы, влияющие на правомерное и грамотное применение огнестрельного оружия, а также факторы, оказывающие влияние при его применении. Указаны предложения по улучшению качества организации огневой подготовки в системе МВД России.

Ключевые слова: обучение огневой подготовке, элементы огневой подготовки, факторы, влияющие на применение огнестрельного оружия, правомерность, тактическая грамотность, производство выстрела, психологический фактор.

Развитие современного общества обуславливает современную оснащенность и подготовленность сотрудников полиции к сегодняшним реалиям нашей жизни. Для обеспечения правопорядка и защищенности наших граждан сотрудник полиции обязан обладать многими знаниями, умениями и навыками в своей повседневной оперативно-служебной деятельности. Всегда быть готовым психологически и физически противостоять преступности, при этом постоянно самосовершенствоваться в своей профессиональной среде. При этом основной «базис» знаний, умений и навыков сотрудники полиции приобретают в учебных заведениях системы МВД России, если говорить про курсантов. Некоторые, закончив гражданские высшие учебные заведения, устремляются в полицию для служения на благо своих граждан, но, тем не менее, проходят профессиональную подготовку по специальности своей профессии в образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО) системы МВД России. И даже если необходимые юридические знания, полученные в гражданских ООВО, оказываются замечательными, то вот умения и особенно навыки они приобретают уже в специализированном учебном заведении системы МВД России.

Именно об умениях и навыках, получаемых сотрудником полиции в образовательном процессе, хотелось бы остановиться поподробнее. Конкретно на огневой подготовке и вытекающих отсюда сопутствующих смежных дисциплинах,

которые играют немаловажную роль в становлении профессионального полицейского. Личности – правоохранителя, будь то оперативник, следователь, участковый, сотрудник ГИБДД или ППС. За каждым из них будет закреплено табельное оружие, а значит, каждый будет иметь право на его применение, из этого вытекает, что каждый из них должен быть готов применить его: во-первых, в соответствии с законом, во-вторых, тактически грамотно, а в-третьих, правильно произвести выстрел, чтобы попасть в желаемую зону поражения цели. На сотрудника оказывается огромное психологическое давление: страх в принципе применить оружие; выстрелить в человека; возможные последствия после применения оружия; страх после всего этого потерять какие-либо ценности в случае неправомерного применения оружия (служба в полиции, семья и т. д.). Все это прокручивается в голове сотрудника, применяющего огнестрельное оружие, за 1 - 2 секунды, с того момента, когда он начнет движение руками к кобуре для извлечения оружия, до момента прицеливания и прожатия спускового крючка пистолета.

В итоге основная задача преподавателей в ООВО МВД России заключается в подготовке полицейского к подобной ситуации, которая может изменить его жизнь («с ног на голову»), все это за 1 - 2 секунды, которые были указаны выше.

Применение огнестрельного оружия – это, как правило, крайняя мера, используемая сотрудником полиции при возникновении ситуации, решающей применение оружия в соответствии с

Федеральным законом (далее – ФЗ) «О полиции» [1], но зачастую любой сотрудник старается минимизировать такой исход событий и применяет физическую силу или специальные средства, рискуя при этом собственной жизнью или здоровьем, чтобы избежать неблагоприятных последствий. Однако, если применение таковой не способствовало прекращению противоправных действий или промедление в принятии решения может повлечь тяжкие последствия, то тогда применяется огнестрельное оружие в соответствии с законом. На этой стадии у сотрудника полиции есть доли секунды, чтобы правильно квалифицировать совершаемое противоправное деяние, точно и грамотно определить пункт, часть и статью ФЗ «О полиции», в соответствии с которой он будет применять огнестрельное оружие. Для этого на стадии обучения у сотрудника необходимо развить навык быстрой квалификации противоправного деяния и безупречные знания главы 5 ФЗ «О полиции». Из этого следует, что особый акцент при огневой подготовке необходимо уделять правовой подготовке – это первое, на что мы обратили внимание.

Второе – тактика применения огнестрельного оружия. То есть полицейский, оказавшийся в непростой ситуации, должен оценить обстановку, обратить внимание на все значимые и незначимые детали окружающего его, людей, которые находятся рядом, при этом контролировать правонарушителя либо правонарушителей, быть готовым к любому развитию и исходу событий, происходящих вокруг. Если преступник извлекает оружие, необходимо мгновенно найти укрытие, чтобы в первую очередь спасти собственную жизнь, если же под угрозу попадают гражданские лица, то обеспечить их безопасность и защитить от возможных негативных последствий, связанных с жизнью или здоровьем. Уйдя с линии огня, находясь за укрытием, сотрудник полиции должен незамедлительно извлечь оружие, привести его в боевую готовность (снять с предохранителя, дослать патрон в патронник), выполнить требования части 1 статьи 19 ФЗ «О полиции», а после этого действовать решительно для обезвреживания опасного преступника. И в этом случае проявляется его тактическая подготовленность: умение выбрать позицию для стрельбы (атаки), умение двигаться со сменой позиции, умение грамотно использовать окружающие предметы, здания, неровности ландшафта местности и т. д. Либо, предугадав действия правонарушителя, находящегося в непосредственной близости и пытающегося отобрать оружие, вовремя среагировать, уйти с линии атаки и применить оружие в соответствии со статьей 24 ФЗ «О полиции». Тактически грамотно распорядившись обстановкой, сотрудник производит выстрел из оружия и в этом случае мы плавно переходим к третьему элементу – производству выстрела.

Один из главных элементов считается выстрел по противнику. Как его произвести:

- 1) Извлечь оружие из кобуры.
- 2) Дослать патрон в патронник.

3) Принять необходимую изготовку.

4) Сформировать правильный хват пистолета.

5) Произвести прицеливание.

6) Прожать спусковой крючок.

Всё это отрабатывается на занятиях по огневой подготовке в соответствии с методическими рекомендациями и опытом преподавателей. Имеются различные упражнения для тренировки, а в последующем и выработке устойчивых навыков обращения с огнестрельным оружием. Таким образом, мы получаем, что производство выстрела с прохождением всех вышеперечисленных этапов должно затрачивать не более 1 - 2 секунд. Значит, этого можно достичь только при условии, что у сотрудника имеются хорошие навыки обращения с оружием. Каким образом его достигать? Элементарной тренировкой и многократным повторением одних и тех же элементов. Для того, чтобы при необходимости применять оружие сотрудник полиции не думал о том, как ему извлечь пистолет, как дослать патрон в патронник, какую изготовку для стрельбы принять, как взять пистолет в руку, как совместить мушку с целиком у пистолета, а самое главное не забывать про контроль прожатия спускового крючка, а мог машинально, на уровне мышечной памяти, произвести все необходимые манипуляции с пистолетом и произвести точный прицельный выстрел по необходимой цели. Все эти элементы закладывают основу для дальнейшего обращения с оружием сотрудника полиции. При этом одним из ключевых факторов при производстве выстрела следует считать психологическое отношение сотрудника к применению оружия. У некоторых он выражается в страхе громкого хлопка от звука выстрела, у многих в боязни стрелять по человеку в принципе, неумении обращаться с оружием и т. д., в данном случае факторов может быть многочисленное количество, все зависит от стреляющего.

Наконец, мы подошли к четвертому элементу – это психологические факторы.

Для них характерны экстремальность ситуации при применении оружия сотрудником полиции, которым присуще:

«1. Присутствие различных эмоциональных воздействий, связанных с наличием опасностей, трудностей, новизны, высокой ответственности выполняемой деятельности, ограничением в лимите времени на принятие решения и др.

2. Наличие ситуаций, сопровождающихся опасностью таких факторов, как массовое поражение, чувство незащитности, наличие непосредственной угрозы для жизни.

3. Слишком существенные нагрузки на психику и тело человека.

4. Наличие чрезмерных нагрузок на речевые функции, особенно при условии дефицита информации.

5. Наличие чрезмерных физических нагрузок, перенапряжения сил.

6. Воздействие таких факторов, как значительные ускорения, вестибулярные нагрузки.

7. Режим, когда имеет место выраженное понижение двигательной активности (гипокинезия и

гиподинамия).

8. Фактор воздействия выраженной гипервентиляции, т. е. когда учащается глубокое дыхание больше, чем на 2,5–3 мин, например, когда есть сильное эмоциональное напряжение, и возникает при этом критическое снижение количества углекислоты в лёгочном воздухе, с другой стороны – существенное повышение содержания углекислоты в крови (речь идет о гиперкапнии).

9. Гипоксия – речь идет о существенном понижении содержания кислорода в тканях организма.

10. Присутствующие во вдыхаемом воздухе различные вредоносные элементы.

11. Наличие неблагоприятных воздействий разнообразных климатических и микроклиматических факторов (жара, холод, влажность и др.).

12. Наличие голода и жажды.

13. Наличие сенсорной депривации и информационной изоляции.

14. Психическое напряжение, тревожность.

15. Переживание несчастья родственников, их гибели» [2].

Каждая экстремальная ситуация имеет ряд присущих только ей причин, особенностей и характера развития. Стрельба из огнестрельного оружия также является экстремальной ситуацией, требующей от сотрудников профессионализма.

Огневая подготовка сотрудников органов внутренних дел невозможна без широкого и подробного анализа, разбора реальных случаев применения табельного оружия.

Выходит, что психологическая подготовка для сотрудников полиции – немаловажный элемент в их подготовке к оперативно-служебной деятель-

ности, связанной с возможной ситуацией, где придется применять огнестрельное оружие. Психологическую устойчивость можно отнести к неотъемлемому фактору, влияющему на применение оружия полицейским.

Анализируя полученные сведения, приходим к выводу, что применение оружия сотрудником полиции включает в себя четыре основных элемента, которые отражают профессионализм стреляющего:

1. Правомерность применения огнестрельного оружия.

2. Tактическая грамотность применения огнестрельного оружия.

3. Правильное производство выстрела из огнестрельного оружия.

4. Психологическая подготовленность к применению огнестрельного оружия.

Все эти элементы играют важную роль в профессионализме сотрудника полиции. Каким образом будет осуществляться подготовка кадров для системы МВД России, рассчитанная на то, что каждый сотрудник полиции умеет и может применить огнестрельное оружие в случае необходимости, будут зависеть судьбы других людей, которые верой и правдой служат своему государству на благо общественного порядка и безопасности. В связи с этим, в ООВО МВД России предлагается организовать комплексные занятия с привлечением сотрудников разных кафедр, отвечающих каждая за свою линию обучения, для проведения и разбора всех возможных нюансов, ошибок и самое главное совместного опыта работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 06.06.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

2. Беляева, Л.И. Психологические особенности экстремальных ситуаций правоохранительной деятельности // Прикладная юридическая психология / под ред. А.М. Столяренко. М., 2011. С. 87.

Pchelykov Sergey Aleksandrovich

Senior lecturer of the Department of Internal Affairs in special conditions
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
pchel-77@rambler.ru

Zhukov Denis Vladimirovich

Lecturer of the Department of fire training
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
Zhukovden2016@yandex.ru

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF TRAINING IN THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS

Abstract. The article reveals the process of organizing fire training in the system of the Ministry of internal Affairs of Russia, the elements that affect the lawful and competent use of firearms, as well as the factors that influence its use. Suggestions for improving the quality of fire training in the system of the Ministry of internal Affairs of Russia are indicated.

Keywords: fire training, elements of fire training, factors affecting the use of firearms, legality, tactical literacy, production of a shot, psychological factor.

УДК 37.037

Соборнов Александр Вячеславович

старший преподаватель кафедры физической подготовки
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
al_vyach_soborn@mail.ru

Фоменков Олег Николаевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
fomenkov.oleg.1973@mail.ru

Куценко Максим Валерьевич

кандидат юридических наук
начальник кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Нижегородская академия
МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
kaz970@yandex.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МВД РОССИИ**

Для цитирования:

Соборнов А.В., Фоменков О.Н., Куценко М.В. Актуальные вопросы совершенствования профессиональной физической подготовки курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 30–32. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/008.pdf>

Аннотация. В статье рассматриваются методы обучения курсантов и слушателей боевым приемам борьбы в условиях, приближенным к реальному несению службы.

Ключевые слова: боевые приемы борьбы, физическая подготовка, задержание, нападение, активное сопротивление, сотрудник полиции, нестандартные ситуации.

Современная практика деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) показывает, что эффективность решения оперативно-служебных задач во многом зависит от уровня физической и психологической подготовки сотрудников, а также от выработанных профессионально-прикладных двигательных навыков. Анализируя главу 5 Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции» [1], мы можем сделать вывод о том, что в основу работоспособности сотрудника полиции входят высокие физические показатели его физического развития и здоровья. И именно физическое развитие выпускников образовательных организаций системы МВД России нуждается в совершенствовании.

В теории под профессионально-прикладной физической подготовкой курсантов и слушателей понимается процесс воспитания у них физических качеств и овладения двигательными умениями и навыками, необходимыми для профессиональной деятельности сотрудников ОВД [2, с. 231].

В целях обеспечения актуальности темы исследования среди курсантов и слушателей Ниже-

городской академии МВД России был проведен опрос о необходимости совершенствования подхода к обучению боевым приемам борьбы. 90 % опрошенных курсантов и слушателей 3–5 курсов Нижегородской академии МВД России ответили, что существующие методы обучения необходимо доработать для большей эффективности подготовки будущих сотрудников различных подразделений МВД России. Лишь 10 % ответили отрицательно или отнеслись безразлично. Это еще раз подчеркивает актуальность проводимого нами исследования.

Наставление по физической подготовке регламентирует, что изучаемые боевые приемы борьбы в основном направлены на ограничение свободы задерживаемого лица с минимизацией причиняемого ущерба [3]. Однако, по нашему мнению, в случае какой-либо нестандартной ситуации у сотрудника полиции могут возникнуть затруднения в принятии решения. Например, задержание в местах массового скопления людей, оказывающего активное сопротивление, сопровождаемое срывами захватов, отталкива-

ниями, привлечением общественного внимания. В данном случае сотруднику необходимо применить силовое задержание. Так, по нашему мнению, для эффективного обучения курсантов и слушателей применению боевых приемов борьбы в нестандартных условиях (а такие условия в практической деятельности встречаются довольно-таки часто) необходимо проводить практические занятия, которые были бы приближены к реальным действиям. Так, ассистенту должна быть поставлена задача оказывать сопротивление, использовать свои силовые качества, предпринимать попытки вырваться и убежать – т. е. по факту войти в роль преступника.

Кроме того, по нашему мнению, при проведении практических занятий необходимо применять и элементы неожиданного нападения на сотрудника. Так, видится целесообразным применять такой прием обучения, при котором курсанту (слушателю) не будет известно, кто из группы будет на него нападать. В случаях отработки элементов задержания, необходимо ставить задачу ассистенту оказывать сопротивление в самые неожиданные моменты. При этом, конечно, необходимо максимально учитывать исключение травматизма обучающихся. Так, в процессе этих занятий у курсантов и слушателей будут формироваться не только физические, но и психологические навыки применения физической силы в нестандартных ситуациях. Данные приемы будут способствовать исключению нанесения телесных ранений или даже смерти сотруднику полиции в

будущей практической деятельности. Кроме того, в дальнейшей перспективе видится необходимость проведения комплексных занятий по физической и огневой подготовке. При этом моделирование ситуаций, связанных с осложнением оперативной обстановки, должно производиться с учетом знаний, умений и навыков, получаемых и формируемых на занятиях по «Тактико-специальной подготовке» и «Личной безопасности сотрудников органов внутренних дел».

Речь идет о проведении занятий, которые будут включать в себя элементы общефизической и тактико-специальной подготовки, боевые приемы борьбы, психологическое воздействие, а далее на фоне появившейся усталости – выполнение контрольных упражнений по стрельбе из пистолета Макарова, что в свою очередь повысит уровень подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России к реальному несению службы.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что профессионально-прикладная физическая подготовка курсантов и слушателей в образовательных организациях системы МВД России одной из главных целей ставит формирование у сотрудников физической и психологической готовности выполнения поставленных оперативно-служебных задач, эффективное применение боевых приемов борьбы, пресечение таким образом противоправных деяний в любых нестандартных ситуациях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 06.06.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Безотосов В.В. Некоторые вопросы совершенствования профессионально-прикладной физической подготовки обучающихся в образовательных учреждениях МВД России / отв. ред. Н.Н. Цуканов; СибЮИ МВД России // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXI международной научно-практической конференции (5–6 апреля 2018 г.): в 2 ч. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018. С. 231–232.
3. Приказ МВД России от 1 июля 2017 г. № 450 «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Гарант.ру» [Электронный ресурс]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71647620/> (дата обращения: 10.08.2020).

Sobornov Alexandr Vyacheslavovich

Senior lecturer of the Department of physical training
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
al_vyach_soborn@mail.ru

Fomenkov Oleg Nikolaevich

Senior lecturer of the Department of physical training
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
fomenkov.oleg.1973@mail.ru

Kutsenko Maxim Valerievich

PhD in Law (Candidate of Juridical sciences)
Chair of the Department of internal Affairs in special conditions,
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
kaz970@yandex.ru

**CURRENT ISSUES OF IMPROVEMENT OF PROFESSIONAL PHYSICAL TRAINING
OF CURSORS AND LISTENERS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MIA OF RUSSIA**

Abstract. The article discusses the actual methods of training cadets and students in combat fighting techniques in conditions close to real service.

Keywords: fighting techniques of struggle, physical training, detention, attack, active resistance, police officer, non-standard situations.

УДК 378.147

Ураков Дмитрий Игоревич

кандидат юридических наук
доцент кафедры огневой подготовки
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
kafedraognevoy52@gmail.com

Фетисов Андрей Викторович

доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
afetisov68@yandex.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УРОВНЯ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Для цитирования:

Ураков Д.И., Фетисов А.В. Совершенствование уровня огневой подготовки как неотъемлемая часть профессиональной деятельности сотрудников полиции // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 33–35. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/009.pdf>

Аннотация. В статье описываются условия и методы, направленные на формирование навыков стрельбы из пистолета, и рассматривается необходимость применения интерактивного оборудования в процессе проведения занятий по дисциплине огневая подготовка.

Ключевые слова: интерактивный, применение огнестрельного оружия, правонарушение, правомерность, огневая подготовка, ситуация.

Неотъемлемой частью профессиональной деятельности сотрудников полиции выступает огневая подготовка. Нередко при выполнении служебных задач полицейский оказывается в ситуациях, диктующих необходимость применения оружия. В тот момент и проявляются пробелы в огневой подготовке сотрудника. Так как качественная организация подготовки кадров для МВД России в полной мере реализуется именно в ведомственных учебных заведениях, актуальной задачей, стоящей перед образовательными организациями МВД России, является повышение эффективности обучения сотрудников полиции приемам и правилам обращения с огнестрельным оружием.

На занятиях по огневой подготовке большую часть времени уделяют практическим занятиям, которые направлены на совершенствование процесса подготовки сотрудников полиции по огневой подготовке. А ознакомление с теоретическим разделом огневой подготовки остается на самостоятельное изучение. Так как именно ситуации, специально созданные на практических занятиях и максимально приближенные к реальным условиям несения службы, способствуют формированию необходимых навыков в обращении с огнестрельным оружием [1].

Постоянные тренировки с использованием не

только реального огнестрельного оружия, но и тренажеров обуславливают достижение таких результатов. Например, использование тренажеров «РУБИН», «СКАТ», мультимедийного комплекса «ГЕРЦ», способствует максимальному моделированию ситуаций, имитирующих действия в условиях реальной оперативной обстановки [6, с. 45]. Но использовать тренажеры целесообразнее на первоначальных этапах обучения, при закладывании минимума навыков и умений базовой техники. Уже последующие тренировки на тренажере будут способствовать совершенствованию имеющихся навыков.

Использование теоретической концепции «искусственная управляющая среда», разработанная И.П. Ратовым, также способствует эффективно-му решению поставленных задач [5, с. 42]. Основу данной концепции составляет использование внешних искусственно созданных «энергосиловых добавок», подкрепляющих естественные движения, которые бы позволяли компенсировать нехватку двигательных навыков, необходимых для осуществления развиваемых движений с необходимым набором параметров и с рассчитываемой эффективностью. Создание искусственных условий, благоприятствующих ограничению внешних раздражающих факторов, отрицательно сказывающихся на выполнении упражнения –

необходимый компонент «искусственной управляющей средой». Основу для определения набора искусственно создаваемых условий составляет обнаружение и иерархизация причин, затрудняющих по максимуму реализовывать потенциал двигательных навыков стрелка в определенном упражнении.

Также немаловажное значение в формировании навыков стрельбы из пистолета должно отводиться применению интерактивных лазерных тиров. Например, панорамный интерактивный лазерный тир «Рубин» служит для обучения постоянного и переменного состава ведомственных вузов отработыванию приемов и правил стрельбы из пистолета и автомата не только по неподвижным, но и движущимся целям. Данный панорамный комплекс также позволяет прорабатывать согласованность действий сотрудников в малых группах, как правило, до 6 человек, в ситуациях, максимально приближенных к боевым. Или, к примеру, интерактивный лазерный тир «Рубин» ИЛТ-110 «Кадет» – учебно-методический стрелковый тренажерный комплекс, предназначенный для использования на занятиях по начальной стрелковой подготовке. Принцип действия на данном тренажерном комплексе состоит из нескольких этапов. Изображение мишеней или специально разработанных сценариев формируется и проецируется на экране со звуковым сопровождением. Курсант или слушатель производит выстрел из лазерного оружия по мишеням на экране, а лазерная камера, в момент выстрела, определяет координаты лазерной точки и передает их компьютеру, где осуществляется расчет и привязка координат точки попадания к зонам поражения. После чего результаты каждого выстрела отображаются на экране. Оценка за упражнение зависит от точности и скорости стрельбы [4].

Практическая значимость работы с применением интерактивных лазерных тиров проявляется в возможности проведения анализа допускаемых ошибок при стрельбе, доведении до автоматизма выполнения команд руководителя стрельб, способствовании выбора вариантов действий при стрельбе [3, с. 114].

Одной из важных составляющих методологии

огневой подготовки в образовательных организациях высшего образования (далее – ООВО) системы МВД России выступает инновационное обеспечение (тренажеры, интерактивные лазерные тир, автоматизированные мишенные установки) [2].

Каждого сотрудника реально научить производить меткий выстрел в течение определенного времени, однако можно ли научить быстрому и правомерному принятию решения о его применении? Не стоит забывать о факторах, которые на деле оказывают огромное значение на правильность применения оружия:

- личные характеристики (самочувствие, хронический недосып, возникающий вследствие ненормированного графика службы, психологическая готовность в решающий момент выстрелить);
- напряженность ситуации, повлекшей необходимость применения оружия (стресс, возникающий у сотрудника в момент применения оружия, может негативно сказаться на правильности действий);
- окружающая среда (время суток, погодные условия);
- недостаточная практика применения оружия в повседневной служебной деятельности, ввиду чего приобретенные навыки и умения деавтоматизируются.

Окончив обучение в ведомственном ООВО, полицейский приобретает право на закрепление за ним служебного огнестрельного оружия, поэтому возникает необходимость в постоянных тренировках на местах прохождения службы для поддержания приобретенных навыков и умений стрельбы.

Таким образом, в учебном процессе при изучении дисциплины «Огневая подготовка» использование информационных технологий имеет огромное значение не только для формирования умений и навыков применения оружия, но и последующего их совершенствования. Современные средства обучения могут оказать существенное влияние на повышение его качества. На практических занятиях также необходимо уделять время на выработку интенсивности и устойчивости внимания сотрудников полиции для готовности к действиям при неожиданных изменениях обстановки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Огневая подготовка : пособие для курсантов и студентов, проходящих военную подготовку в военных учебных заведениях / А.А. Тарчишников [и др.]; под общ. ред. А.В. Зырянова. Мн.: БНТУ, 2017. 153 с.
2. Корсаков Ю.В. Инновационные технологии в процессе огневой подготовки // Проблемные вопросы эффективности раскрытия и расследования преступлений: сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции / сост. Д.В. Васильев. Волгоград: Перископ-Волга, 2018. С. 125–128.
3. Лаврушин А.В., Твердохлеб В.С. Инновационные технологии в обучении курсантов вузов по предмету огневая подготовка // Информационные технологии. Проблемы и решения. 2015. № 1 (2). С. 114–118.
4. Лазерные технологии. Научно-технический центр [Сайт]. URL: <http://www.lasertools.ru/products/tir/ilf.html> (дата обращения: 10.08.2020).

5. Ратов И.П. Проблемы преодоления противоречий в процессе обучения движениям и реализации дидактических принципов // Теория и практика физической культуры. 2016. № 17. С. 40–44.

6. Современные технологии обеспечения общественной безопасности: сборник докладов научно-практической конференции (6 марта 2012 г.). Мн.: Академия министерства внутренних дел Республики Беларусь, 2012. 151 с.

Urakov Dmitry Igorevich

PhD in Law (Candidate of Juridical sciences)

Associate professor of the Department of fire training

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia

Nizhny Novgorod region, Russian Federation

kafedraognevoy52@gmail.com

Fetisov Andrey Viktorovich

Associate professor of the Department of internal Affairs in special conditions

Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia

Nizhny Novgorod region, Russian Federation

afetisov68@yandex.ru

**IMPROVING THE LEVEL OF FIRE TRAINING AS AN INTEGRAL PART
OF THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF POLICE EMPLOYEES**

Abstract. The article describes the conditions and methods aimed at the formation of pistol shooting skills, and considers the need to use interactive equipment in the process of conducting fire training classes.

Keywords: interactive, use of firearms, offense, legality, fire training, situation.

УДК 37.013.73

Филимонцев Николай Матвеевич

кандидат исторических наук, доцент
Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
профессор кафедры общей и прикладной психологии
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
kafedra_opp@bk.ru

Козырева Елена Николаевна

кандидат педагогических наук
доцент кафедры физической подготовки и прикладных единоборств
Санкт-Петербургский университет МВД России
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
kafedra_opp@bk.ru

**ОПЫТ ПОДГОТОВКИ БОЕВЫХ РЕЗЕРВОВ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ
ДОБРОВОЛЬНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ И ОРГАНИЗАЦИЯМИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.
(К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ)**

Для цитирования:

Филимонцев Н.М., Козырева Е.Н. Опыт подготовки боевых резервов для Красной Армии добровольными обществами и организациями в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 75-летию Великой Победы) // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 36–39. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/010.pdf>

Аннотация. Тема Великой Отечественной войны остаётся актуальной и сегодня. Потомки должны знать и помнить, какой ценой досталась Победа. Цель статьи – раскрыть особенности формирования боевых резервов для Красной Армии, роль общественных организаций и добровольных обществ в подготовке военных кадров для фронта во время войны, выделить небывалый патриотический подъем простых граждан в деле защиты Родины.

Ключевые слова: боевые резервы, кадры, добровольные общества и организации, Красная Армия, Всевобуч, Осоавиахим, Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

Великая и незабываемая, такой остаётся в сердцах и памяти россиян победа в Великой Отечественной войне. 75 лет минуло с этого дня. Все дальше и вглубь времен уходит 1945 год, все меньше остаётся участников тех трагических и героических событий, но живой интерес к ним не ослабевает. Потомки должны знать и помнить, какой ценой досталась Победа. Первый период войны для Советского Союза был очень тяжелым и сложным. Войска приграничных округов, не ожидавшие такой силы удара, впервые же дни боев понесли огромные потери. Наша авиация потеряла 1200 самолетов, из 170 дивизий вышли из строя 28 и свыше 70 лишились половины своего состава в людях и боевой технике, что послужило причиной расформировать 124 дивизии [1, с. 270]. В этой связи подготовка боевых резервов, мобилизационная работа в интересах обеспечения войск хорошо подготовленным личным составом, стала важной государственной задачей. Партийные и советские и общественные организации страны активно включились в реализацию этой задачи, в результате титанической работы к концу 1941 года удалось сформировать 291 дивизию, 94 бригады [3, с. 54].

Активно включились в подготовку боевых резервов для фронта общественные добровольческие общества и организации. Особое внимание ими уделялось подготовке летчиков, танкистов, артиллеристов, минометчиков, снайперов, связистов, истребителей танков, шоферов. Именно в этих специалистах быстро росла потребность в действующих частях и подразделениях на фронте.

Тыл и прифронтовые районы страны, различные военные организации и учреждения, расположенные в тыловых и прифронтовых районах страны, также остро нуждались в подготовленных кадрах, готовых к противовоздушной и противохимической обороне. Для того, чтобы в самые короткие сроки подготовить для фронта достойное пополнение, вооружить население страны необходимыми военными знаниями, требовалась стройная система его обучения и подготовки, усилия всех государственных и общественных организаций страны.

В этой связи, уже через десять дней после начала войны по постановлению Совнаркома СССР было введено всеобщее обязательное военное обучение взрослого населения, подготов-

ка его к противовоздушной обороне. Наличие хорошо подготовленных резервов становилось важным условием победы над коварным и сильным, хорошо подготовленным врагом, от слаженной работы системы военной подготовки гражданского населения и обучения войск зависел успех всей войны. При этом гражданское население рассматривалось в качестве главного источника подготовки военно-обученного резерва для действующей армии. Военное обучение гражданского населения в годы войны осуществлялось главным образом через систему Всевобуча. Весь курс обучения продолжался 110 учебных часов, из которых 7 отводилось на изучение уставов, 26 – на строевую подготовку, 38 – на огневую, 14 – на рукопашный бой, 7 – на самоокапывание и 18 – на тактику [5, с. 10].

Военное обучение населения осуществлялось по наиболее востребованным в войсках специальностям: автоматчик, снайпер, истребитель танков, пулеметчик. Через систему Всевобуча¹ было подготовлено более 290 тыс. различных специалистов, знавших военное дело [4, с. 70]. В условиях военной обстановки была значительно усилена подготовка кадров для действующей армии в военных академиях и училищах, а также в различных школах и на курсах.

Обстановка военного времени потребовала усиления партийно-политического влияния в воинских частях и подразделениях действующей армии. В этой связи, 27 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об отборе коммунистов для отправки на фронт и обязало 12 обкомов отобрать для этой цели от одной до десяти групп по 500 человек в каждой. Отбор производился в течение трех дней. С отобранными коммунистами были проведены военные сборы, а затем их направили в дивизии действующей армии [1, с. 556].

По партийной мобилизации в вооруженные силы были направлены около 8,8 тыс. руководящих партийных работников, большой отряд коммунистов и лучших комсомольцев в качестве политбойцов, рядовых красноармейцев и краснофлотцев, которые личным примером и призывным словом увлекали за собой сослуживцев. Так, в качестве политбойцов в части и соединения были подготовлены и отправлены 60 тыс. коммунистов и 40 тыс. комсомольцев. Всего за полугодие 1941 года более 1,1 млн коммунистов были посланы в действующую армию и на флот [1, с. 555–556].

Весомый вклад в пополнение боевыми резервами действующей армии внесли молодежные и комсомольские организации, насчитывавшие в годы войны в своих рядах более 9 млн членов: они дали Красной армии и флоту 3500 тыс. человек

¹ Всеобщее военное образование (сокращенно Всевобуч) – система обязательной военной подготовки граждан, которая существовала в РСФСР и СССР в 1918–1948 гг.

[1, с. 122]. Молодые люди самоотверженно сражались с захватчиками на фронте, в партизанских отрядах и подполье. Наравне с юношами стойко переносили все тяготы и лишения войны, героически бились с врагом 350 тыс. девушек-комсомолок. В действующую армию в 1941 году на военную работу были направлены 1200 секретарей обкомов, первых секретарей горкомов и райкомов и свыше 66 тыс. секретарей первичных комсомольских организаций [1, с. 624].

Большую работу вели молодежные организации по подготовке боевых кадров для фронта в системе Всевобуча. В процессе обучения создавались комсомольско-молодежные подразделения снайперов, автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков и воинов других специальностей. Эти подразделения подготовили свыше 1700 тыс. специалистов. Кроме того, были созданы специальные подразделения из девушек, подготовившие 214 тыс. снайперов, пулеметчиков и других специалистов [1, с. 124]. Из молодежи формировались кадры для борьбы в тылу врага. Комсомол возглавлял патриотическое движение молодежи в тылу. Оно проявлялось в самых различных формах: организация комсомольско-молодежных бригад, создание Фонда помощи детям-сиротам и прочее. Юноши и девушки проявляли истинный трудовой героизм. Советская молодежь внесла в Фонд обороны страны около миллиарда рублей. Государство высоко оценило заслуги комсомолов: 3500 тыс. комсомольцев были награждены орденами и медалями СССР, а 3 тыс. из них удостоены звания Героя Советского Союза [1, с. 125]. За боевые заслуги орденами и медалями награждены 100 тыс. девушек, 58 из которых получили звание Героя Советского Союза [1, с. 625].

Высокий патриотизм и озабоченность за судьбу Родины с первых дней войны проявили различные общественные организации и добровольные общества страны. Осоавиахимовские² и физкультурные организации, а также Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР на протяжении всех лет войны всемерно помогали местным органам власти и военному командованию готовить для фронта боевые резервы, в распространении военных знаний среди гражданского населения. В общей сложности эти организации и общества за годы войны дали фронту миллионы профессионально подготовленных военных специалистов, которые хорошо проявили себя в боевой обстановке. Люди приходили в эти организации добровольно, по велению сердца, приходили для того, чтобы научиться метко стрелять и метать гранаты, вести рукопашный бой и штыковой бой, ходить на лыжах и плавать, водить автомашину или мотоцикл, преодолевать

² Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (сокращенно Осоавиахим) – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 гг.

препятствия, оказывать первую медицинскую помощь пострадавшим и быстро ликвидировать последствия налетов вражеской авиации. Перестроив всю свою работу на военный лад, подчинив ее задачам по мобилизации всех сил и средств на разгром врага общественные организации и добровольные общества оказали неоценимую помощь в укреплении тыла, в мобилизации советских людей на выполнение ответственных задач военного времени. Так, например, направленное Центральным советом Осоавиахима письмо в июне 1941 года в адрес областных, краевых и республиканских советов Осоавиахима предписывало местным организациям максимально форсировать подготовку боевых кадров для фронта, усилить обучение населения противовоздушной и химической обороне, а также расширить для этих целей сеть военных курсов и кружков. Как известно, Осоавиахим еще в предвоенные годы являлся одним из наиболее массовых добровольных обществ страны. В 1940 году в его рядах насчитывалось более 13 млн человек [4, с. 69]. Ежегодно в осовиахимовских организациях тысячи юношей и девушек получали различные военные специальности. Что характерно, подготовка боевых резервов для фронта осуществлялась без отрыва от основной работы в кружках, на курсах, в клубах и школах. Обучение кадров велось по 30 различным военным специальностям, только РСФСР и одна автономная республика подготовили в 1941–1945 гг. для фронта более двух миллионов различных военных специалистов [4, с. 108].

Даже находясь в тяжелых условиях, осовиахимовские организации не прекратили работу по обучению боевых резервов. Так, за время осады осовиахимовцы Ленинграда подготовили 45 тыс. военных специалистов-стрелков, пулеметчиков, автоматчиков, связистов, радистов и танкистов [6, с. 124–125]. Надо отметить и такой важный участок работы Осоавиахима как подготовка общественных инструкторов для обучения населения по программам противовоздушной и противохимической обороны. За годы войны на курсах и кружках прошли обучение 987 тыс. человек [4, с. 136]. О важности этой работы свидетельствуют ее результаты, 99 % всех пожаров, возникших в результате воздушных налетов противника, ликвидировали группы самозащиты, обученные по программе Осоавиахима [4, с. 137].

На завершающем этапе Великой Отечественной войны, 19 февраля 1944 г., постановлением Государственного комитета обороны Осоавиахиму были поручены разминирование освобожденной территории, сбор оставшейся на полях сражений боевой техники, оружия и боеприпасов.

В целом деятельность Осоавиахима в военные годы сыграла огромную роль в общей вооруженной борьбе, она оказала влияние на успешный

исход операций на наиболее важных участках советско-германского фронта, подготовив в своих организациях более 9 млн человек, в том числе 4890 тыс. стали ворошиловскими стрелками, 886 тыс. – пулеметчиками, 277 тыс. – связистами, 266 тыс. – истребителями танков, 257 тыс. – минометчиками, 242 тыс. – автоматчиками, 1939 тыс. – снайперами, 132 тыс. – шоферами, 100 тыс. – младшими командирами стрелковых подразделений, 93 тыс. – пилотами первоначального обучения, пилотами планеров-буксировщиков и бойцами-парашютистами, 63 тыс. – моряками и т. д. [5, с. 108].

Серьезный вклад в подготовку боевых резервов для Красной Армии внёс Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР, который насчитывал в 1941 году 7,9 млн членов. Организации Красного Креста помогали раненым и больным воинам вернуться в строй, участвовали в подготовке среднего и младшего медперсонала. Ощутимые результаты работы, за годы войны, проявились в подготовке 23 млн человек по программе «Готов к санитарной обороне», около 300 тыс. медицинских сестер, более 500 тыс. санитаров и до 30 тыс. санитаров [1, с. 138]. Большинство выпускников медицинских школ Красного Креста направлялись в действующую армию – в роты, батальоны и полки. Фронтные и тыловые лечебно-профилактические учреждения не испытывали недостатка в среднем и младшем медперсонале [1, с. 139]. Неоценим вклад обществ Красного Креста и в организации донорства. За годы войны доноры, в том числе военнослужащие, дали фронту более 1,7 млн литров крови. Противозидемические отряды на освобожденной территории обследовали свыше 500 тыс. дворов, подвергли санитарной обработке 400 тыс. граждан, отремонтировали 7 тыс. колодцев [2, с. 119].

Немалую роль в подготовке боевых резервов для фронта сыграли в годы войны и физкультурные организации страны, немедленно перестроившие свою работу на военный лад. В процессе перестройки их особое внимание обращалось на рост количества физкультурных организаций, вовлечение в них молодежи города и деревни и на подготовку из числа физкультурников различных военных специалистов для последующей отправки на фронт. И результаты их работы уже, начиная с 1942 года, нашли свое отражение не только в росте численности физкультурных организаций в стране но и занимающихся людей в них. Так, например, если в 1943 году регулярно занимающихся физическими упражнениями насчитывалось 1713 тыс. человек, то в 1944 – 2762 тыс., а в 1945 – уже 3470 тыс., или на 365 тыс. человек больше, чем в 1940 году [2, с. 108].

Таким образом, физкультурные коллективы и в

годы войны продолжали оставаться большой общественной организацией, способной решать сложные и ответственные задачи. Физкультурные организации готовили для Красной армии бойцов рукопашного боя, пловцов и лыжников. Только за 1943–1944 гг., например, инструкторами-общественниками было обучено 1576 тыс. человек ведению рукопашного боя и 105 тыс. ходьбе на лыжах. За один только 1943 год было подготовлено 472 тыс. пловцов [4, с. 71].

В большом количестве физкультурные организации готовили для действующей армии шоферов и мотоциклистов. Лишь в 1943 году было обучено 36 тыс. водителей автомашин и 29 тыс. мотоциклистов [5, с. 108]. Трудящиеся, и особенно молодежь допризывного возраста, своими повседневными занятиями в различных секциях стремились лучше подготовиться к вступлению в ряды защитников Родины. Это была ощутимая помощь

Красной армии. Главным в настроении советского общества в годы войны было желание отдать все силы для разгрома оккупантов. Так же надо отметить, что за годы войны в стране удалось создать необходимые условия восстановления и расширения военного образования в интересах подготовки военных кадров, восполнить нехватку командного состава среднего и младшего звена, квалифицированных военных техников и специалистов в воинских частях, участвовавших в боевых действиях на советско-германском фронте.

Итак, общественные и добровольные общества страны через систему Всевобуча, спортивных, оборонно-массовых и молодежных организаций в годы Великой Отечественной войны проделали колоссальную работу по подготовке боевых резервов для Красной Армии тем самым внесли весомый вклад в общую победу над фашистским агрессором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. Т. 1. 972 с.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6 т. М.: Воениздат, 1965. Т. 6. 652 с.
3. Козыбаев М.К. Труд во имя победы. Алматы Казахстан, 1995. 175 с.
4. Осокин Г. Военное обучение населения в ходе Великой Отечественной войны // Военная мысль. 1962. № 9. С. 67–72.
5. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту. 2-е изд. М.: Воениздат, 1985. 318 с.
6. 900 героических дней: сборник документов и материалов. М.: 1966. С. 124–125.

Filimontsev Nikolay Matveevich

PhD in History (Candidate of Historical sciences), Docent
Honored Worker of Higher School of the Russian Federation
Professor Department of General and Applied Psychology
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
kafedra_opp@bk.ru

Kozyreva Elena Nikolaevna

PhD in Pedagogy (Candidate of Pedagogic sciences)
Associate professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts
Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
Saint-Petersburg, Russian Federation
kafedra_opp@bk.ru

EXPERIENCE IN PREPARING BATTLE RESERVES FOR THE RED ARMY BY VOLUNTARY SOCIETIES AND ORGANIZATIONS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR 1941–1945 (TO THE 75TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY)

Abstract. The theme of the Great Patriotic War remains relevant today. Descendants must know and remember at what price the victory went. The purpose of the article is to reveal the features of the formation of military reserves for the Red Army, the role of public organizations and voluntary societies in the training of military personnel for the front during the war, to highlight the unprecedented patriotic rise of ordinary citizens in the defense of the Motherland.

Keywords: combat reserves, personnel, voluntary societies and organizations, the Red Army, Vseovobuch, Osoaviahim, Union of Red Cross and Red Crescent Societies of the USSR.

УДК 159.9.07

Авдиенко Геннадий Юрьевич

кандидат психологических наук, доцент
профессор кафедры психологии служебной деятельности
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
gen_avdienko@mail.ru

ТРЕВОЖНОСТЬ И АДАПТАЦИОННЫЕ СПОСОБНОСТИ КАК КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования:

Авдиенко Г.Ю. Тревожность и адаптационные способности как критерии эффективности саморегуляции военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 40–44. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/011.pdf>

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования изменения тревожности и адаптационных способностей в результате овладения военнослужащими войск национальной гвардии Российской Федерации методиками саморегуляции. На основе полученных материалов обосновывается необходимость включения учебной дисциплины «Методы саморегуляции» в структуру курса боевой подготовки. Предлагаются практические рекомендации результатов исследования.

Ключевые слова: военнослужащий, личностная тревожность, ситуационная тревожность, личностный адаптационный потенциал.

Чем вызван интерес к данной теме? Дело в том, что в жизни, сталкиваясь с различными неожиданными ситуациями, или, предполагая о наступлении какого-то неожиданного события, нам зачастую приходится испытывать тревожность. Причем тревожность может как подталкивать нас к выполнению каких-либо действий, так и овладевать нами, практически парализуя или блокируя четкую их организацию. То есть речь идет о психическом явлении, имеющем два полюса: конструктивный и деструктивный.

Вместе с тем, известно, что адаптация так же дуалистична. Если человек достиг равновесного состояния с окружающей средой (он успешен в деятельности, выстраивает ровные отношения с окружающими и т. д.), то говорят, что он адаптирован. Адаптация – это способность человека, охватывающая все уровни его иерархии (индивид, субъект, личность), направленная на восстановление нарушенного гомеостаза, за счет обеспечения равновесия в системе «человек–среда». Если нет, то дезадаптирован. Дезадаптация — это дезорганизация психической деятельности и, как следствие, дезорганизация поведения [1].

Налицо похожие последствия проявлений этих двух психических явлений – тревожности и адаптации: в одном случае успешность и организованность, в другом – дезорганизация и нарушение поведения. Поэтому возникают вопросы: существует ли взаимосвязь тревожности с адаптационными способностями и, если эта взаимо-

связь существует, то возможно ли ею управлять?

Вопросы являются актуальными, так как ответы на них будут способствовать не только расширению представлений об адаптации военнослужащих к воинским условиям, но и расширению арсенала практического инструментария психолога воинской части и заместителя командира по работе с личным составом. Изучение взаимосвязанности тревожности с адаптационными способностями поможет осознать возможность практического ее использования в качестве инструмента в психологической работе, что следует принять в качестве цели предлагаемого исследования. Достижение поставленной цели возможно через решение следующих задач: теоретического обзора по предлагаемой теме; изучения уровня адаптационных способностей и тревожности военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации; определение наличия корреляционных связей между тревожностью и адаптационными способностями военнослужащих; изучение изменений параметров, характеризующих тревожность и адаптационные способности военнослужащих, при практическом применении методов саморегуляции.

Итак, актуальность темы обозначена, цель определена, задачи поставлены.

В первую очередь следует определиться с сущностью термина «тревожность». Две тысячи лет назад Цицерон в трактате «Тускуланские беседы» писал: «Тревожность как черта характера

(*anxietas*) отличается от состояния тревоги (апдог) в том смысле, что тот, кто иногда испытывает страх, необязательно всегда встревожен, а тот, кто тревожен, необязательно во всех случаях испытывает страх). Анализируя это суждение, Г. Айзенк указывает: «Из контекста видно, что под тревожностью как чертой характера Марк Тулий Цицерон понимает относительно постоянное состояние сильного возбуждения симпатической нервной системы, страха и повышенной эмоциональности, в то время как состояние тревожности представляет собой состояние человека в конкретный момент, независимое от уровня эмоциональности, обычного для данного человека» [7].

В «Кратком психологическом словаре» под тревожностью понимается: «Склонность индивида к переживанию тревоги, характеризующаяся низким порогом возникновения реакции тревоги; один из основных параметров индивидуальных различий. Тревожность обычно повышена при нервно-психических и тяжелых соматических заболеваниях, а также у здоровых людей, переживающих последствия психической травмы, у многих групп лиц с отклоняющимся поведением. В целом тревожность является субъективным проявлением неблагополучия личности» [3].

С.Ю. Головин считает, что тревожность (готовность к страху) – состояние целесообразного подготовительного повышения сенсорного внимания и моторного напряжения в ситуации возможной опасности, обеспечивающее соответствующую реакцию на страх [6].

Тревожность – психологическое состояние повышенного беспокойства, эмоционального напряжения человека. Тревожность может выступать как ситуативное, т. е. временное, состояние человека и как устойчивая черта его личности. Соответственно, различают ситуативную и личностную тревожность [8].

Можно перечислять взгляды множества зарубежных и отечественных авторов, изучавших тревожность, однако большинство исследователей сходятся в признании необходимости рассматривать его дифференцированно – как ситуативное явление и как личностную характеристику с учетом переходного состояния и его динамики.

Неоднозначность оценок вектора действия тревожности проявляется и во взглядах на ее функциональную значимость. Ф.Б. Березин считает, что тревога может играть охранительную и мотивационную роль, сопоставимую с ролью боли. Однако в отличие от боли, тревога – это сигнал опасности, которая еще не реализована [2].

Таким образом, подчеркивается вероятностный характер прогнозирования опасности (ее характера и величины), который зависит от ситуационных и личностных факторов. В связи с этим тревожность понимается как весомый личност-

ный фактор, необходимый для опережающего действия.

Далее следует рассмотреть сущность термина «адаптационные способности». Адаптационную способность человека принято понимать, как способность организма и психики приспособляться к существованию в изменяющихся условиях. По мнению А.Г. Маклакова, адаптационные способности индивида во многом зависят от психологических особенностей личности, определяющих возможность адекватной регуляции функционального состояния организма в разнообразных условиях жизни и деятельности. Автор считает, что чем значительнее адаптационные способности, тем выше вероятность нормального функционирования организма и эффективной деятельности при увеличении интенсивности воздействия психогенных факторов внешней среды [4].

Оценка адаптационных возможностей личности проводится через оценку уровня развития психологических характеристик, наиболее значимых для регуляции психической деятельности и процесса адаптации. Данные психологические особенности личности взаимосвязаны и составляют одну из интегральных характеристик психического развития личности – личностный адаптационный потенциал (ЛАП). Показатели ЛАП содержат информацию о соответствии или несоответствии психологических характеристик личности общепринятым нормам. С.Т. Посохова предполагает, что адаптационный потенциал целесообразно представлять как интегральное образование, объединяющее в сложную систему: социально-психологические, психические, биологические свойства и качества, актуализируемые личностью для создания и реализации новых программ поведения в измененных условиях жизнедеятельности. Личностный адаптационный потенциал включает биопластический, биографический, психический и личностно-регуляторный компоненты [5].

Позиции указанных авторов объединяет следующее: ЛАП представляет собой интегральную характеристику индивидуально-психологических признаков, обуславливающих эффективность психической адаптации, позволяющую дифференцировать людей по степени устойчивости к воздействию психоэмоциональных стрессоров. Значимость этой психологической характеристики актуализируется при решении задач прогнозирования эффективности деятельности в экстремальных условиях.

Анализ взглядов различных авторов на тревожность и адаптационные способности позволяет сделать следующее заключение: рассматриваемые характеристики относятся к личностной сфере и выполняют сигнальные (прогнозирования опасной ситуации) и адаптивные (устойчивость к воздействию психоэмоциональных стрессоров) функции.

Это важно и с точки зрения прогнозирования успешности деятельности в экстремальной ситуации и с точки зрения организации подготовки к этой деятельности. Поэтому и возникают, как уже было ранее сказано, вопросы: существует ли взаимосвязь тревожности с адаптационными способностями и, если эта взаимосвязь существует, то возможно ли ею управлять?

С целью ответа на эти вопросы было организовано и проведено практическое исследование. В качестве респондентов были выбраны 44 военнослужащих срочной службы и разделены на две равные группы по 22 человека: контрольную и экспериментальную. С обеими группами проведено психодиагностическое исследование, позволяющее определить уровень ситуативной и личностной тревожности, а также уровень развития адаптационных способностей. С этой целью применялись: тест Спилбергера-Ханина, исследующий психологический феномен тревожности и многоуровневый личностный опросник «адаптивность» (МЛО) А.Г. Макакова и С.В. Чермя-

нина, изучающий адаптационные способности.

В качестве следующего этапа практической работы проводилось обучение военнослужащих экспериментальной группы методике саморегуляции «Ключ», направленной на снижение психического напряжения, вызываемого стрессовыми состояниями.

После овладения военнослужащими экспериментальной группы и отработки ими навыка методики саморегуляции, было проведено повторное психодиагностическое обследование контрольной и экспериментальной групп по тем же методикам.

Результаты выполнения практической работы и их обсуждение (замечание: на всех рисунках значения представленных характеристик представлены в стандартных единицах измерения – СТЭН).

Первое психодиагностическое исследование позволило установить, что уровни ситуативной и личностной тревожности у военнослужащих обеих групп находятся на одном уровне (рисунок 1).

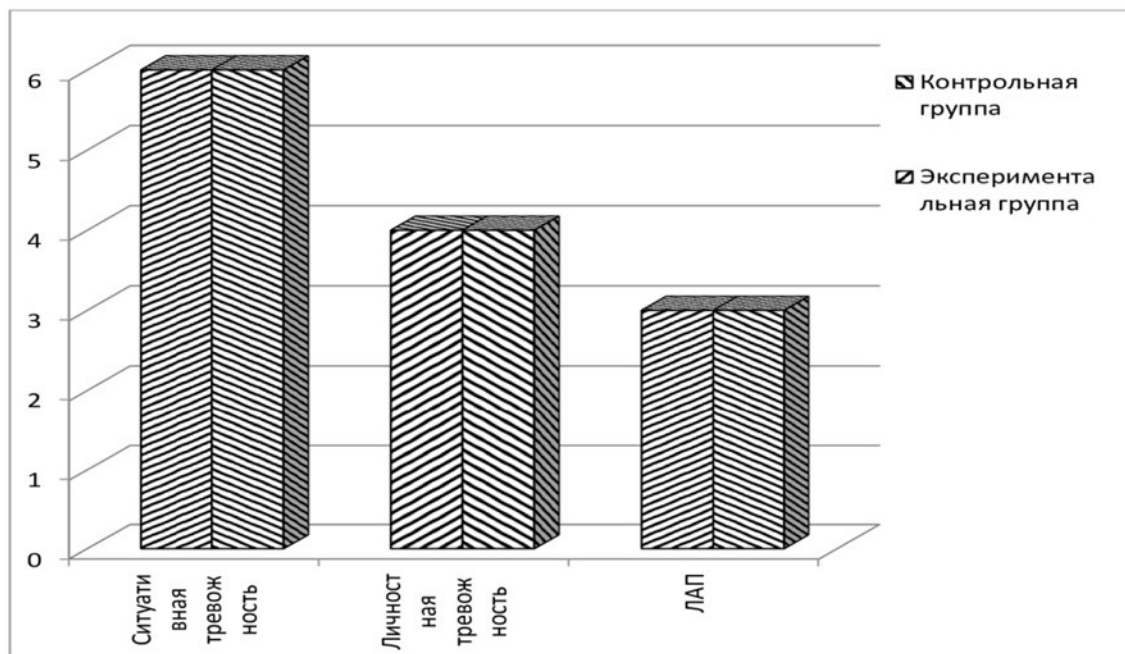

Рисунок 1 – Графическое изображение уровней ситуационной и личностной тревожности, адаптационных способностей военнослужащих контрольной и экспериментальной групп, выявленных на первом психодиагностическом исследовании)

При изучении корреляционных взаимосвязей было установлено, что существует корреляционная взаимосвязь на уровне статистической значимости $p < 0,001$ между параметрами, характеризующими тревожность и личностный адаптационный потенциал респондентов рассматриваемых выборок (рисунок 2).

По результатам второго психодиагностического исследования было установлено, что у военнослужащих экспериментальной группы произо-

шли следующие качественные изменения: значительно улучшилась ситуативная тревожность, улучшилась личностная тревожность и улучшился личностный адаптационный потенциал. Вместе с тем у военнослужащих контрольной группы качественно ухудшилась ситуационная тревожность, не изменилась личностная тревожность, незначительно увеличился личностный адаптационный потенциал (рисунок 3).

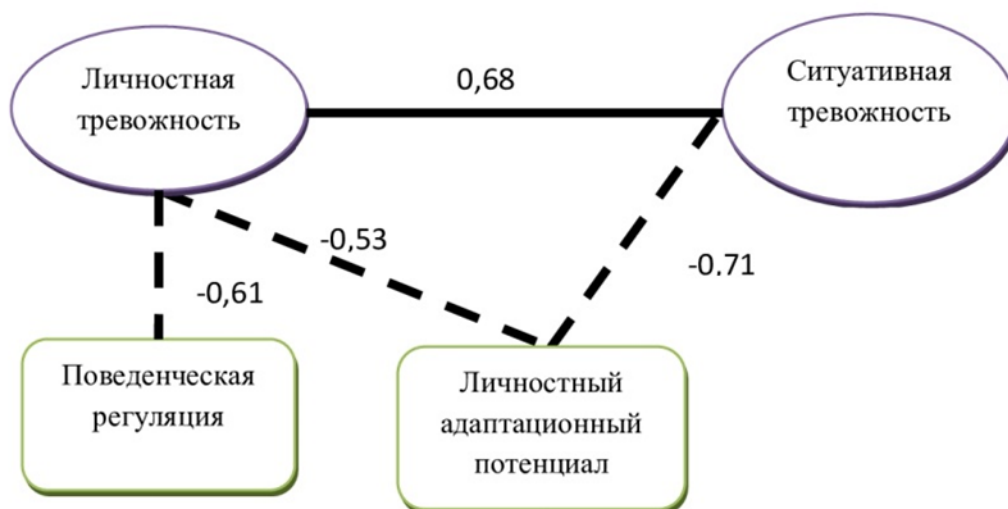

Рисунок 2 – Корреляционная взаимосвязь между параметрами, характеризующими тревожность и личностный адаптационный потенциал военнослужащих

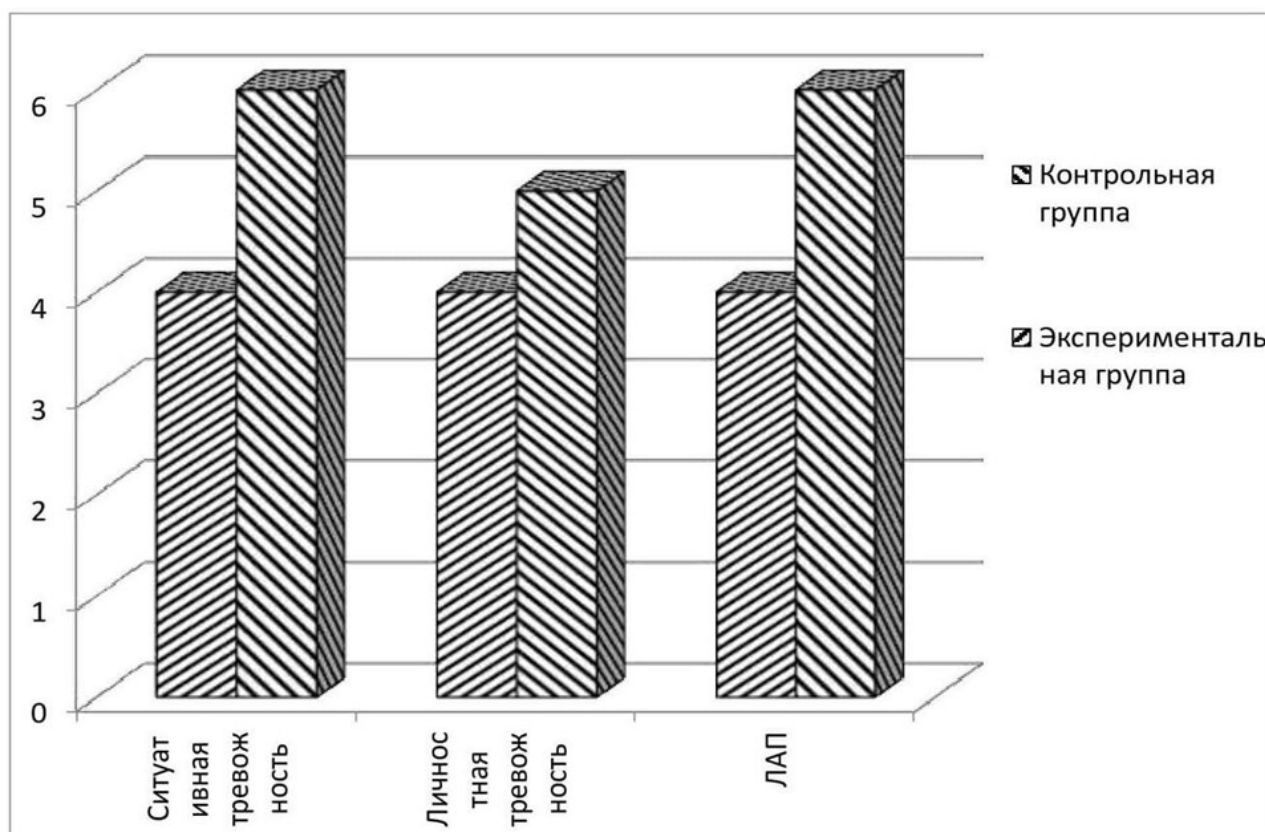

Рисунок 3 – Графическое изображение уровней ситуационной и личностной тревожности, адаптационных способностей военнослужащих контрольной и экспериментальной группы, выявленных на втором психодиагностическом исследовании

В качестве выводов проведённого исследования следует отметить следующее:

Во-первых, установлена корреляционная взаимосвязь между параметрами, характеризующими тревожность, и параметрами, на высоком уровне статистической значимости ($p < 0,001$).

Во-вторых, в результате освоения военнотру-

жествами экспериментальной группы методик саморегуляции, параметр, характеризующий ситуационную тревожность, остался неизменным на уровне 6 СТЭН, незначительно увеличился параметр, характеризующий личностную тревожность с 4 до 5 СТЭН, значительно увеличился параметр, характеризующий личностный адаптацион-

ный потенциал с 3 до 6 СТЭН. В сравнении с ними у военнослужащих контрольной группы значительно снизился параметр, характеризующий ситуационную тревожность с 6 до 4 СТЭН, сохранился неизменным параметр, характеризующий личностную тревожность на уровне 4 СТЭН, незначительно увеличился параметр, характеризующий личностный адаптационный потенциал с 3 до 4 СТЭН. В целом картина представляет собой качественное улучшение сигнальных (прогнозирование опасной ситуации) и адаптивных (устойчивость к воздействию психоземональных стрессоров) функций у военно-

служащих экспериментальной группы.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать заключение, что владение военнослужащими методиками саморегуляции расширяет диапазон их возможностей при выполнении деятельности накануне и в режиме опасности.

В качестве практических рекомендаций следует предложить следующее: в планы проведения боевой подготовки должна быть включена, как самостоятельная учебная дисциплина «Методы саморегуляции», с акцентом на практическую сторону её отработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдиенко Г.Ю. Психологическое обеспечение служебной деятельности: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 630 с.
2. Березин Ф.Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. Л.: Наука, 1988. 270 с.
3. Краткий психологический словарь / ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский; ред.-сост. Л.А. Карпенко. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 512 с.
4. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24.
5. Посохова С.Т. Психология адаптирующейся личности: монография / СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. 240 с.
6. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Минск: Харвест, 2001. 799 с.
7. Степанов С.С. Популярная психологическая энциклопедия: М.: Изд-во Эксмо, 2005. 672 с.
8. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс]. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 20.05.2020).

Avdienko Gennady Yuryevich

*PhD in Psychology (Candidate of Psychological sciences), Docent
Professor of the Department of Performance Psychology
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
gen_avdienko@mail.ru*

ANXIETY AND ADAPTIVE ABILITIES AS CRITERIA FOR THE EFFECTIVENESS OF SELF-REGULATION OF MILITARY PERSONNEL OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article presents the results of a study of changes in anxiety and adaptive abilities as a result of mastering self-regulation techniques by military personnel of the national guard of the Russian Federation. Practical recommendations of the research results are offered.

Keywords: soldier, personal anxiety, situational anxiety, personal adaptive potential.

УДК 159.923

Беляева Ольга Александровна

кандидат психологических наук, доцент

доцент кафедры общей и прикладной психологии

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

olbel70@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА

Для цитирования:

Беляева О.А. Особенности саморегуляции поведения курсантов военного института // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 45–48. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/012.pdf>

Аннотация. В статье раскрывается сущность понятия «саморегуляция поведения», раскрыты особенности саморегуляции поведения у курсантов военного института, рассмотрены уровни сформированности компонентов и стилей саморегуляции поведения курсантов военного института.

Ключевые слова: саморегуляция, компоненты саморегуляции, стили саморегуляции поведения, саморегуляции поведения курсантов военного института.

После поступления в образовательные организации войск национальной гвардии Российской Федерации, курсанты приобретают статус военнослужащего, обладающими всеми правами. Одной особенностью обучения в образовательных организациях высшего образования войск национальной гвардии России является то, что процесс образования неразделимо связывается со служебной деятельностью (необходимо нести службу в нарядах, боевую службу в караулах, охранять общественный порядок и т. д.). Каждый день множество разных стрессовых факторов оказывают воздействие на курсантов, что требует от них максимальной дисциплинированности, мужества и ответственности за свои действия. Все эти стрессовые факторы с течением времени могут вызвать усталость, переутомление, а также расстройства профессионально-служебной деятельности. Будущие офицеры войск национальной гвардии особенно нуждаются в четком самоконтроле, высоком самообладании, способности управлять своим поведением и деятельностью.

Одной из основных задач обучения курсантов становится не только передача знаний, но и формирование профессионально важных навыков, необходимых для успешного выполнения служебно-профессиональных задач в практической деятельности. Таким образом, для подготовки будущих офицеров к профессиональной деятельности, которая сопряжена с огромными нагрузками на психику, нужно первоначально формировать саморегуляцию поведения курсантов. Умение с помощью саморегуляции поведения сбросить напряжение, сконцентрировать внимание и

координировать свои усилия для того, чтобы выполнить поставленные задачи, является очень важным качеством в службе военнослужащего войск национальной гвардии.

Понятие «саморегуляция» имеет междисциплинарный характер. Данный вопрос изучали многие ученые: в психологическом словаре С.Ю. Головина и В.Б. Шапаря данное понятие определяется как «процесс, от которого зависят изменения психофизиологических функций, отвечающих за контроль над деятельностью человека» [6].

Большой вклад в разработку термина «саморегуляция» внес О.А. Конопкин. Идеи о функциональной системе саморегуляции, которые разработали П.К. Анохин и Н.А. Бернштейн, были дополнены идеей О.А. Конопкина об осознанности саморегуляции, идеей сознающего свои задачи и активного субъекта деятельности [2]. Произвольную осознанную активность, которая обеспечивает достижение принимаемых человеком целей, О.А. Конопкин назвал одним из наиболее общих и существенных проявлений субъектности человека. О.А. Конопкин наиболее глубоко описал структурно-функциональную модель осознанной регуляции, на основе которой им была создана концепция осознанного саморегулирования произвольной активности человека при достижении в разных видах деятельности поставленных целей.

В.И. Моросанова продолжила исследования О.А. Конопкина, однако она не только занималась разработкой понятия, но также дала определение индивидуальной саморегуляции [4]. В.И. Моросанова обозначает саморегуляцию как интегративное психическое явление, процесс и

состояние, которое обеспечивает самостоятельную организацию разных видов активности психики, целостность индивидуальности и становление бытия человека.

А.К. Осницкий рассмотрел более широко личностно-регуляторные характеристики в структуре саморегуляции личности. Разделение на саморегуляцию личности и саморегуляцию деятельности осуществил на основании определения личности как общественно-обусловленного качества. Саморегуляция деятельности была им обозначена как регуляция, осуществляемую субъектом деятельности и направленная на повышение возможности человека в соответствии с требованиями этой деятельности [5].

Саморегулирование является важной чертой личности воина, отражающей способность управлять своим поведением и деятельностью в различных условиях. Саморегулирование – очень важное качество при действиях в неблагоприятных условиях.

Е.А. Белан выделяет ряд форм саморегуляции военнослужащих в стрессовых ситуациях, таких как разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание [1].

У военнослужащих успешность преодоления трудных жизненных ситуаций зависит во многом от личностных ресурсов и тех возможностей, ко-

торые предоставляет человеку среда. Один из важнейших ресурсов среды – это социальная поддержка. Среди личностных ресурсов выделяются адекватная «Я-концепция», позитивная самооценка, оптимистическое мировоззрение, способность устанавливать межличностные связи и т. д.

В исследовании И.С. Морозовой отмечается, что интенсивность и сила саморегуляции личности курсанта выступает средством самореализации его способностей при взаимодействии с внешним миром и самим собой. Доминирующая направленность планирования курсантами своей деятельности взаимосвязана с контролем над собственной жизнью [3].

Для исследования саморегуляции поведения курсантов были использованы методики: «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ) В.И. Моросановой и опросник «Саморегуляция» (модификация А.К. Осницкого).

Исследование проводилось на базе Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии факультета «Морально-психологического». В исследовании принимали участие курсанты от 21 до 28 лет, в количестве 30 человек.

Результаты исследования компонентов саморегуляции курсантов представлены на рисунке 1.

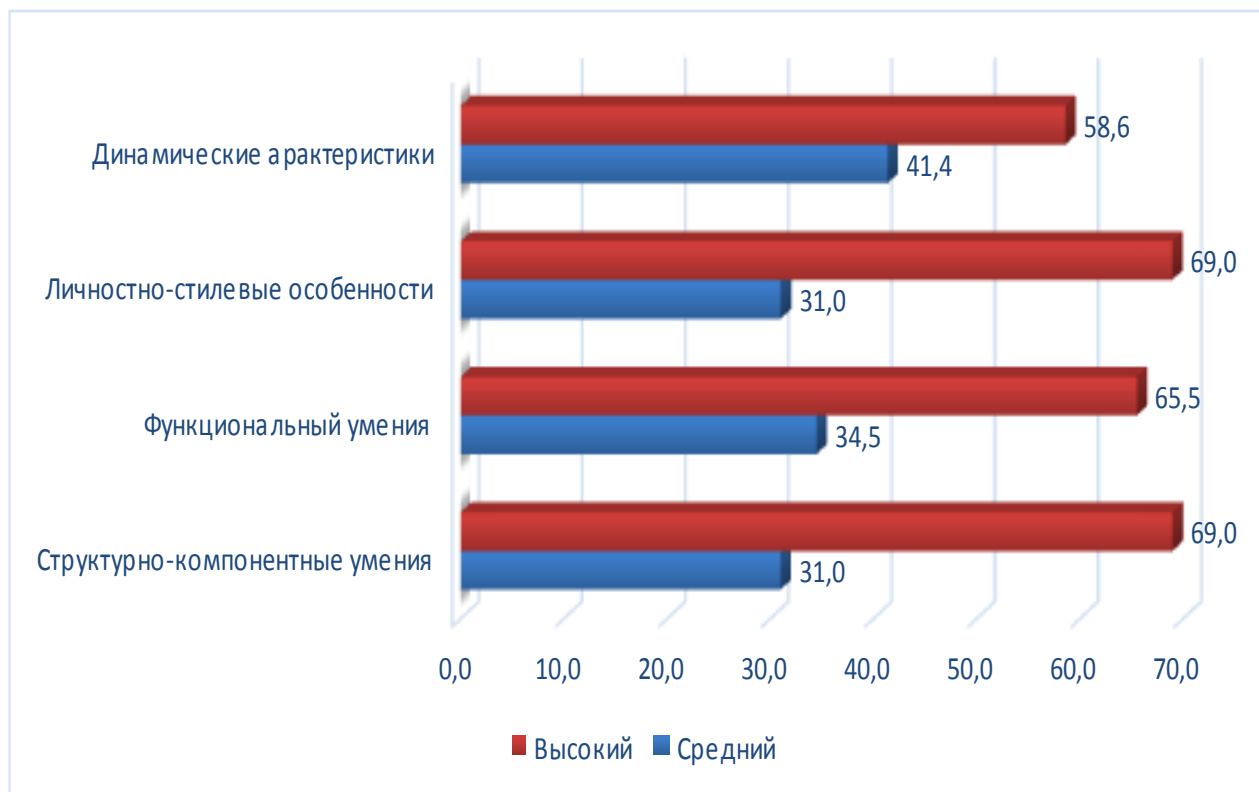

Рисунок 1 – Процентное соотношение уровней компонентов саморегуляции курсантов

По рисунку видно, что по всем компонентам саморегуляции наиболее представлен высокий уровень, значительно – средний уровень и не представлен низкий уровень. Так, по структурно-компонентам умениям и лично-стилевым особенностям саморегуляции высокий уровень выражен у 69 % курсантов, по функциональным умениям – у 65,5 %, а по динамическим характеристикам – у 58,6 %.

Таким образом, у курсантов развиты все компоненты саморегуляции, в большей степени

структурно-компонентные умения, к которым относятся: целеполагание и удержание цели, анализ и моделирование условий, выбор средств и способов действий, оценка результатов и их коррекция. И несколько в меньшей степени динамические характеристики, к которым относятся: осторожность, уверенность, пластичность, практичность, устойчивость в регуляции деятельности.

Результаты исследования стилей саморегуляции по методике В.И. Моросановой представлены в таблице и рисунке 2.

Таблица – Средние значения по шкалам стилей саморегуляции поведения курсантов

Шкалы стили саморегуляции поведения	Средние значения	Стандартное отклонение
Планирование	5,66	1,72
Моделирование	6,69	2,05
Программирование	6,31	1,63
Оценивание результатов	5,62	2,01
Гибкость	7,1	1,57
Самостоятельность	6	2,1
Общий	32,66	6,12

По всем шкалам стилей саморегуляции поведения у курсантов средние значения лежат в диапазоне среднего уровня, по таким шкалам, как

«Моделирование», «Гибкость», «Самостоятельность» и общему уровню саморегуляции среднее значение на границе с высоким уровнем.

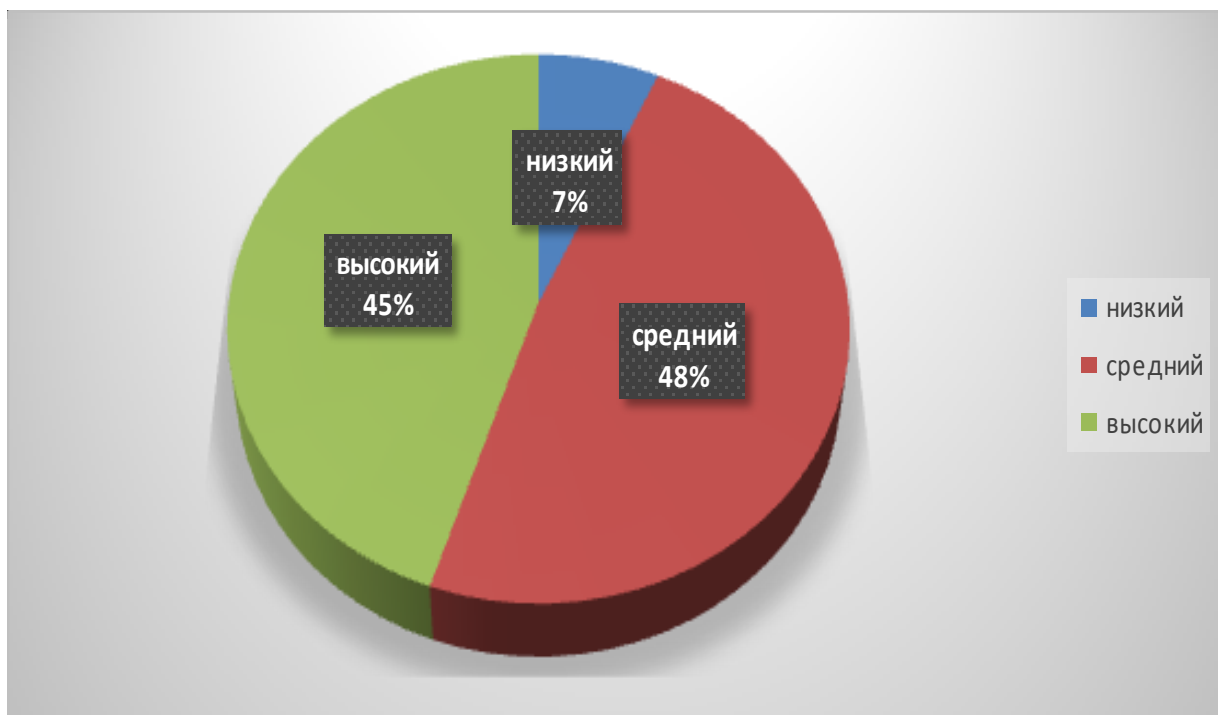

Рисунок 2 – Процентное соотношение уровней общего показателя саморегуляции курсантов

По рисунку видно, что примерно одинаково представлены высокий (44,8 %) и средний (48,3 %) уровни саморегуляции. Незначительно представлен низкий уровень (6,9 %). Следовательно, у курсантов выражен средний и высокий уровень

саморегуляции.

Таким образом, у курсантов в основном средний и высокий уровень саморегуляции, при преобладании таких его стилей, как «Моделирование», «Самостоятельность» и «Гибкость».

ЛИТЕРАТУРА

1. Белан Е.А. Психология совладающего поведения. М.: Наука, 2013. 386 с.
2. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22–34.
3. Морозова И.С., Пронин Е.А. Параметры саморегуляции во взаимосвязи с личностными характеристиками курсантов-первокурсников военного вуза // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2019. Т. 29. С. 40–53.
4. Моросанова В.И., Ванин А.В., Цыганов И.Ю. Новая версия опросного метода «Стиль саморегуляции учебной деятельности – ССУДМ» // Психологическая диагностика. 2015. № 1. С. 49–64.
5. Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. М.: Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 232 с.
6. Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь / В.Б. Шапарь, В.Е. Рассоха, О.В. Шапарь; под общ. ред. В.Б. Шапаря. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 806 с.

Belyaeva Olga Alexandrovna

*PhD in Psychology (Candidate of Psychological sciences), Docent
Associate professor of the Department of General and Applied Psychology
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
olbel70@mail.ru*

FEATURES OF SELF-REGULATION OF BEHAVIOR OF CADETS OF A MILITARY UNIVERSITY

Abstract. The article reveals the essence of the concept of “self-regulation of behavior”, reveals the features of self-regulation of behavior among cadets of a military institute, considers the levels of formation of components and styles of self-regulation of behavior of cadets of a military institute.

Keywords: self-regulation, components of self-regulation, styles of self-regulation of behavior, self-regulation of behavior of cadets of a military institute.

УДК 159.944/913:613.6

Косарев Андрей Сергеевич

кандидат педагогических наук
доцент кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
andrei.kos1977@yandex.ru

Александрук Валерия Владимировна

курсант факультета подготовки специалистов по расследованию экономических преступлений
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
valeria.alexandruk@yandex.ru

МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Для цитирования:

Косарев А.С., Александрук В.В. Медико-психологическая реабилитация сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 49–51. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/013.pdf>

Аннотация. В статье раскрываются стадии реабилитации, а также факторы, которые влияют на развитие данных стадий. Рассматриваются комплексы и методики, позволяющие устранить возможные последствия воздействия стрессогенных факторов на человеческую психику, а также их влияние на работу сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: медико-психологические аспекты, этапы реабилитации, деструктивные факторы, психопрофилактика, стрессоустойчивость, адаптация, лечение.

Вопрос, посвященный медико-психологической реабилитации, одному из направлений, являющихся в настоящее время актуальным и перспективным, требует, по нашему мнению, более пристального внимания. Следует отметить, что рассматриваемое явление имеет сравнительно недолгую историю своего развития. В основном медико-психологической реабилитацией сотрудников органов внутренних дел занимались в период с 1999 по 2000 гг. Далее данное направление и исследования анализируемого явления ушли за периферию научного исследования и практических разработок, но, тем не менее, продолжает существовать и развиваться.

Важная особенность анализируемого явления заключается в психологической составляющей. Необходимо отметить, что сотрудники органов внутренних дел, в процессе своей службы, регулярно сталкиваются с факторами стресса. Фактически можно констатировать, что в процессе службы они проходят все стадии стресса, что является серьезной проблемой на текущем этапе развития рассматриваемого явления [1].

Как особое комплексное явление, реабилитация состоит из ряда стадий, которые будут рассмотрены в данной статье и проанализированы с целью подробного анализа заявленной темы, с точки зрения гуманитарных, медицинских и технических наук, т. к. рассматриваемое явление находит-

ся в области компетенции указанных отраслей.

С целью детального раскрытия медико-психологических аспектов реабилитации рассмотрим известные стадии исследуемого явления. Первая стадия связана с понятием «тревоги». В результате воздействия стресс-факторов происходит процесс, связанный с повышенным выбросом адреналина. Именно указанный процесс оказывает влияние на поведение человека и на его действия. Фактически можно сказать о том, что появляется своеобразный фактор, руководящий действиями. Действия проявляются в различной форме – реакции, связанные с шоком и оцепенением, мобилизация всех имеющихся в распоряжении ресурсов организма и т. д.

Следующая стадия характеризуется тем, что личность подстраивается под новые условия, но действует на пределе, учитывая внешнее воздействие и собственные личностные факторы. Как правило, задача приспособления достигается, но личность не способна длительный период времени находиться в подобном состоянии. Имеющиеся ресурсы не безграничны, что в итоге приводит к непредсказуемым последствиям.

Третья стадия связана с «истощением», которое наступает в результате длительного нахождения в сложных стрессовых условиях. Главной проблемой в данном случае являются психосоматические и поведенческие отклонения и нарушения [2].

Учитывая обозначенные ранее стадии, следует сказать о том, что реабилитация должна проводиться соразмерно и алгоритмично, учитывая все факторы, на каждом их этапов. Важно учитывать следующее: развитие нервно-психических нарушений, с последующей дезадаптацией происходит в основном на первой и третьей стадиях стресса и заканчивается на последнем этапе второй стадии.

Отдельные факторы, такие как физическая усталость и психологическое напряжение способствуют поведенческим девиациям, развивающимся в начале третьей стадии. Тем не менее, наиболее проблематичным и сложным являются психосоматические нарушения, проявляющиеся в конце второй стадии.

Обозначим перечень деструктивных факторов, которые могут развиваться в анализируемой ситуации:

- 1) соматические болезни;
- 2) нервно-психическая неустойчивость;
- 3) развитие посттравматического стрессового расстройства [3].

Первая и третья стадии имеют ряд сходств. К примеру, и на той, и на другой стадии имеют место следующие проявления отклонений у сотрудников органов внутренних дел:

- 1) аутоагрессия;
- 2) гетероагрессия;
- 3) психосоматические нарушения;
- 4) употребления наркотиков и алкоголя.

Принимая к сведению обозначенные ранее аспекты, следует выделить три основных этапа реабилитации:

- доэкстремальный;
- экстремальный;
- постэкстремальный [4].

Для целей реабилитации следует выделить три направления первичной и вторичной психопрофилактики. В них входят следующие: социально-правовое, духовно-психологическое и психокоррекционное. Анализируя процесс реабилитации, следует сказать о том, что сотрудники ОВД сталкиваются с химическим, физическим, биологическим и другими видами воздействия средовых стрессогенных факторов. Поэтому профилактика и реабилитация должны быть комплексными, учитывая духовное и физическое развитие [5].

Комплексная реабилитация довольно часто организовывается без какой-либо системной последовательности. Обычно отсутствуют единые принципы и соответствующие причинно-следственные обоснования, психологические подходы. Довольно редко применяются проверенные и обоснованные методы психокоррекции в рамках психологических донозологических реакций и нарушений. В заключении все приводится к известным методам медицинской реабилитации и клинически очерченным симптомам, и синдромам.

Цель реабилитации заключается в постановке вопросов, касающихся здоровья личности, ее психологического состояния, в глобальности уровня, на

котором находится субъект в процессе воздействия на него стрессогенных факторов. Чтобы решить данные проблемы, необходимо достаточное правовое регулирование (нормативная база) и соответствующее обеспечение.

В рамках реабилитации должны быть задействованы все специфические специалисты. На уровне медико-психологического воздействия существует многоуровневое воздействие. Так, на нейрогуморальном уровне должны оказывать воздействие психотерапевты с помощью адrenomоблокаторов, на соматическом уровне воздействуют интернисты, на патопсихологическом патопсихологи и психиатры, на социальном уровне действуют юристы [6].

Говоря про первичные действия в рамках анализируемого вопроса, следует сказать о том, что психопрофилактика включает медицинское и психологическое консультирование личности с применением особых психокоррекционных методик. Данные методики проводятся до момента участия сотрудников в различных ситуациях и направлены на повышение индивидуальной стрессоустойчивости.

Вторая стадия реализуется в результате проведения медицинского и психологического анализа и консультирования. В дальнейшем применяется комплекс психокоррекционных и лечебных методик и приемов, позволяющих устранить потенциально возможные последствия в результате воздействия со стороны стрессогенных факторов на человеческую психику.

Третья стадия. Считается самой тяжелой. На данной стадии ситуацию может изменить только медико-психологическое консультирование. Особую роль играет использование специальных психокоррекционных методов, препятствующих процессам формирования и развития тяжелых форм инвалидности, переходящих в дальнейшем к полной нетрудоспособности.

Анализируемый вопрос представляет собой серьезную проблему современного периода развития органов внутренних дел. Смена условий и различные предпосылки, способствующие формированию и проявлению стрессовых и экстремальных ситуаций приводят к тому, что появляется необходимость в создании адекватных мер, направленных на противодействие и в худшем случае на сокращение (минимизацию) причиненного (нанесенного) вреда. Речь идет не просто об узком направлении в теории и практике, а о комплексном явлении, исследование и анализ которого должны производиться на уровне нескольких отраслей различной специфики и направленности.

Реабилитация должна стать одним из направлений, которые окажут положительное воздействие на процессы, связанные с работой сотрудников органов внутренних дел, в определенном смысле анализируемое явление может способствовать развитию престижа и качества условий работы в учреждениях МВД.

В заключение следует сказать о том, что медико-психологическая реабилитация является по-

этапной системой диагностики, профилактики, адаптации, реадaptации, лечения и психокоррекции лиц в результате отрицательного воздействия стрессовых и иных факторов профессиональной, а также социальной среды, способствующих развитию различных нарушений психофизического характера. Является ошибочной позиция, которая подразумевает их рассмотрение в отрыве от целостного процесса. Многие из этапов в цепи рассматриваемой системы требуют глубокого изучения для решения острейших проблем, имеющих связь с деятельностью личного состава органов внутренних дел Российской Федерации, и только их подробное изучение позволит найти новые методы реабилитации, создать и применять действующие (эффективные) приемы и способы противодействия последствиям стрессовых и иных экстремальных ситуаций. Важно

отметить, что требуется не просто одностороннее развитие в одной из отраслевых областей, а полноценное развитие реабилитации сотрудников органов внутренних дел, с соответствующим правовым регулированием, и отвечающими современным стандартам приемами и способами (методами), а также технологиями. Приоритетной является алгоритмизация процесса, позволяющая уменьшить временные затраты и материальные траты, упрощающая процессы и создающая экономический эффект времени. За последние годы указанный феномен алгоритмизации нашел свое активное отражение в различных сферах деятельности. Не является исключением и исследуемое направление, более того, именно в его границах алгоритмизация может способствовать получению эффективных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский Ю.А. Психогении в экстремальных условиях / Ю.А. Александровский, О.С. Лобастов, Л.И. Спивак, Б.П. Шукин. М.: Медицина, 1991. 96 с.
2. Бермант-Полякова О.В. Посттравма: диагностика и терапия / СПб.: Речь, 2006. 248 с.
3. Дунин Г.С. Психологическая готовность сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск МВД России к деятельности в чрезвычайных ситуациях: основы теории и практики: монография / М.: Моск. ун-т МВД России, 2005. 207 с.
4. Магомед-Эминов М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса: методические рекомендации / М.Ш. Магомед-Эминов, А.Т. Филатов, Г. И. Кадук [и др.]. 2-е изд., испр. М.: АНО УМО «Инсайт», 2004. 111 с.
5. Пушкарев А.Л., Доморацкий В.А., Гордеева Е.Г. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия / под ред. Б.А. Казаковцева. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. 114 с.
6. Пушкарев А.Л. Посттравматическое стрессовое расстройство: диагностика, психофармакотерапия, психотерапия / А.Л. Пушкарев, В.А. Доморацкий, Е.Г. Гордеева; под ред. Б.А. Казаковцева. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2000. 114 с.

Kosarev Andrey Sergeevich

*PhD in Pedagogy (Candidate of Pedagogic sciences)
Associate Professor of ATS activity in special conditions
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod, Russian Federation
andrei.kos1977@yandex.ru*

Alexandruk Valeria Vladimirovna

*cadet of the faculty of training in the investigation of economic crimes
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod, Russian Federation
valeria.alexandruk@yandex.ru*

MEDICAL AND PSYCHOLOGICAL REHABILITATION EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Abstract. The article reveals the stages of rehabilitation, as well as factors that affect the development of these stages. The complexes and methods that allow to eliminate the possible consequences of the impact of stress factors on the human psyche, as well as their impact on the work of employees of the internal Affairs bodies are considered.

Keywords: medical and psychological aspects, stages of rehabilitation, destructive factors, psychoprophylaxis, stress resistance, adaptation, treatment.

УДК 159.923

Лосев Константин Васильевич

кандидат психологических наук, доцент

доцент кафедры психологии служебной деятельности

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

losev.k@mail.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ И РАЗВИТИЯ САМОСОЗНАНИЯ КУРСАНТОВ

Для цитирования:

Лосев К.В. Взаимосвязь показателей саморегуляции и развития самосознания курсантов // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 52–58. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/014.pdf>

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимосвязи показателей самосознания и саморегуляции на материале старшекурсников военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии. Отмечено, что образовательное пространство военного института и образовательно-воспитательный процесс должны способствовать развитию высокого уровня саморегуляции, как показателя профессиональной пригодности будущего офицера-психолога.

Ключевые слова: саморегуляция, самоотношение, уровень притязаний, самооценка.

Психологические особенности личности курсанта военной образовательной организации высшего образования (далее – ВООВО) войск национальной гвардии рассматриваются в разных аспектах, поскольку меняются условия служебно-боевой деятельности и подготовки к ней. Общие рекомендации авторов в этом плане фиксируют высокий уровень требований к устойчивости, способности к саморегуляции и саморуководству и др. [3; 6; 7]. При этом нет единства в понимании динамики этих качеств и детерминации объективными и субъективными условиями в период получения воинской специальности. В отечественной и зарубежной психологии проблемой саморегуляции, в том числе саморегуляции учебной деятельности, занимались Н.А. Бернштейн [2], А.В. Зобков и А.С. Турчин [10], О.А. Конопкин [11], В.И. Моросанова [16], А.К. Осницкий [19], С.М. Шингаев [20], Г. Олпорт [18] и др. Тем не менее, исследований обобщающего характера, касающихся саморегуляции и самосознания курсантов военных институтов войск национальной гвардии, в настоящее время практически нет.

Поскольку саморегуляцией произвольной активности человека большинство исследователей понимают системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности [5; 8; 10; 11; 16]. В данной работе мы рассматриваем осознанную саморегуляцию

человека через его поведенческие реакции. При этом важным ее проявлением выступают стратегии совладания в ситуациях психологической угрозы благополучию субъекта. В условиях обучения в образовательных организациях высшего образования типовые проявления саморегуляции иллюстрируются способами анализа и разрешения проблемных ситуаций, но этому аспекту, тем более способам совладания в литературе, не уделяется достаточного внимания. Кроме того, в процессе преодоления проблемных ситуаций, в исследованиях по проблематике совладания, не учитывают особенности целеполагания субъекта [1; 6; 7; 14].

Совладание является неотъемлемой составной частью процесса саморегуляции, осознанного достижения цели. В исследовании и саморегуляции и совладания рассматривается один процесс, только в первом случае большее внимание уделяется цели (достижение которой служит критерием успешного преодоления), а во втором интересен способ как метод преодоления.

Саморегуляция осуществляется как единый процесс, обеспечивая мобилизацию и интеграцию психологических особенностей человека для достижения целей деятельности и поведения. Процесс саморегуляции способствует выработке гармоничного поведения. На его основе развивается способность управлять собой сообразно реализации поставленной цели, направлять свое поведение в соответствии с требованиями жизни и профессиональными или учебными задачами [10; 16; 19].

Индивидуальные особенности саморегуляции

можно разделить на следующие категории:

1) индивидуальные особенности планирования целей;

2) особенности моделирования, т. е. анализа внешних и внутренних условий деятельности и выделения комплекса условий, значимых для достижения цели;

3) особенности программирования предстоящих исполнительских действий, в том числе антиципация компонентного состава предстоящих действий, способов их осуществления и последовательности выполнения планируемых действий;

4) особенности контроля, оценивания и коррекции собственной активности.

Наряду со специфическими особенностями, существуют личностно-регулятивные свойства характеризующие функционирование каждого звена регуляции: адекватность, осознанность, гибкость, надежность и устойчивость [8]. К важным в этом плане свойствам личности относят уверенность, инициативность, осторожность, критичность, самостоятельность, ответственность. Интегральной характеристикой индивидуальной саморегуляции, отражающей актуальные возможности человека осознанно инициировать и управлять произвольной активностью, считают общий уровень или степень осознанной саморегуляции.

В.И. Моросанова обозначает саморегуляцию как интегративное психическое явление, процесс и состояние, которое обеспечивает самостоятельную организацию разных видов активности психики, целостность индивидуальности и становление бытия человека. В концепции осознанной саморегуляции деятельности ею сформулирована теория стилей произвольной саморегуляции [16]. Согласно В.И. Моросановой, стиль саморегуляции – это типичный способ регулирования, стабильно проявляющийся в различных ситуациях и видах психической активности субъекта. Критерием эффективности саморегуляции, по мнению В.И. Моросановой, выступает сформированность звеньев в структуре осознанной саморегуляции [16].

А.К. Осницкий разделил саморегуляцию личности и саморегуляцию деятельности на основании определения личности как общественно-обусловленного качества. Личностная саморегуляция характеризуется, как определение своего индивидуального места в культурно-исторической традиции и потребности в применении специального аппарата саморегуляции к предполагаемой и предпринимаемой деятельности. По его мнению, саморегуляция осуществляется субъектом деятельности и направлена на приведение возможностей человека в соответствие с требованиями данной деятельности [19].

Обычно, обращаясь к данной проблематике в зарубежной психологии личности, отмечают вклад персонологов, прежде всего, Г. Олпорта,

рассматривающего понятия «личность» и «саморегуляция», как взаимосвязанные категории. Отмечая социальный характер человека, нуждающегося в контактах с другими людьми, он называет в качестве наиболее значимых потребности в развитии и самосовершенствовании. Отстаивая положение об индивидуальности, как центральной характеристике человека, и создав «теорию черт (trite – черта), главную роль в процессе саморегуляции Г. Олпорт отводит системе ценностей, т. е. своеобразной жизненной философии, систематизирующей опыт и придающей смысл человеческим поступкам [19]. Аналогичные идеи можно найти и у А. Маслоу [15].

У военнослужащих, часто пребывающих в стрессовых ситуациях, саморегуляция – это процесс, в котором на разных его этапах необходимо использовать различные стратегии, иногда комбинируя их. Е.А. Белан [1], рассматривая саморегуляцию как феномен многоаспектный, акцентирует внимание на ее отнесенности к трудным ситуациям, параметры которых личность определяет, завышая их субъективную значимость, что подвергает испытанию адаптивные возможности субъекта. Главной функцией саморегуляции в таких случаях является устранение или уменьшение рассогласования, при взаимодействии субъекта с жизненными трудностями. Тем самым, саморегуляция может быть объективирована как разновидность реализации личностью своих адаптивных возможностей при взаимодействии с окружающим миром. Это представляется нам справедливым, поскольку внутренняя динамика поведения личности существует в единстве с динамикой его окружения, так как ориентиры для построения поведения находятся как внутри, так и вне субъекта [1; 3; 10; 20]. Е.А. Белан выделяет такие формы саморегуляции военнослужащих в стрессовых ситуациях, как разрешение проблем, поиск социальной поддержки и избегание [1]. Успешность действий в трудных жизненных ситуациях зависит от личностных ресурсов и возможностей, предоставляемых личности социальной средой. Важнейший ресурс – это социальная поддержка, хотя также в числе личностных ресурсов указывают адекватную «Я-концепцию», позитивную самооценку, оптимистическое мировоззрение, способность легко устанавливать межличностные связи и т. д. [4; 9; 12; 13; 20].

Психопрофилактический аспект проблемы рассматривает О.В. Бобков, отмечающий, что обучение методам психической саморегуляции является одним из эффективных способов преодоления неадекватных реакций, провоцирующих девиантное поведение. Подобные реакции имеют тенденцию к закреплению и формированию привычного стереотипа реагирования [3].

Подводя итог, можно заключить, что саморегу-

ляция изучается как специфическая активность субъекта, направленная на преобразование собственного состояния, и включается в структуру деятельности, ориентированной на восстановление сил организма, его активацию, улучшение работоспособности и преобразование структуры деятельности. Ценность осознанной саморегуляции состоит в том, что она, как системное образование, связанное с самосознанием, позитивно влияет на профессионализацию личности курсанта. Она является важнейшим показателем психологической готовности военнослужащих к профессиональной деятельности.

В системе высшего образования необходимость освоения саморегуляции постулируется достаточно давно, однако технологически ее развитие предполагает постоянное психологическое сопровождение, что не всегда оказывается возможным. В этой связи, актуальность исследования саморегуляции поведения и самосознания обусловлена требованиями к состоянию физического и психического здоровья курсантов, а также тем, что характеристики сформированности саморегуляции в период обучения в вузе могут способствовать профессионализации и самоактуализации личности будущего офицера Росгвардии. В частности, мы предположили, что, чем выше уровень самоотношения и самооценки у курсантов военного института, тем более явно у них будет выражена саморегуляция поведения.

Исследование проводилось на базе факультета (морально-психологического обеспечения) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации. Выборку эмпирического исследования составили курсанты 4 года обучения в возрастном диапазоне от 21 до 25 лет, в количестве 30 человек.

Для сбора эмпирических данных использованы: Методика «Исследование самоотношения» С.Р. Пантелеева; методика «Изучение самооценки» Т.В. Дембо, С.Я. Рубинштейн; опросник «Саморегуляция» (в модификации А.К. Осницкого); опросник В.И. Морсановой «Стиль саморегуляции поведения».

Математическая обработка эмпирических данных включала определение коэффициента линейной корреляции Пирсона [17] для выявления корреляционных взаимосвязей между признаками.

Были получены следующие результаты по методике «Самоотношение» С.Р. Пантелеева.

Наиболее высокому у испытуемых стелу 8 соответствует шкала «Самоценность». Стелу 7 соответствуют средние значения по шкалам «Самоуверенность» и «Саморуководство» – это верхняя граница среднего уровня. Самой же низкой границе среднего уровня (стелу 4) соответствует среднее значение по шкале «Самообвинения».

Так, по шкале «Закрытость» преобладает средний уровень (86,7 %), что говорит об избирательном отношении курсантов к себе; преодоление некоторых психологических защит при актуализации других, особенно в критических ситуациях. По шкале «Самоуверенность» преобладающим является средний уровень (66,7 %). Это означает, что курсанты в привычных ситуациях сохраняют работоспособность, уверенность в себе, ориентацию на успех начинаний. Однако при неожиданном появлении трудностей уверенность снижается, нарастает тревога. При этом значительно выражен и высокий уровень (66,7 %). Для таких курсантов характерна самоуверенность, ощущение силы собственного «Я», высокая смелость в общении. По шкале «Саморуководство» соотношение среднего и высокого уровней примерно такое же, как и по шкале «Самоуверенность» (63,3 % и 36,7 %). Следовательно, часть курсантов раскрывают особенности отношения к своему «Я» в зависимости от степени адаптированности в ситуации. А часть курсантов переживают собственное «Я» как внутренний стержень, который координирует и направляет всю активность, организует поведение. По шкале «Отраженное самоотношение» преобладает средний уровень (83,3 %), что говорит об избирательном восприятии курсантами отношения окружающих к себе. По шкале «Самоценность» в равной степени представлены высокий и средний уровни. Таких курсантов характеризует, с одной стороны, склонность воспринимать себя как индивидуальность и высоко ценить собственную неповторимость, с другой стороны, склонность высоко оценивать только ограниченный ряд своих качеств. По шкале «Самопринятие» преобладает средний уровень (86,7 %), что характеризует курсантов, как склонных принимать не все свои достоинства и критиковать не все свои недостатки. По шкале «Самопривязанность» тоже преобладает средний уровень (93,3 %). Следовательно, у курсантов избирательное отношение к своим личностным свойствам, они стремятся к изменению лишь некоторых своих качеств при сохранении прочих других. По шкале «Внутренняя конфликтность» данные по среднему уровню имеют превышение над низким (93,3 % и 6,7 %), что свидетельствует об отношении к себе в зависимости от степени адаптированности в ситуации. Неожиданные трудности, возникающие дополнительные препятствия могут способствовать усилению недооценки собственных успехов. По шкале «Самообвинение» также средний уровень по выборке имеет превышение над низким (83,3 % и 16,7 %), что указывает на избирательное отношение к себе. Обвинение себя за те или иные поступки и действия сочетается с выражением гнева, досады в адрес окружающих.

Таким образом, по всем шкалам самооотношения преобладающим является средний уровень.

Результаты по методике С.А. Будасси представим менее подробно.

Среднегрупповой показатель $M = 0,65$ свидетельствует об адекватной высокой самооценке (наличие значимой взаимосвязи между реальным представлением о личностных качествах и желаемым «Я-образом»). У большей части курсантов выражена высокая самооценка (56,7,3 %) и у трети (33,3 %) адекватная самооценка. Адекватную самооценку (с тенденцией к завышению) можно приравнять к позитивному отношению к себе, самоуважению, принятию себя, социальной востребованности. Низкий уровень самооценки имеет лишь несколько курсантов (10 % всех респондентов).

Исследование самооценки и уровня притязаний, выполненное по методике Дембо-Рубинштейн, дало прогнозируемые результаты. Высокий уровень самооценки отмечен по всем шкалам. Очень высокие показатели по шкале «Здоровье» и «Уверенность в себе». Меньше всего среднее значение по шкале «Техническая умелость», но оно соответствует высокому уровню самооценки. По уровню притязаний также отмечены высокие средние значения и очень высокие притязания по шкалам «Здоровье» и «Способности». Несколько ниже, но все же на высоком уровне данные по шкалам «Техническая умелость» и «Внешность».

Результаты по методике «Саморегуляция» в модификации А.К. Осницкого (максимально возможном по компонентам саморегуляции значение равно трем баллам). Показатели, в основном средние, в диапазоне от 2 до 3 баллов, что соответствует среднему и высокому уровню развития данным компонентам. По средним показателям наиболее выражены структурно-компонентные умения: целеполагание и удержание цели, анализ и моделирование условий, выбор средств и способов действий, оценка результатов и их коррекция. Менее выражены динамические характеристики: осторожность, уве-

ренность, пластичность, практичность, устойчивость в регуляции деятельности. По уровням саморегуляции результаты достаточно позитивны. По всем компонентам саморегуляции наиболее представлены высокий уровень, значительно средний уровень и не представлен низкий уровень. Так, по структурно-компонентам умениям и личностным особенностям саморегуляции высокий уровень выражен у 69 % курсантов, по функциональным умениям – у 65,5 %, а по динамическим характеристикам – у 58,6 %. Рассмотрим оценку курсантов по каждой шкале саморегуляции.

Так, наиболее выраженный процент получен по шкале «Упорядоченность деятельности», что свидетельствует об аккуратности и последовательности в деятельности. В группу достаточно выраженных можно отнести данные по шкалам, получившим от 50 % до 60 % выбора: «Целеполагание», «Моделирование условий», «Программирование действий», «Инициативность в действиях», «Осознанность действий», «Оптимальность регуляции усилий». Менее всего выражена шкала «Осторожность в действиях», т. е. курсанты в основном готовы к риску, и могут полагаться на точный расчет только в необходимых ситуациях.

Таким образом, у курсантов на 4 году обучения развиты все компоненты саморегуляции, а именно, в большей степени структурно-компонентные умения, и в меньшей степени динамические характеристики.

Представляют интерес результаты применения многошкальной опросной методики В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения», позволяющей диагностировать степень развития осознанной саморегуляции.

По всем шкалам стилей саморегуляции поведения у курсантов средние значения лежат в диапазоне среднего уровня, по таким шкалам как «Моделирование», «Гибкость», «Самостоятельность» и общему уровню саморегуляции среднее значение на границе с высоким уровнем (таблица 1).

Распределение по уровням общего показате-

Таблица 1 – Средние значения по шкалам стилей саморегуляции поведения курсантов

Шкалы стили саморегуляции поведения	Средние значения	Стандартное отклонение
Планирование	5,66	1,72
Моделирование	6,69	2,05
Программирование	6,31	1,63
Оценивание результатов	5,62	2,01
Гибкость	7,1	1,57
Самостоятельность	6	2,1
Общий	32,66	6,12

ля саморегуляции таково, что примерно одинаково представлены высокий (44,8 %) и средний (48,3 %) уровни саморегуляции. Незначительно представлен ее низкий уровень (6,9 %).

Процентное соотношение уровней по шкалам стилей саморегуляции поведения курсантов свидетельствует о наибольшей выраженности высокого уровня по шкале «Моделирование» – 65,5 %. Следовательно, они способны выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в адекватности программ действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям.

По шкале «Самостоятельность» есть значительное преобладание высокого уровня – 51,7 %. Курсанты обладают способностью самостоятельно планировать деятельность и поведение, организовывать работу по достижению выдвинутой цели, контролировать ход ее выполнения, анализировать и оценивать промежуточные и конечные результаты деятельности.

По шкале «Гибкость» преобладает средний (48,3 %), но значительно выражен и высокий уровень (44,8 %). Незначительно представлен низкий уровень (6,9 %). Следовательно, курсанты адекватно реагируют на быстрое изменение событий и успешно решают поставленную задачу в ситуации риска.

По шкале «Оценивание результатов» у курсантов преобладает высокий (44,8 %) и достаточно

выражен средний уровень (34,5 %), хотя все же достаточно представлен низкий уровень (20,7 %). Следовательно, курсанты отличаются развитой и адекватной самооценкой, сформированностью и устойчивостью субъективных критериев оценки успешности достижения результатов.

По шкале «Планирование» у курсантов преобладает средний уровень (51,7 %), достаточно представлен средний уровень (31 %) и незначительно выражен низкий уровень (17,2 %). Следовательно, у курсантов сформирована потребность в осознанном планировании деятельности, планы в реалистичны, детализированы, иерархичны, действенны и устойчивы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно.

По шкале «Программирование» преобладает высокий (62,1 %), менее выражен средний уровень (24,1 %) и незначительно выражен низкий уровень (13,8 %). Следовательно, у курсантов сформирована потребность продумывать способы своих действий и поведения для достижения намеченных целей.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что у курсантов преимущественно зафиксированы средний и высокий уровни саморегуляции, при преобладании таких его стилей как «Моделирование», «Самостоятельность» и «Гибкость».

Взаимосвязи компонентов самосознания с саморегуляцией испытуемых рассчитывались с применением критерия линейной корреляции Пирсона. Результаты отражены на рисунке 1.

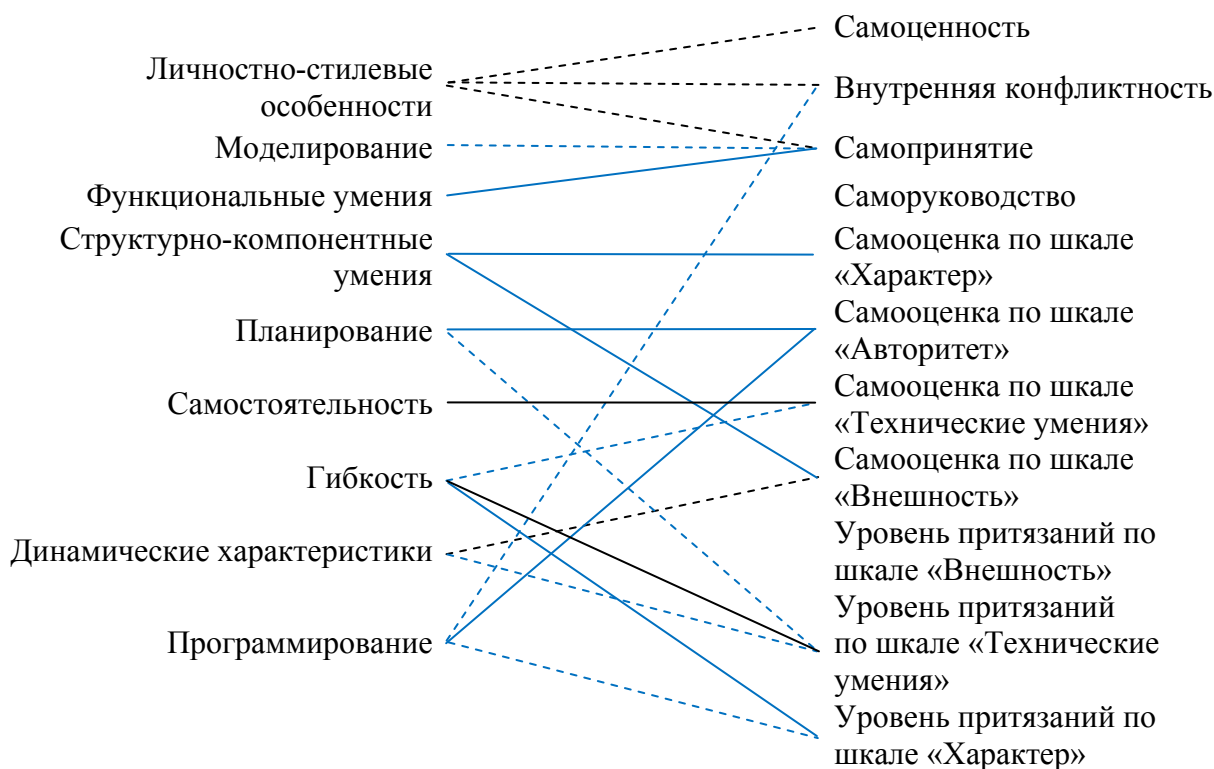

Рисунок 1 – Значение и значимость коэффициента линейной корреляции Пирсона взаимосвязи шкал саморегуляции по методике А.К. Осницкого и показателями самооценки курсантов

Функциональные умения саморегуляции, такие как: обеспеченность регуляции в целом, упорядоченность, детализация, практическая реализуемость намерений, оптимальность регуляции действий, на однопроцентном уровне обратно взаимосвязаны с самооценкой по шкале «Авторитет»

Личностно-стилевые особенности саморегуляции, такие как: инициативность, осознанность, ответственность, автономность, податливость воспитанию, на пятипроцентном уровне прямо связаны с самооценностью.

Динамические характеристики саморегуляции, такие как: осторожность, уверенность, пластичность, практичность, устойчивость в регуляции деятельности, на пятипроцентном уровне обратно связаны с уровнем притязанием по шкале «Технические умения».

Стиль саморегуляции («планирование») на однопроцентном уровне прямо связан с самооценкой по шкале «Технические умения» и обратно на однопроцентном уровне с самооценкой по шкале «Авторитет» и уровнем притязаний по шкале «Внешность». Стиль саморегуляции («моделирование») на однопроцентном уровне обратно связан с внутренней конфликтностью. Стиль саморегуляции («программирование») на пятипроцентном уровне обратно связан с уровнем притязаний по шкале «Характер». Стиль саморегуляции («самостоятельность») на однопроцентном уровне прямо связан с самооценкой по шкале «Технические умения» и на однопроцентном уровне обратно связан с саморуководством и на пятипроцентном уровне с самооценкой по шкале «Авторитет» и уровнем притязаний по шкале «Внешность». Стиль саморегуляции («гибкость») на однопроцентном уровне прямо связан с уров-

нем притязаний по шкале «Технические умения» и на пятипроцентном уровне с самооценкой по этой шкале, а также обратно на пятипроцентном уровне связан с саморуководством.

С учетом полученных данных, можно утверждать, что, чем выше самопринятие и самооценность у курсантов, тем выше уровень их саморегуляции в области постановки целей и принятия ответственности. Чем выше курсанты оценивают свои технические умения и притязают на более высокие цели по данным умениям, тем более выражены такие стили саморегуляции, как гибкость, планирование и самостоятельность.

При завышении самооценки и более выраженной внутренней конфликтности у курсантов наблюдается снижение оценки развития компонентов саморегуляции.

В порядке выводов можно отметить, что у курсантов по всем шкалам самоотношения преобладает средний уровень, с более высокой выраженностью по шкале «Самоценность» и более низким показателем по шкале «Самообвинения». Адекватно высокая самооценка, соответствие между реальным представлением о личностных качествах и желаемым «Я образом» высокая оценка здоровья и уверенность в себе, несколько контрастируют с более низкой оценкой своих технических умений.

Как и ожидалось, на предвыпускном курсе ВООВО развиты все компоненты саморегуляции, причем в большей степени это относится к структурно-компонентным умениям. Отмечено, что при завышении самооценки своей внешности, авторитета и характера, выраженной внутренней конфликтности у курсантов наблюдается снижение оценки компонентов саморегуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белан Е.А. Психология совладающего поведения. М.: Наука, 2013. 386 с.
2. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М.: Книга по Требованию, 2014. 496 с.
3. Бобков О.Б. Повышение личностного адаптационного потенциала курсантов методами психической саморегуляции // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 1711–1715. [Сайт]. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85343.htm> (дата обращения: 19.07.2020).
4. Бодалев А.А., Васина Н.В. Акмеология. Настоящий человек. Каков он и как им становится? СПб.: Речь, 2010. 224 с.
5. Болотова А.К., Пурецкий М.М. Развитие идей саморегуляции в исторической ретроспективе // Культурно-историческая психология. 2015. № 3. С. 64–68.
6. Василенко Е.В. Формирование профессионально-психологической устойчивости будущих сотрудников ОВД к экстремальным ситуациям: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Василенко Елена Викторовна. Ставрополь, 2013. 229 с.
7. Головкин С.А. Развитие профессионального самосознания будущих офицеров: монография. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. 153 с.
8. Зеер Э.Ф., Ларионова С.В. Психологические особенности саморегуляции курсантов образовательных организаций деонтологического типа // Педагогическое образование в России. 2018. № 9. С. 93–94.
9. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: очерки российской психологии. М.: Тривола, 1994. 304 с.
10. Зобков А.В., Турчин А.С. Саморегуляция учебной деятельности: монография. Владимир: изд-во ВлГУ, 2013. 251 с.

11. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22–34.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. 304 с.
13. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
14. Марков А.С., Хасамбиев Ш.Р. Изменение самосознания курсантов в ходе развития субъективности // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2015. № 1. С. 31–36.
15. Маслоу А.Т. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1997. 450 с.
16. Моросанова В.И. Осознанная саморегуляция произвольной активности человека как психологический ресурс достижения целей // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. № 4. С. 62–78.
17. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. 3-е изд. СПб.: Речь, 2007. 392 с.
18. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды. М.: Смысл, 2014. 480 с.
19. Осницкий А.К. Психологические механизмы самостоятельности. М.: Обнинск: ИГ-СОЦИН, 2010. 232 с.
20. Шингаев С.М. Здоровая личность: структура и направления развития // Здоровая личность / под ред. Г.С. Никифорова. СПб.: Речь, 2013. С. 176–213.

Losev Konstantin Vasilievich

*PhD in Psychology (Candidate of Psychological sciences), Docent
Associate professor of the Department of Performance Psychology
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
losev.k@mail.ru*

**CORRELATION OF INDICATORS OF SELF-REGULATION AND DEVELOPMENT
OF SELF-AWARENESS OF CADETS**

Abstract. The article deals with the problem of interrelation of indicators of self-awareness and self-regulation based on the material of senior students of the military educational institution of higher education of the National Guard Troops. It is noted that the educational space of the University and the educational process should contribute to the development of high levels of self-regulation as an indicator of professional fitness of the future officer-psychologist.

Keywords: self-regulation, self-attitude, level of claims, self-esteem.

УДК 159.944/913

Мельцов Валерий Михайлович

кандидат исторических наук
заместитель начальника кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
valera-melcov@mail.ru

Саранина Елизавета Сергеевна

курсант факультета подготовки оперативного состава подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
saranina.1999@mail.ru

**НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ОБЩЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Для цитирования:

Мельцов В.М., Саранина Е.С. Невербальные средства общения в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 59–61. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/015.pdf>

Аннотация. В статье раскрываются задачи невербального общения, их роль в деятельности сотрудников ОВД.

Ключевые слова: невербальные средства общения, органы внутренних дел.

Деятельность практически всех сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) сопряжена с общением с другими лицами – как с правонарушителями, потерпевшими, свидетелями и очевидцами, так и со своими коллегами, а также сотрудниками иных государственных органов и органов местного самоуправления – как в ходе содействия, так и осуществления контрольно-надзорной деятельности. Это обуславливает необходимость владения каждому сотруднику полиции навыками общения, в том числе и невербальными. Грамотное использование таких навыков дает возможность более эффективно осуществлять правоохранительную деятельность, в том числе и разрешать возникающие в ее ходе конфликтные ситуации. Однако неверно было бы ограничивать сферу их применения лишь конфликтами, поскольку такие рамки намного шире.

Общение – это, несомненно, сложный и многогранный процесс, состоящий в установлении и развитии контактов между людьми, в которые входят восприятие и понимание партнера, а также их взаимодействие [1]. На важность данного элемента служебной деятельности было обращено внимание и в различных нормативных документах, издаваемых МВД России.

Коммуникативные особенности деятельности сотрудников ОВД достаточно своеобразны, и в основном состоят в том, что по профилю она

постоянно связана с разрешением конфликтов, необходимости быстрого установления психологического контакта, преодолением психологические барьеры, осуществлением необходимого воздействия на людей, вызыванием у них чувства доверия. Это непосредственно осуществляется как при помощи средств вербальной, так и невербальной коммуникации, которые отражают смысловую сферу информации.

К средствам невербальной коммуникации чаще всего относят такие элементы, как жесты, мимика, позы, одежда, прическа, тон, тембр голоса, и даже предметы, которые окружают человека. То есть в них входят все формы самоподачи, что не относятся к словесным. От того, как будут использованы данные средства, серьезно зависит результат общения. Так, одна и та же фраза, сказанная с использованием различной интонации или жестов, может быть истолкована совершенно различным образом. Так, данный вопрос, о толковании различных невербальных сигналов, рассматривался в книге А. Пиз «Язык телодвижений» [2]. В нем автором описывались общие положения о невербальных сигналах, издаваемых человеческим телом (в том числе и их различия в зависимости от нации, обусловленности культурными особенностями человека), а также приводилась характеристика каждой отдельной группы жестов и мимических отражений.

А. Пиз указывал, что жесты необходимо толковать в комплексе, а не каждый в отдельности, поскольку это может приводить к неверному их пониманию, что, несомненно, необходимо учитывать в своей деятельности и сотрудникам полиции. Так, к примеру, почесывание затылка может быть знаком неуверенности человека, сообщения им лживых данных или же вообще просто наличия каких-либо кожных заболеваний, вызывающих зуд [3]. И по этой причине сотруднику полиции при разговоре важно принимать во внимание всю совокупность невербальных средств. Согласно различным исследованиям, невербальные сигналы могут передать в пять раз больше информации, чем вербальные. Следовательно, если информация, передаваемая с их помощью, не согласуется между собой, то, несомненно, следует в большей степени полагаться именно на те, которые человек не способен контролировать в полной мере. Даже если некоторые из жестов могут быть фальшивыми, они будут не согласованы с теми, которые являются произвольными – например, сужение или расширение зрачков. В отдельных случаях различные эмоции могут отражаться даже на левой (сложнее поддается контролю) и правой части лица. Поэтому в профессиональной деятельности сотрудников полиции невербальное общение является наиболее ценным, поскольку оно является спонтанным и бессознательным.

Различные жесты и позы, сигналы глаз также могут выдавать наличие психологического барьера, негативного отношения – при скрещивании рук, ног, значительном сужении зрачков; а также процесс их преодоления, возникновения доверия, что, несомненно, является важным в работе сотрудника полиции, в особенности, при общении с подозреваемыми, обвиняемыми и иными лицами, которые могут быть негативно настроены по отношению к правоохранительным органам – в том, числе, например, свидетелями, очевидцами. Также, зачастую, кроме выяснения объективных данных, важно выявить и субъективное отношение лица к этим фактам, поскольку от него нередко зависит адекватность восприятия [4].

Однако применение техники невербального общения доступно не всем – не каждый сотрудник обладает навыками психологического

наблюдения и интроспекции. Для их развития необходимо вырабатывать привычки наблюдения, самонаблюдения, а также анализировать полученные результаты.

Для сотрудника полиции, несомненно, важно уметь не только воспринимать невербальные сигналы, декодировать их, но и самим грамотно их использовать, поскольку это дает возможность более эффективного психологического воздействия. Так, при конфликтной ситуации важно, при помощи жестов, мимики, интонации, позы, использования зон общения, продемонстрировать отношение к собеседнику – это может быть как доброжелательность, так и негатив или нейтралитет – то, что необходимо для воздействия в такой ситуации. Однако, например, при неверном выборе дистанции, этот прием может сыграть обратную роль, создать новый психологический барьер.

Одним из наиболее распространенных следственных действий в деятельности полиции является допрос, и именно в его ходе наиболее ярко проявляется умение сотрудника использовать невербальные средства общения. При наличии конфликта наиболее рационально избрать расположение прямо напротив допрашиваемого, более раскованную позу, свидетельствующую о превосходстве статуса сотрудника. Для того, чтобы установить наиболее доброжелательные взаимоотношения, следует выбирать иные невербальные средства: наклон к собеседнику, частый, однако не непрерывный контакт глазами, кивки головой, использование жестов-эмблем, характерных для социальной группы, к которой принадлежит допрашиваемый.

Таким образом, на основании рассмотренного можно сделать вывод о значимости невербальных средств общения в деятельности сотрудников полиции, использование которых проявляется в двух аспектах: «декодировании» – восприятию информации, которую передает, или же наоборот, пытается скрыть; и «кодировании» – психологическое воздействие на лицо, с которым сотруднику необходимо общаться в ходе служебной деятельности. Для того, чтобы эффективно выполнять свои служебные обязанности, полицейским важно учитывать все особенности невербальных средств общения и уметь их использовать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родин В.Ф., Цветков В.Л. Коммуникативное общение в профессиональной деятельности сотрудников ОВД РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 278–281.
2. Пиз А. Язык телодвижений. Н. Новгород: Изд-во «Ай Кью», 1992. 272 с.
3. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М., 1983. С. 298.
4. Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Некоторые аспекты исследования невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 6. С. 65.

Meltsov Valery Mikhailovich

PhD in History (Candidate of Historical sciences)
Deputy head of the Department of internal Affairs in special conditions
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
valera-melcov@mail.ru

Saranina Elizaveta Sergeevna

cadet of the faculty of training the operational staff of economic security and anti-corruption units
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
saranina.1999@mail.ru

**NON-VERBAL MEANS OF COMMUNICATION IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES
OF ATS EMPLOYEES**

Abstract. The article reveals the tasks of non-verbal communication, their role in the activities of police officers.

Keywords: non-verbal means of communication, internal affairs bodies.

УДК 159.923

Метелицкий Виктор Владимирович

кандидат педагогических наук
старший преподаватель кафедры психологии служебной деятельности
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
victor.metelitsky@yandex.ru

Наумов Петр Юрьевич

кандидат педагогических наук
старший помощник начальника юридического отдела
Главный военный клинический госпиталь войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Балашиха Московской области, Российская Федерация
petr.naumov.777@mail.ru

Дьячков Алексей Анатольевич

кандидат психологических наук
начальник кафедры общей и прикладной психологии
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
dyachkov-alexh@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ
ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАЧ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ**

Для цитирования:

Метелицкий В.В., Наумов П.Ю., Дьячков А.А. Особенности психологической подготовки будущих офицеров войск национальной гвардии Российской Федерации для выполнения задач в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 62–65. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/016.pdf>

Аннотация. В статье представлены результаты научного исследования коллектива авторов по проблеме подготовки будущих офицеров Росгвардии к выполнению задач в особых условиях. Отмечается, что образовательная среда в военной образовательной организации высшего образования имеет свои сущностные различия от образовательной среды гражданской образовательной организации, где обучают студентов. Предлагается считать основным методом и мероприятием, с помощью которого возможно сформировать психологическую готовность и способность к действиям в особых условиях постоянное создание «стрессовой» обстановки в повседневной деятельности, выполнение повседневных задач на максимальном уровне трудности (минусами данного мероприятия является быстрое «психологическое выгорание» личного состава, резкое убывание психических сил и возникновение внутренних психических механизмов дезадаптации и противостояния) и правильно организованный процесс боевой (профессионально-должностной) подготовки.

Ключевые слова: будущие офицеры, психологическая подготовка, особые условия выполнения задач, психозэмоциональная устойчивость.

Военное образование на современном этапе своего развития, привлекает к себе внимание ученых и практиков, представителей разных научных школ и направлений в различных областях человеческих знаний. В ходе подготовки в военной образовательной организации высшего образования у будущего офицера формируется набор личностных и общественных качеств, которые позволяли ему становиться лидером, высокопрофессиональным, подготовленным специалистом, обладающим творческим мыш-

лением, направленным на решение задач на практике [4].

Помимо этого, профессиональный военный должен не только метко стрелять и решительно идти в атаку, он должен проносить через себя собственную правоту, ощущение защиты Родины, а не варварского нападения с целью обогащения. Без этой уверенности такому человеку тяжело будет объяснить, за какие идеалы он подвергает свою жизнь и жизнь своих подчиненных ежедневному риску. Следовательно, военный

человек кроме набора профессиональных компетенций, характеризующих его как солдата, вне зависимости от звания и должности, он должен обладать устойчивой системой ценностных установок объединяющих в себе различные ценностные компоненты: экзистенциальные, патристические, моральные, правовые, эстетические, художественные и др. При этом военный человек уже не имеет возможности осмысливать содержание этих ценностей, он должен жить по ним. Ценности должны быть просты, понятны субъекту воинской деятельности [5].

В соответствии с пунктами 1, 3, 4 части 1 статьи 2 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» на войска национальной гвардии возлагаются задачи по: участию в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности, борьбе с терроризмом и экстремизмом, участию в обеспечении режимов чрезвычайного положения, военного положения, правового режима контртеррористической операции [6].

На последнюю группу задач хотелось бы обратить особое внимание, поскольку у них существует общий родовый признак – они решаются в специальных, отличных от обыденных условиях, когда в государстве или на определенной территории вводится особый правовой режим, обусловленный причинами и возможными или наступившими последствиями его введения.

В большом количестве психологических и педагогических исследований, посвященным формированию структуры личности, или отдельных ее компонентов (в том числе профессионально-важных качеств) у будущих офицеров (или курсантов) отмечается, что образовательная среда в военной образовательной организации высшего образования имеет свои сущностные различия от образовательной среды образовательных организаций высшего образования, где обучаются студенты [3, с. 9].

По нашему мнению сущность этого различия в формируемой психоэмоциональной устойчивости курсантов к действиям в особых условиях, которая заключается в психологической готовности и способности будущего офицера выполнить служебно-боевые задачи в любых условиях обстановки, неподверженности влиянию внешних факторов среды на функциональное и психологическое состояние. Одной из наиболее важных задач в психологической подготовке курсантов в ходе боевой учебы является формирование готовности к преодолению опасности и трудностей боевой обстановки, выработка способности выдерживать большие нервно-психологические нагрузки при действии среди большого числа

разрушений, завалов, пожаров, заграждений, больших потерь в живой силе и технике. Процесс психологической подготовки курсантов военных образовательных организаций высшего образования войск национальной гвардии Российской Федерации к служебно-боевой деятельности в экстремальных условиях динамичен и противоречив. В ходе него формируются военно-профессиональные компетенции, совершенствуются специфические знания, умения, навыки и качества личности курсанта. Успешность служебной деятельности того или иного курсанта различается по качеству результатов выполняемых задач. Даже у курсантов, имеющих примерно равные показатели профессиональной подготовки, результаты служебно-боевой деятельности могут быть различны, так как каждый курсант может находиться в различном состоянии психологической готовности [1; 2].

Надо ли говорить о том, что выполнение вышеперечисленных задач, иногда с риском для жизни, требует от личного состава максимальной концентрации внимания, профессионализма, способности и готовности к действиям, обеспечении законности при реализации предоставленных прав и полномочий. Как добиться этого от самого себя и подчиненного личного состава? Ответы на эти вопросы каждый день приходится давать командирам подразделений в войсках национальной гвардии, которые привлекаются или могут быть привлечены к решению подобных задач.

В этом случае помимо правовых аспектов, важно рассмотреть аспект психологический, который является важнейшим особенно в особых условиях.

Прежде всего, необходимо выяснить какие факторы оказывают воздействие на психику военнослужащих и успешность выполнения ими своих задач?

Отвечая на данный вопрос необходимо не только перечислить простой набор различных социальных, природных, экономических, политических, психологических и т. п. факторов. Необходимо подойти к данному вопросу с позиций системного подхода, выявив структуру этих факторов и проведя их компонентный анализ, вскрыть их внешнее и внутренне функционирование, а также продолжительность и силу влияния на выполнение задач.

Применяя принципы системного исследования, мы с одной стороны должны выявить структуру и особенности функционирования социальной и природной среды, в которой происходит профессиональная деятельность военнослужащего при выполнении задач в особых условиях, а также раскрыть содержательные характеристики

и закономерности такой деятельности для детального понимания того, как она протекает, т. е. функционирует.

Остановимся на этих признаках:

- Системообразующим признаком факторов является «необычность» особых условий, которая заключается в возникновении обстоятельств, резко отличающих их от повседневной жизни и условий деятельности: возникновение угрозы жизни и здоровью; резкая смена природных условий; отрыв от комфортных условий обитания; резкое сокращение привычных социальных контактов; изменение распорядка дня и регламента работы; сокращение времени на отдых; изменение пищевого рациона; необходимость реального применения физической силы, оружия и специальных средств; невозможность удовлетворения культурных, религиозных, спортивных и сексуальных потребностей).

- Кратное увеличение («шны за ошибку»), а иногда и нивелирования так называемого «права на ошибку», которая заключается в законодательном закреплении повышенного уровня ответственности за различные виды правонарушений, повышенных социальных требованиях к ответственности должностных лиц, выполняющих государственно-значимые функции в период «нестабильной ситуации». Данный фактор иллюстрируется весьма простым примером. Так подготовка планирующих и отчетных документов хоть и должна быть безошибочной, нередко проходит

с помарками, исправлениями и внесениями корректив. Подобным образом дела обстоят с подготовкой различных документов: приказов, планов, отчетов, заявок, конспектов, графиков, решений. В боевых условиях оплошность при принятии решения, оформлении боевого приказа или распоряжения, могут привести к непоправимым последствиям в виде гибели личного состава или срыве поставленных задач.

- Реальная возможность наступления непоправимых или вредных последствий участия в мероприятиях по поддержанию особого режима.

Основным методом и мероприятием, с помощью которого возможно сформировать психологическую готовность и способность к действиям в особых условиях, является постоянное создание «стрессовой» обстановки в повседневной деятельности, выполнение повседневных задач на максимальном уровне трудности (минусами данного мероприятия является быстрое «психологическое выгорание» личного состава, резкое убывание психических сил и возникновение внутренних психических механизмов дезадаптации и противостояния) в совокупности с правильно организованным процессом боевой (профессионально-должностной) подготовки. К проведению практических и теоретических занятий целесообразно привлекать военнослужащих, имеющих опыт участия в боевых действиях и операциях, а также – опыт подготовки к ним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метелицкий В.В. Формирование психоэмоциональной устойчивости курсантов военного института внутренних войск МВД России к экстремальным условиям профессиональной деятельности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Метелицкий Виктор Владимирович. СПб., 2015. 186 с.
2. Метелицкий В.В. Структура и особенности организации образовательного процесса курсантов вузов внутренних войск, на основании положений федерального государственного образовательного стандарта // В мире научных открытий. 2014. № 11.7 (59). С. 2495–2506.
3. Наумов П.Ю., Повshedная Ф.В. Психолого-педагогические условия формирования ценностного отношения к интеллигентности у будущих офицеров в среде военной образовательной организации высшего образования // Вестник Мининского университета. 2020. Т. 8. № 1 (30). С. 9–25.
4. Наумов П.Ю. Изучение проблем влияющих на образовательный процесс в ВОУВПО ВВ МВД России (опыт авторского анализа): монография / П.Ю. Наумов, Д.Е. Матвеев, А.В. Вальков [и др.]; Новосибирский военный ин-т внутренних войск им. генерала армии И. К. Яковлева МВД России. Saint-Louis, MO, USA: «Publishing House Science & Innovation Center», 2012 (Красноярск). 127 с.
5. Наумов П.Ю., Новиков Н.С. Жизнь или смерть: ценностные константы и экзистенциальная миссия «Человека войны» // В мире научных открытий. 2015. № 9-4 (69). С. 1361–1375.
6. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4159.

Metelitsky Victor Vladimirovich

PhD in Pedagogy (Candidate of Pedagogic sciences)
Senior lecturer of the Department of Performance Psychology
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
victor.metelitsky@yandex.ru

Naumov Petr Yurievich

PhD in Pedagogy (Candidate of Pedagogic sciences)
Senior assistant to the Head of the Legal Department
Main Military Clinical Hospital of the National Guard Troops of the Russian Federation
Balashikha, Moscow region, Russian Federation
petr.naumov.777@mail.ru

Dyachkov Alexey Anatolievich

PhD in Psychology (Candidate of Psychological sciences)
Head of the Department of General and Applied Psychology
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
dyachkov-alex@mail.ru

**FEATURES OF PSYCHOLOGICAL TRAINING OF FUTURE OFFICERS
OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION
TO PERFORM TASKS IN SPECIAL CONDITIONS**

Abstract. The article presents the results of a scientific study of the team of authors on the problem of preparing future officers of the Russian Guard to perform tasks in special conditions. It is noted that the educational environment in the military educational organization of higher education has its own essential differences from the educational environment of the civilian educational organization where students are taught. It is proposed to consider the main method and activity, with the help of which it is possible to form psychological readiness and ability to act in special conditions, the constant creation of a "stressful" situation in everyday activities, the fulfillment of daily tasks at the maximum level of difficulty (the disadvantages of this event are the rapid "psychological burnout" of personnel, a sharp decline in mental forces and the emergence of internal mental mechanisms of maladaptation and confrontation) and a properly organized process of combat (professional) training.

Keywords: future officers, psychological training, special conditions for performing tasks, psychoemotional stability.

УДК 159.922.8

Прокофьева Виктория Альбертовна

кандидат психологических наук, доцент

профессор кафедры общей и прикладной психологии

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

nastenka66@mail.ru

ДОМИНИРУЮЩИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И РИСКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА

Для цитирования:

Прокофьева В.А. Доминирующие копинг-стратегии и риски девиантного поведения курсантов военного института // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 66–71. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/017.pdf>

Аннотация. В статье обобщены результаты эмпирического исследования репертуара копинг-стратегий и рисков девиантного поведения курсантов военной образовательной организации высшего образования. Рассматриваются взаимосвязи суицидального риска, девиантного, аддиктивного и делинквентного поведения с ведущими копинг-стратегиями курсантов. На основе полученных результатов определяются возможности превентивной диагностики имеющихся проблем девиантного поведения, а также сглаживания негативных последствий личностных и профессиональных кризисов в процессе обучения в военном институте.

Ключевые слова: копинг-стратегии, готовность к риску, девиантное поведение, аддиктивное поведение, делинквентное поведение, суицидальный риск, курсанты военного института.

Современное общество диктует высокие требования к развитию личности и профессиональным качествам офицера. Наиболее типичные, трудные, с психологической точки зрения, ситуации в жизни военнослужащего, возникающие в кризисные периоды, связанные с высокой стрессогенностью военной службы, неудовлетворенностью личной жизнью, профессиональной деятельностью, а также с переоценкой собственных достижений. Для преодоления этих трудностей, уменьшения их отрицательного воздействия человек использует копинг-стратегии.

По мнению Р. Лазаруса и С. Фолкмана [2], копинг-стратегии (совладающее поведение) понимаются как совокупность гибких, динамичных поведенческих и когнитивных усилий человека, цель которых – справиться с трудными, напрягающими, превосходящими имеющиеся ресурсы ситуациями.

Изучение копинг-стратегий в каждом кризисном периоде связано с тем, что в процессе преодоления жизненных трудностей человек может как приобрести новый опыт, расширить диапазон поведенческого репертуара, так и проявить неадекватность своего поведения, влияющую на адаптивные способности [3].

Проблема копингов рассматривается как индивидуальные защитные механизмы личности, направленные на овладение трудной ситуацией [4]. К ним относятся активные усилия личности,

стремление индивида решить определенную проблему. Следовательно, под этим понимается то, что делает человека способным справиться со стрессом за счет суммы когнитивных, поведенческих, эмоциональных усилий, затрачиваемых индивидом для ослабления влияния стресса. Мысли, чувства и действия образуют копинг-стратегии, которые используются в различной степени при определенных обстоятельствах.

Формирование личности офицера происходит в процессе профессиональной подготовки в военной образовательной организации высшего образования (далее – ВООВО). При неуспешной социализации в условиях военной службы в результате недостаточной социально-психологической компетентности для выполнения роли военнослужащего развивается девиантное поведение по модели социальной незрелости личности. При успешной, но неустойчивой социализации в связи с утратой идентификации девиантов со статусом военнослужащего и условиями военной службы формируются конструктивные и деструктивные копинг-стратегии разрешения проблемной ситуации. Поэтому изучение копинг-стратегий военнослужащих, склонных к девиантному поведению в различные периоды военной службы, является актуальной проблемой.

Таким образом, цель настоящего исследования – выявление взаимосвязей доминирующих копинг-стратегий курсантов ВООВО и рисков раз-

личных девиаций.

Работа проводилась на базе Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации. В исследовании принимали участие курсанты 4 курса факультета (морально-психологического обеспечения). Общий объем выборки составил 62 человека.

Диагностическая программа эмпирического исследования включала следующий комплекс

методик: копинг-тест Р. Лазаруса «Способы совладающего поведения», анкета ДАП-2 и опросник «Оценка риска».

На первом этапе анализировалась степень выраженности копинг-стратегий курсантов. Среднегрупповые показатели представлены в сводной таблице 1. Показатели всех копинг-стратегий невысоки: среднегрупповые оценки лежат в среднем диапазоне и не превышают 7 стенов (границы среднего уровня).

Таблица 1 – Анализ копинг-стратегий курсантов военного института

Копинг-стратегии	курсанты, n = 62		
	M	m	δ
Конфронтация	4,92	0,26	2,07
Дистанцирование	4,69	0,26	2,06
Самоконтроль	5,58	0,31	2,41
Поиск социальной поддержки	5,57	0,28	2,22
Принятие ответственности	5,11	0,27	2,09
Бегство-избегание	4,82	0,28	2,12
Планирование решения проблемы	4,50	0,29	2,27
Положительная переоценка	4,44	0,32	2,52
Примечание: M – среднее арифметическое; m – ошибка среднего; δ – стандартное квадратичное отклонение			

Неоднородность копинг-стратегий указывает на то, что существуют некие факторы, которые влияют на формирование совладающего поведения курсантов. Опираясь на данные таблицы 1, можно выделить копинг-стратегии, которые чаще используют курсанты обследованного подразделения. Это такие стратегии, как самоконтроль (M = 5,58), поиск социальной поддержки (M = 5,57) и принятие ответственности (M = 5,11). Эти копинги можно рассматривать как конструктивные действия в проблемных ситуациях.

Стратегия самоконтроля (M = 5,58) предполагает попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемной ситуацией за счет целенаправленного подавления и сдерживания эмоций, минимизации их влияния на оценку ситуации и выбор стратегии поведения, предполагающей высокий контроль поведения, стремление к самообладанию. За четыре года обучения в ВООВО у курсантов обследованного подразделения, вероятно, сформировалась модель поведения, предполагающая высокий самоконтроль и саморегуляцию поведения и действий.

Стратегия поиска социальной поддержки (M = 5,57) предполагает попытки разрешения про-

блемы за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной поддержки. Характерны ориентированность на взаимодействие с другими людьми, ожидание внимания, совета, сочувствия. Выбор этой модели совладающего поведения косвенно может свидетельствовать о ситуации взаимного доверия в обследованном подразделении.

Третьей в иерархии использования стоит копинг-стратегия принятия ответственности (M = 5,11). Эта стратегия предполагает признание субъектом своей роли в возникновении проблемы и ответственности за ее решение, в ряде случаев с отчетливым компонентом самокритики и самообвинения. Что с одной стороны, свидетельствует о сформированной волевой регуляции. Однако, с другой стороны, может сдерживать активность в ситуации неопределенности и риска.

Таким образом, изучение копинг-стратегий курсантов позволяет прогнозировать их поведение в сложных условиях обстановки.

На следующем этапе проводилось выявление рисков девиантного поведения курсантов. Полученные результаты отражены графически на рисунке 1.

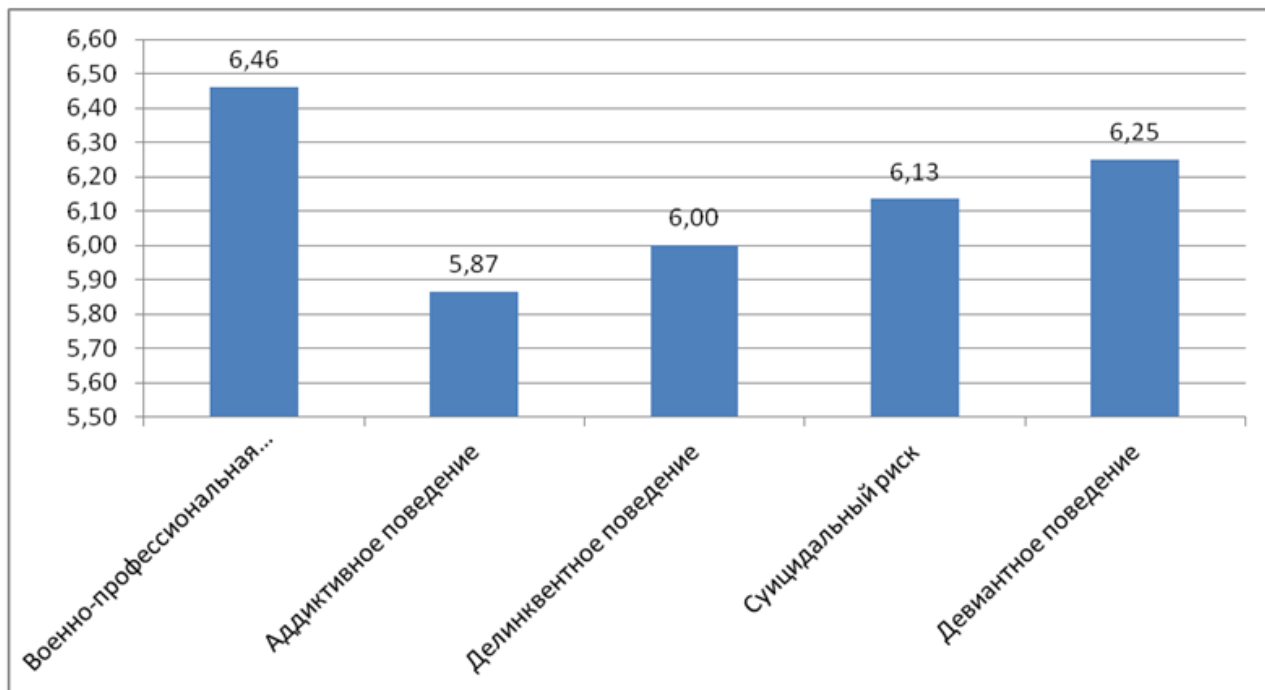

Рисунок 1 – Анализ показателей рисков девиантного поведения

и военно-профессиональной направленности (данные представлены в стенах)

Примечание – высокий уровень 8–10 стенов; средний уровень 5–7 стенов; низкий уровень 3–4 стенов; очень низкий уровень 1–2 стенов

Как представлено выше, показатели рисков девиаций курсантов 4 курса военного института войск национальной гвардии лежат в среднем диапазоне. Наименьшее значение имеют показатели аддиктивного поведения ($M = 5,87$). Таким образом, можно сделать вывод о том, что риск отклоняющегося поведения в обследованном подразделении незначительный и соответствует требованиям профессионального психологического отбора военнослужащих [1].

Развернутый анализ уровневых характеристик по шкалам анкеты ДАП-2 позволяет отметить, что высокий уровень рисков отклоняющегося поведения среди курсантов не выявлен. Это может свидетельствовать о благополучной обстановке в подразделении.

Показатели рисков готовности также лежат в среднем диапазоне, при этом, наибольшее значение имеет импульсивность ($M = 6,72$), а наименьшее – поиск стимуляции ($M = 4,15$). Важно отметить, что готовность к риску хоть и порождается актуальной ситуацией, но базируется в основном на индивидуально-типологических особенностях военнослужащих: доминантности, экстравертированности, активности, напористости, положительной мотивации к деятельности.

40 % курсантов отличает высокая рискованная готовность. Они не только готовы к активным действиям в экстремальной ситуации, но могут пойти и на неоправданный риск. 54 % обладают уме-

ренной рискованной готовностью: они готовы соотносить долю риска в ситуации и собственные шансы на успех в деятельности. 6 % курсантов характеризуются низкой готовностью к риску. Их отличает осторожность и рациональность при встрече с опасностью.

Обращает на себя внимание высокий процент курсантов с выраженной импульсивностью. Таких в обследованном подразделении 54 %, несколько меньше (43 %) имеют средний уровень импульсивности. Однако ситуация вызывает тревогу: большая часть респондентов в ситуации опасности готова действовать по первому побуждению, не задумываясь о последствиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что для большинства курсантов обследованного подразделения свойственна умеренная рискованная готовность, это, в целом, отвечает требованиям выбранной профессии. Они готовы активно действовать в опасной ситуации, осознанно идти на риск.

Проведенный корреляционный анализ преследовал цель выявления механизмов и рычагов влияния на курсантов, которые склонны к девиантному поведению. Как представлено на рисунке 2, наибольшее количество взаимосвязей имеет показатель риска делинквентного поведения.

Высокий риск делинквентности и, опосредованно, девиантного поведения (связь показателей делинквентного и девиантного поведения; $r = 0,76$), определяется предпочтением копинг-стратегии конфронтация ($r = 0,22$), а также предрасполо-

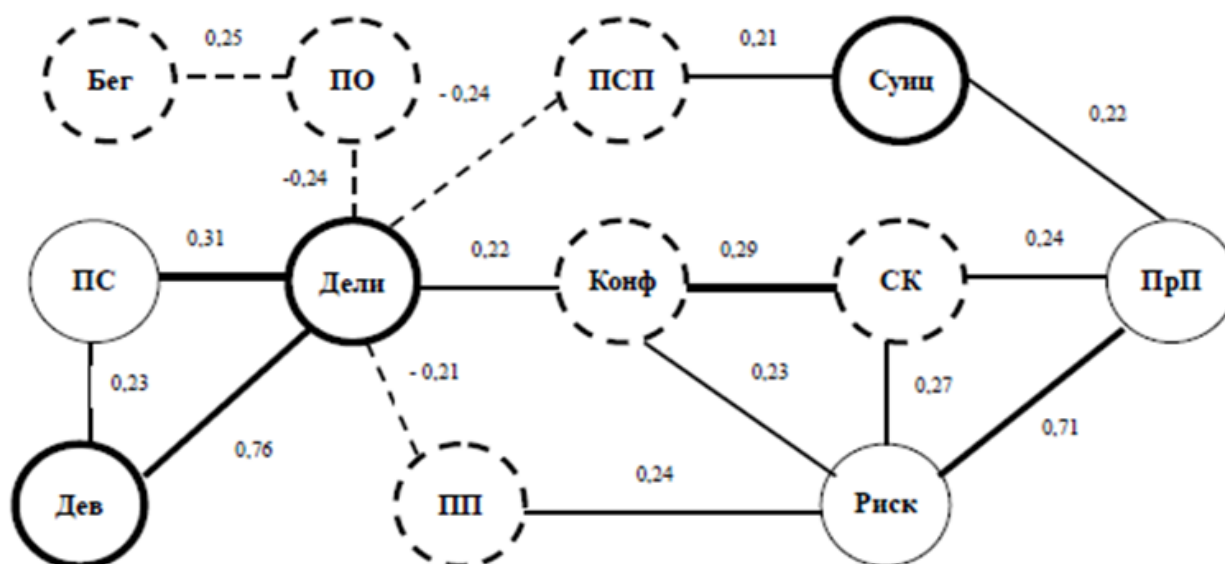

Рисунок 2 – Фрагмент корреляционной плеяды рисков делинквентного поведения и копинг-стратегий курсантов военного института

Примечание – Дели – делинквентное поведение; Дев – девиантное поведение; Суиц – суицидальный риск; Конф – конфронтация; СК – самоконтроль; ПрП – предрасположенность к происшествиям; ПП – положительная переоценка; Риск – готовность к риску; ПС – поиск стимуляции; Бег – бегство-избегание; ПО – принятие ответственности; ПСП – поиск социальной поддержки ($r_{кр} = 0,211$ при $p < 0,05$, $r_{кр} = 0,295$ при $p < 0,01$)

женностью к поиску «острых ощущений» (поиск стимуляции; ($r = 0,31$)).

Наряду с этим, показатель делинквентного поведения имеет ряд обратных связей с показателями копинг-стратегий. Это может рассматриваться как сдерживание риска делинквентности. Видимо, чем более курсанты обследованного подразделения ориентированы на принятие ответственности ($r = -0,24$), поиск социальной поддержки ($r = -0,24$) и положительную переоценку проблемной ситуации ($r = -0,21$), тем меньше риск проявления антиобщественного противоправного поведения.

Так при умеренном использовании стратегии принятия ответственности проявляется стремление к пониманию зависимости между собственными действиями и их последствиями, готовность анализировать свое поведение, искать причины актуальных трудностей в личных недостатках и ошибках. Стратегия положительной переоценки предполагает попытки преодоления негативных переживаний в связи с проблемой за счет ее положительного переосмысления, рассмотрения ее как стимула для личностного роста.

Таким образом, выделенные копинг-стратегии могут рассматриваться как конструктивные механизмы совладания и лежать в основе разработки психопрофилактических мероприятий.

Вместе с тем, как видно на рисунке 2, преимущественное использование копинга «поиск социальной поддержки» может увеличивать риск суицидальных проявлений ($r = 0,21$). Что вполне закономерно, и может рассматриваться как тревожный симптом в обследованном подразделении: оказавшись один на один с проблемой, ориентированный на социальное взаимодействие и не получив-

ший ожидаемой поддержки, человек может спонтанно принять решение уйти из жизни и осуществить свое намерение. Кроме того, риск суицида возрастает при имеющейся предрасположенности к происшествиям ($r = 0,22$).

В свою очередь, предрасположенность к происшествиям ($r = 0,24$) и высокая рискованная готовность ($r = 0,27$), а также (как представлено уже на рисунке 3) высокий риск аддиктивного поведения ($r = 0,26$) обусловлен доминированием копинга «самоконтроль».

В этом случае проявление сверхконтроля как механизма совладания может способствовать истощению личностных ресурсов и приводить к формированию деструктивного поведения, которое выражается в стремлении к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния, возникновению различного рода зависимостей.

Кроме того, риск возникновения аддикций в обследованном подразделении обусловлен использованием конфронтационного копинга ($r = 0,22$). Что вполне объяснимо и также вызывает тревогу. Поскольку копинг-действия при доминировании этой стратегии теряют свою целенаправленность и становятся преимущественно результатом разрядки эмоционального напряжения. В этом случае явно проявляются отрицательные стороны данной копинг-стратегии: недостаточная целенаправленность и рациональная обоснованность поведения в проблемной ситуации.

В заключение важно указать, что все диагностированные копинг-стратегии (это представлено в выделенных фрагментах корреляционных плеяд) так или иначе связаны между собой. Следова-

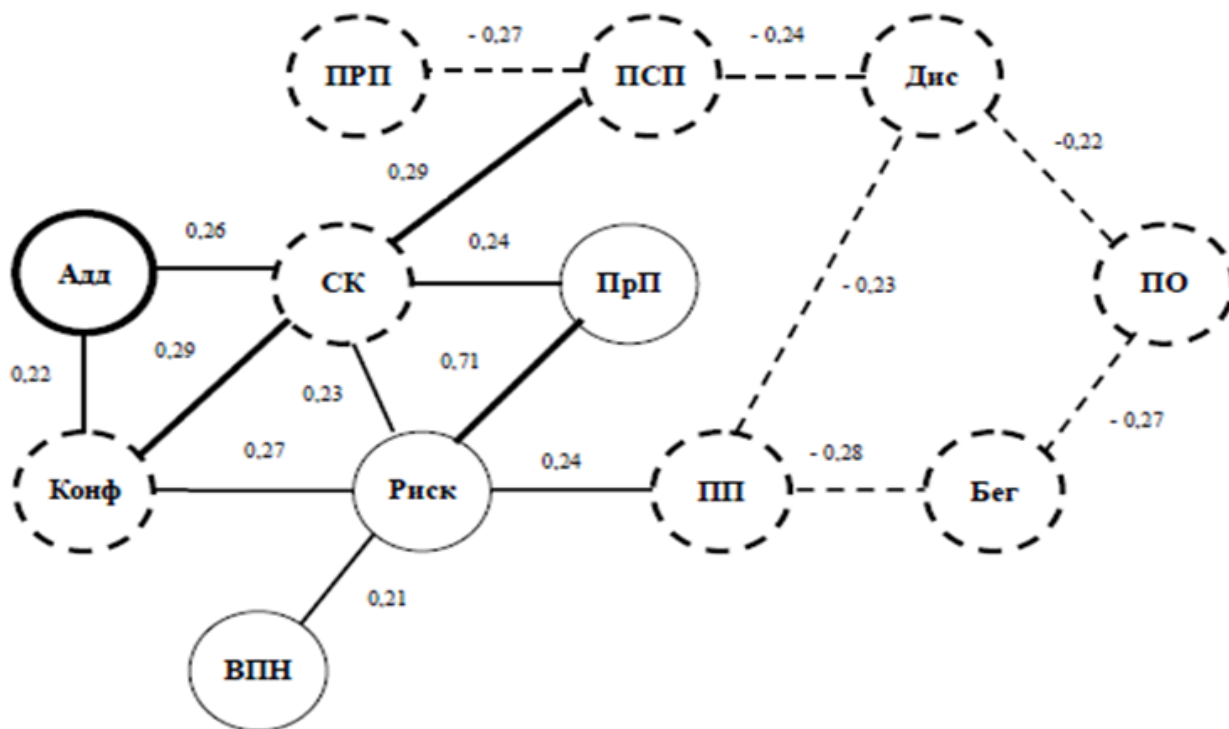

Рисунок 3 – Фрагмент корреляционной плеяды рисков аддиктивного поведения и копинг-стратегий курсантов военного института

Примечание – Алд – аддиктивное поведение; Конф – конфронтация; СК – самоконтроль; ПрП – предрасположенность к происшествиям; ПП – положительная переоценка; Риск – готовность к риску; ВПН – военно-профессиональная направленность; Бег – бегство-избегание; ПО – принятие ответственности; ПСП – поиск социальной поддержки; ПРП – планирование решения проблемы; Дис – дистанцирование ($r_{кр} = 0,211$ при $p < 0,05$, $r_{кр} = 0,295$ при $p < 0,01$)

но, актуализация соответствующего механизма совладания может как увеличивать, так и минимизировать риск возникновения различных девиаций.

По результатам проведенного исследования были сформулированы следующие выводы:

1. Доминирующими копинг-стратегиями курсантов военного института являются: самоконтроль ($M = 5,58$), поиск социальной поддержки ($M = 5,57$) и принятие ответственности ($M = 5,11$). Эти копинги можно рассматривать как конструктивные действия в проблемных ситуациях.

2. Показатели рисков девиаций курсантов 4 курса ВООВО войск национальной гвардии лежат в среднем диапазоне. Высокий уровень рисков отклоняющегося поведения среди курсантов не выявлен, что может свидетельствовать о благополучной обстановке в подразделении.

3. Высокий риск делинквентного поведения определяется предпочтением копинг-стратегии конфронтация, а также предрасположенностью к поиску «острых ощущений». Факторами сдерживания риска делинквентности выступают такие копинг-механизмы, как: принятие ответственности ($r = -0,24$), поиск социальной поддержки ($r = -0,24$) и положительная переоценка проблемной ситуации ($r = -0,21$). Вместе с тем, преимущественное использование копинга «поиск социальной под-

держки» может увеличивать риск суицидальных проявлений ($r = 0,21$). Высокий риск аддиктивного поведения обусловлен доминированием самоконтроля ($r = 0,26$) и конфронтационного копинга ($r = 0,22$).

Военнослужащие, использующие неконструктивные копинг-стратегии и имеющие высокий уровень девиаций, могут подорвать боевую готовность подразделения, а также деморализовать своих сослуживцев. По результатам проведенного исследования можно отметить, что необходимо еще на ранних этапах вхождения в службу отслеживать курсантов, использующих неконструктивные копинг-стратегии, а также диагностировать имеющиеся проблемные личностные характеристики, которые в итоге могут приводить к девиациям личности внутри воинского коллектива.

Основным в содержании процесса формирования психологической готовности курсантов к службе и боевым действиям является укрепление профессиональных мотивов поведения, волевых и умственных черт характера, совершенствование знаний, умений, навыков, психических процессов в связи со специальностью, а также минимизация рисков девиантного поведения и формирование адекватных копинг-стратегий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации от 16.11.2016 г. № 357 «Об утверждении Инструкции об организации и проведении профессионального психологического отбора в войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Зарегистрировано в Минюсте России. 2016. № 44651. Справочно-правовая система «ГАРАНТ» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71562542/> (дата обращения: 25.07.2020).
2. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / под ред. А. Леви. 1970. С. 178–208.
3. Набиуллина Р.Р., Тухтарова И.В. Механизмы психологической защиты и совладания со стрессом (определение, структура, функции, виды, психотерапевтическая коррекция). Казань: Изд-во ИП Тухтаров В.Н., 2003. 98 с.
4. Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия. Самара: БАХРАХ-М, 2000. 656 с.

Prokofeva Victoria Albertovna

*PhD in Pedagogy (Candidate of Pedagogical sciences), Docent
Professor of the Department of General and Applied Psychology
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
nastenska66@mail.ru*

**DOMINANT COPING STRATEGIES AND RISKS OF DEVIANT BEHAVIOR
OF MILITARY UNIVERSITY CADETS**

Abstract. The article summarizes the results of an empirical study of the repertoire of coping strategies and risks of deviant behavior of military University cadets. The article discusses the relationship of suicidal risk, deviant, addictive and delinquent behavior with the leading coping strategies of cadets. Based on the results obtained, the possibilities of preventive diagnostics of existing problems of deviant behavior, as well as smoothing the negative consequences of personal and professional crises in the process of studying at a military University are determined.

Keywords: coping strategies, readiness to take risks, deviant behavior, addictive behavior, delinquent behavior, suicidal risk, the cadets of the military University.

УДК 159.923

Путан Людмила Яковлевна

кандидат педагогических наук

доцент кафедры общей и прикладной психологии

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

kafedra_opp@bk.ru

КОГНИТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КУРСАНТОВ ВОЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Для цитирования:

Путан Л.Я. Когнитивная составляющая профессиональной идентичности курсантов военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 72–75. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/018.pdf>

Аннотация. В статье рассматривается проблема профессиональной идентичности и динамика ее становления у курсантов военной образовательной организации высшего образования войск национальной гвардии, получающих профессию военного психолога. Выяснено, что когнитивная составляющая профессиональной идентичности имеет положительную тенденцию в течение всего периода обучения в военном институте. В то же время старшекурсники критичней подходят к оцениванию себя как будущего офицера-психолога, готового к работе по соответствующей специальности.

Ключевые слова: профессионализм, профессиональное самоопределение, профессиональная идентичность, Я-концепция.

В современной экономической и социально-политической ситуации в России к выпускникам образовательных организаций высшего образования (далее - ООВО) предъявляется множество требований, так или иначе связанных с профессиональной идентичностью [6; 8; 10; 11]. Ее проявления фиксируют не только в оценке получаемой профессии, как потенциального средства саморазвития, но и в структуре ценностных ориентаций, позитивной профессиональной адаптации, психологически комфортного самовосприятия в профессиональной группе, адекватном «психологическом контракте» [9], доминировании положительной внутренней мотивации к избранной профессии [8] и др.

Профессиональная идентичность как психологическая категория исследовалась Н.С. Пряжниковым [7], Ю.П. Поваренковым [6], Л.Б. Шнейдер [10; 11] и др., но до настоящего времени ее содержание является дискуссионным. Ее описывают, предполагая некоторый набор характеристик, которые помогают ориентироваться в мире профессий, реализовывать первичное профессиональное самоопределение [2; 3; 4; 5].

Некоторые трудности в складывании профессиональной идентичности в образовательном процессе связаны с системой внешних и внутренних условий учебно-воспитательного пространства во-

енной образовательной организации. К внешним условиям, весьма значимым в начальный период обучения в системе высшего образования, причисляют: качественные особенности организации учебно-академической и учебно-профессиональной деятельности; специфические условия образовательного пространства, а также изменение требований к профилю осваиваемой специальности; дидактико-технологические условия; требования к качеству военно-профессиональной подготовки; особенности информационной среды, в том числе уровень ее защищенности; достоверность обратной связи, поддерживаемой в учебно-воспитательном процессе и т. д.

Согласно Л.Б. Шнейдер, после успешного прохождения периода адаптации более значимыми становятся внутренние условия: эмоционально-положительный фон, способствующий складыванию положительного самовосприятия в качестве субъекта профессиональной деятельности; переживание стенических эмоций в связи с осознанием своей принадлежности к соответствующей профессиональной группе; адекватное присвоение нормативных требований к профессии; психологическая готовность принимать на себя ответственность; степень выраженности и принятия экзистенциального и функционального Я; мотивационная активность и т. д. [10]. Поскольку ведущим видом деятельности на младших курсах выступает учебно-

академическая, а на старших – учебно-профессиональная, то и его профессиональное самосознание детерминировано комплексом критериев («успешного обучаемого»). Основными компонентами профессионального самосознания выступают: образ-Я, Я-концепция, выполняющие контрольно-регулятивную функцию в период обучения в ООВО.

В литературе по проблематике, связанной с динамикой профессиональной идентичности, выделяют ее стадии, а также уровни ее формирования. Они зависят от напряженности противоречий, как источника ее развития. Обычно отмечают в качестве наиболее значимых расхождение между мотивами и целями деятельности; несоответствие реальности и идеальным (экспектациями); имеющимся действительным статусом и желаемым. Все это может привести к возникновению конфликтного личностного смысла, стимулирующего самосознание к развитию профессиональной идентичности. Выделяют три основных этапа формирования профессиональной идентичности, содержание которых тесно связано с особенностями жизнедеятельности курсантов.

На первом, не достаточно стабильном этапе (1 - 2 курсы) актуальными для курсантов являются задачи, связанные с адаптацией к учебной группе и освоением социальной роли. Важные проблемы в формировании профессиональной идентичности могут отягощаться противоречиями между необходимостью быть успешным обучаемым и повседневным поведением курсанта на фоне недостаточно высоких показателей военно-профессиональной пригодности [8]. В частности, по данным Д.В. Смирнова, за «последние пять лет значительно увеличилось количество лиц (более 35 %), отнесенных по результатам профессионального психологического отбора к третьей категории профессиональной пригодности, т. е. минимально соответствующим предъявляемым требованиям профессии и условно рекомендуемых для обучения» [8, с. 3].

На втором этапе (3 - 4 курсы) происходит переоценка достижений, полученных благодаря своим усилиям. Переход к учебно-профессиональному типу деятельности выявляет объективное противоречие между субъективными представлениями о конкретной профессии и проявлениями ее действительной сущности, приводящее к конкретизации образа-Я, как субъекта деятельности учебно-профессиональной. Это стимулирует позитивное восприятие себя как будущего офицера.

Некоторая нестабильность на третьем этапе (5 курс) связана с уточнением характеристик индивидуального образовательного маршрута с учетом особенностей профессионального и карьерного роста. Однако возможны резкие колебания самовосприятия, вплоть до признания ошибочности первичного профессионального самоопределения. Чаще меняется иерархия

критериев выбора профессии. Хотя когнитивное развитие в учебном процессе осуществляется в течение пяти лет, но именно на заключительном этапе по-настоящему оцениваются профессиональная идентичность и пригодность будущего офицера [6; 8; 10].

Для оценки профпригодности может использоваться категория профидентичности, включающая когнитивный; аффективный и поведенческий компоненты. В составе индивидуальной профидентичности выделяются такие компоненты, как социально-психологический (тождество с обобщенным представителем профессии); производственно-технологический (наличие у субъекта знаний, позитивного эмоционального отношения к содержанию труда); организационно-культурный (тождество с организационной средой) [2; 5; 11].

Изучение профессиональной идентичности будущих офицеров и младших командиров войск Росгвардии является безусловно актуальной задачей [1; 8]. В этой связи нами было выполнено эмпирическое исследование становления профессиональной идентичности у будущих офицеров-психологов в Санкт-Петербургском военном ордена Жукова институте войск национальной гвардии Российской Федерации. Профидентичность рассматривалась как условие успешности самореализации в профессии, психологического комфорта, и развития субъектности. Мы предположили, что на протяжении обучения курсантов будут сформированы ее основные составляющие, прежде всего, когнитивная компонента. В выборку эмпирического исследования вошли курсанты факультета (морально-психологического обеспечения) в возрастном диапазоне 18–23 лет, в количестве 44 человек (по 22 испытуемых в каждой из двух групп).

Исследование профессиональной идентичности курсантов военного института проводилось по трем составляющим: когнитивному, эмоциональному и мотивационному, однако в данной статье мы можем представить результаты диагностики когнитивного компонента. Когнитивная составляющая диагностировалась по методике изучения профессиональной идентичности А.Б. Шнейдер, а также анкете «Оценка представлений о себе в профессии». Результаты исследования представлены на рисунке 1.

Исходя из данных рисунка, можно отметить отсутствие такого типа идентичности, как преждевременная, проявляющаяся в том, что личность не может самостоятельно осуществить жизненный выбор. У незначительной части (5 %) второкурсников была выявлена диффузная идентичность, характеризующаяся неуверенностью в выборе профессии и колебаниями в оценке необходимости им это образование данного типа, когда учатся, лишь чтобы получить высшее образование.

Мораторий идентичности выявлен у 25 % второкурсников и у 20 % курсантов 4 года обучения. При удовлетворенности профессиональным выбо-

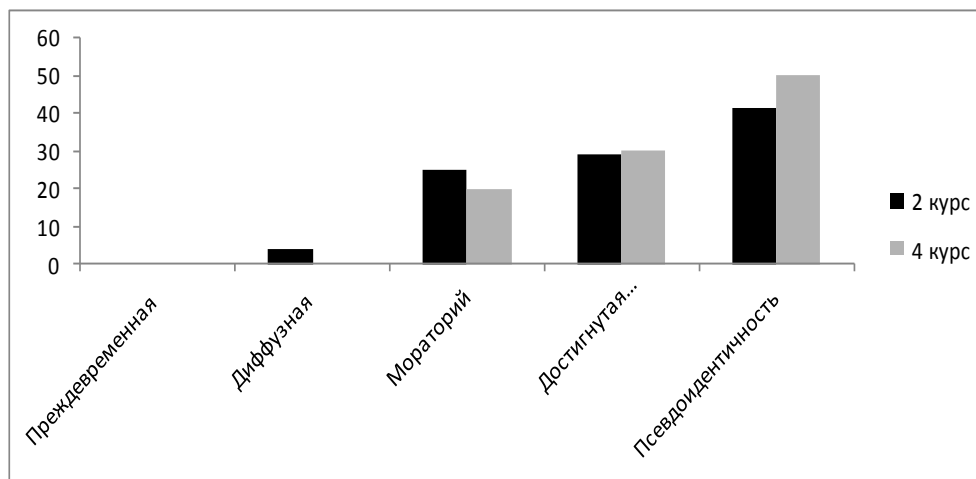

Рисунок 1 – Процентное соотношение статусов профессиональной идентичности курсантов

ром, курсанты демонстрируют достаточно высокую личностную тревожность (симптом кризиса идентичности).

Нужно отметить почти полное отсутствие в сравниваемых группах значимых различий по параметру позитивной идентичности: у второкурсников 29 % и у 4 курса 30 %. Это характеризуется осознанием для себя важности профессии, связыванием с ней своего профессионального выбора, как военного психолога.

В то же время, показатели псевдоидентичности явно выражены у обеих групп: у 2 курс 42 %, 4 курс 50 %. Испытуемые уверены в том, что осваиваемая специальность соответствует их интересам и способностям, но представления эти базируются на некоторых стереотипах, что может в дальнейшем привести к кризису профессиональной идентичности.

Сравнивая выраженность показателей профи-

дентичности у представителей обеих групп по U критерию Манна-Уитни, можно констатировать, что различий данному показателю не выявлено, $U_{эмп}=269$, при $U_{0.01}=140$ и $U_{0.05}=169$.

Далее приведем результаты анкеты «Оценка представлений о себе в профессии» (рисунок 2, на котором конкретизированы уровни представлений курсантов о себе в профессии военного психолога).

По данным рисунка видно, что у курсантов обеих групп не представлен низкий уровень представлений о себе в профессии. Следовательно, уже на 2 курсе явно выражена достаточная осознанность выбора профессии офицера национальной гвардии. Тот факт, что на 4 курсе преобладает средний уровень представлений (65 %), а на 2 курсе – высокий уровень (62,5 %), можно связывать с тем, что старшекурсники имеют более богатый опыт, полученный во время

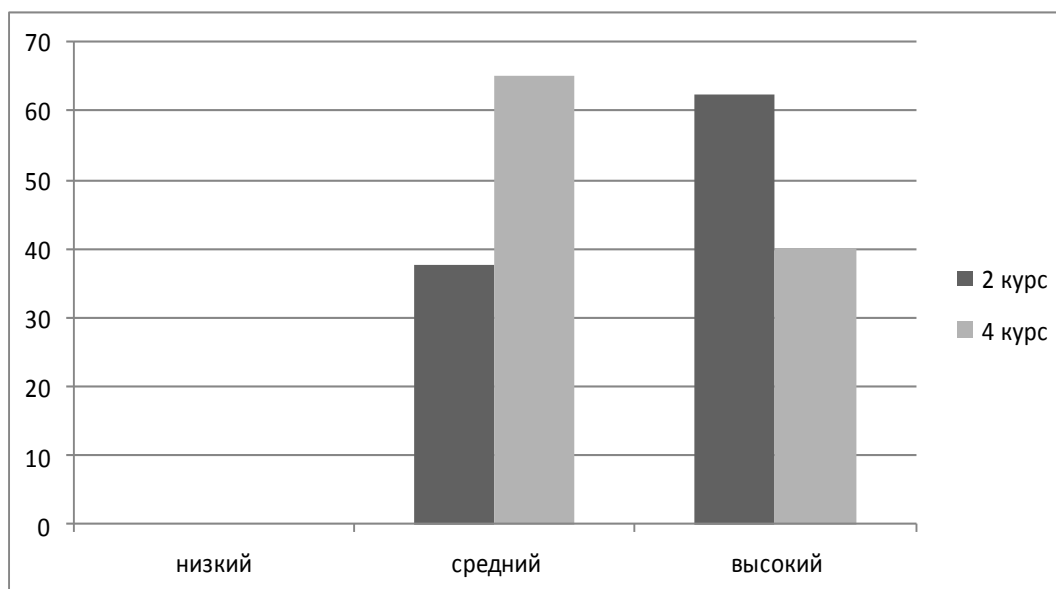

Рисунок 2 – Процентное соотношение уровней представлений курсантами о себе в профессии

прохождения практики в войсках. Они критичны, и отдают себе отчет в необходимости совершенствования когнитивной составляющей своей профессиональной идентичности. По критерию U Манна-Уитни различия между представлениями о себе в профессии у курсантов 2 и 4 курсов статистически не значимы ($U_{\alpha}=188$, при $U_{0,01}=140$ и $U_{0,05}=169$).

В итоге можно заключить, что когнитивный компонент профессиональной идентичности у курсантов 2 и 4 года обучения сформирован на до-

статочно высоком уровне. Это положительно характеризует возможности образовательного пространства военной ООВО в плане объективации представлений личности о себе в профессии психолога. Однако более критичное отношение старшекурсников к проблеме профидентичности ставит задачу психологического сопровождения процесса ее формирования перед психологами-преподавателями и офицерами соответствующих курсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмедханов М.А. Развитие психологических характеристик специалистов на этапе становления профессионализма в учебном центре войск национальной гвардии Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Ахмедханов Мурадхан Алдерханович. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. 27 с.
2. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 4. С. 51–59.
3. Иванова Н.А., Конева Е.В. Профессиональная идентичность и профессиональное пространство // Мир психологии. 2004. № 2. С. 148–156.
4. Кочнева Е.М., Морозова Л.Б., Костылева Е.А. Установка современной молодежи на успех: перспективы, риски и возможности // European Social Science Journal. 2016. № 1. С. 367–371.
5. Красникова Ю.В. Профессиональная идентичность как основной элемент профессионального воспитания // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, ноябрь 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 167–169.
6. Поварёнков Ю.П. Психологическая характеристика профессиональной идентичности. Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества // Сборник научных трудов. Ярославль: ЯГПУ, 2003. С. 154–163.
7. Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда: учебное пособие. М.: Академия, 2009. 480 с.
8. Смирнов Д.В. Развитие профессиональной психологической пригодности будущих офицеров в образовательной среде вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Смирнов Денис Викторович. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 29 с.
9. Турчин А.С., Турчин Д.А. Особенности взаимных ожиданий предпринимателей и молодых специалистов в период трудоустройства // Психология управления: Бизнес-хрестоматия. Екатеринбург: ЗАО «Издательский Дом Гребенникова. Евразия», 2007. №1 (1). С. 102–109.
10. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.13 / Шнейдер Лидия Бернгардовна. М., 2001. 42 с.
11. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2004. 600 с.

Putan Lyudmila Yakovlevna

PhD in Pedagogy (Candidate of Pedagogical sciences)

Associate Professor of the Department of General and Applied Psychology

Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops

Saint-Petersburg, Russian Federation

kafedra_opp@bk.ru

COGNITIVE COMPONENT OF THE PROFESSIONAL IDENTITY OF UNIVERSITY CADETS OF THE NATIONAL GUARD TROOPS

Abstract. The article deals with the problem of professional identity and the dynamics of its formation in the cadets of the National Guard Troops University who receive the profession of a military psychologist. It was found that the cognitive component of professional identity has a positive trend throughout the entire period of University education. At the same time, undergraduates are more critical in assessing themselves as a future psychological officer who is ready to work in the relevant specialty.

Keywords: professionalism, professional self-determination, professional identity, Self-concept.

УДК 343.61

Алтунин Алексей Юрьевич

преподаватель кафедры огневой подготовки и деятельности органов внутренних дел в особых условиях Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
г. Орёл, Российская Федерация
opidovdou@mail.ru

Никитин Дмитрий Владимирович

старший преподаватель кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях, Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
nik.dv.2018@bk.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Для цитирования:

Алтунин А.Ю., Никитин Д.В. Правовое регулирование применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 76–78. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/019.pdf>

Аннотация. На сегодняшний день актуален вопрос о праве применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия. В статье рассматриваются пробелы в законодательстве, которые мешают сотрудникам в полной мере выполнять свои обязанности.

Ключевые слова: применение огнестрельного оружия, полномочия сотрудников полиции.

В настоящее время криминогенная обстановка в нашей стране не сдаёт своих позиций, что так или иначе создает экстремальные условия для служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, в частности повышается риск выполнения своих обязанностей сотрудниками полиции. Поэтому полицейские во время несения службы наделены особыми правами – применения физической силы и специальных средств, а в частности огнестрельного оружия. Именно такие полномочия позволяют этой структуре занять центральное место в системе правоохранительных органов.

Из-за того, что применение физической силы и огнестрельного оружия в объективной мере ущемляет конституционные права и свободы отдельных лиц, чьи действия являются не правомерными, то такое данное право сотрудников полиции четко регулируется действующим законодательством.

Вопрос о законном регулировании применения огнестрельного оружия при выполнении служебных обязанностей сотрудниками полиции во все времена занимал одно из важных мест в организации деятельности органов внутренних дел. Нерешенным он остается и в настоящее время только из-за того, что применению сотрудниками полиции огнестрельного оружия дается неоднозначная и зачастую субъективная оценка со стороны, как общества, так и власти. Такая оценка дается только из-за того, что в настоящем законо-

дательстве есть огромные пробелы в нормах, которые регулируют данное право сотрудников полиции. Ввиду этого возникают противоречия, последствиями которых являются необоснованное привлечение сотрудников к ответственности, в том числе и к уголовной, вследствие чего сотрудники все чаще и чаще боятся применять огнестрельное оружие, даже если сложилась та криминогенная обстановка, которая бесспорно дает возможность воспользоваться сотрудникам полиции своим исключительным правом [1].

Но несмотря на несовершенство законодательства сотрудники полиции имеют право применять огнестрельное оружие только в соответствии с законодательством, а именно со ст. 23, 24 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»). Исходя из статьи выделяют такие обстоятельства применения оружия как крайняя необходимость, причинение вреда лицу, совершившему преступление при его задержании, обоснованный риск, освобождение заложников и др. [2].

Несомненно, Конституции всех государств с различной формой правления ставят в приоритет и охраняют различные права и свободы человека и гражданина, где самой наивысшей ценностью объявлена жизнь. В соответствии с протоколом № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. многие европейские страны, в том числе и Российская Федера-

ция, ввели мораторий или отменили смертную казнь [3]. Именно поэтому применение оружия сотрудниками органов внутренних дел является крайней мерой пресечения в исключительных обстоятельствах.

Бесспорно, наиважнейшей функцией, которую выполняют сотрудники правоохранительных органов, является обеспечение и охрана конституционных прав и свобод человека и гражданина. Но в определенных ситуациях, которые сложились ввиду растущей криминогенной обстановки, данную функцию сотрудники могут выполнить лишь с помощью огнестрельного оружия, применение которого находится в жестких рамках закона. В каждой стране эти рамки разные, как и объем полномочий, которыми обладают сотрудники правоохранительных органов в области применения огнестрельного оружия.

В Норвегии сотрудники полиции фактически не применяют огнестрельное оружие, они патрулируют улицы и обеспечивают общественный порядок, имея при себе только телескопическую дубинку, наручники и перцовый баллончик, а огнестрельное оружие хранится в сейфе патрульного автомобиля. Такая особенность несения службы обусловлена тем, что в стране редко обостряется криминальная обстановка и вдобавок к этому норвежская полиция работает по принципу «разумной достаточности». Суть такого принципа состоит в том, что если свою главную функцию можно осуществить через информирование или предупреждение, то полиция не должна использовать более сильные средства. Даже при задержании хладнокровного террориста-убийцы, неонациста Андерса Брейвика, который застрелил 77 человек на о. Утойя в 2011 году, огнестрельное оружие сотрудниками не применялось.

В США совсем другая концепция относительно применения огнестрельного оружия. Изучая американское законодательство, можно сказать, что в этой стране сотрудники полиции могут применять оружие в любом случае, когда они посчитают, что им угрожает опасность. Примером таких расширенных полномочий у полицейских США является недавнее убийство афроамериканца Джорджа Флойда в Миннеаполисе, который якобы расплатился поддельным чеком, за что правоохранители применили физическую силу, после которой он умер. Эта ситуация как будто раскрыла давно назревающий расовый конфликт. Мирные протесты граждан США переросли в массовые беспорядки, с которыми сотрудники правоохранительных органов уже ни в состоянии справиться.

Так же, как и в России, за каждым фактом применения огнестрельного оружия следует служебная и прокурорская проверка, но в отличие от нашей страны, чаще всего оно заканчивается

в пользу сотрудника правоохранительных органов. Это исходит из того, что в США главным принципом такого разбирательства является доказывание судом полицейскому его вины, а не доказывание полицейским своей невиновности. Такое принцип характерен только для англосаксонской системы судебного процесса. Таким образом, можно сказать, что деятельность сотрудников правоохранительных органов США представляется в большей мере карательной, чем той, которая обеспечивает и охраняет законные интересы граждан этой страны. Сотрудники не только выполняют свои обязанности в полной мере, но и в некоторых случаях бесстрашно переходят дозволенную законом грань по применению огнестрельного оружия.

Основы применения огнестрельного оружия в Российской Федерации регулируются ФЗ «О полиции». В этом нормативно-правовом акте, а именно в ст. 23, 24, довольно четко установлены те малочисленные ситуации, в которых сотрудник полиции может применить огнестрельное оружие. Также в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) установлен довольно обширный перечень статей (ст. 38, 39, 41, 108, 114, 286) [4], по которым сотрудники полиции привлекаются к ответственности за незаконное применение огнестрельного оружия, что и отличает деятельность отечественных сотрудников органов внутренних дел от выполнения своих обязанностей сотрудниками США, которые могут быть привлечены за вышеназванное только по двум статьям: 1.8.1 «Убийство» и 1.8.2 «Причинение телесных повреждений» [5]. Исходя из вышеуказанного, можно сказать, что значительная часть сотрудников полиции Российской Федерации не может полностью и качественно выполнять возложенные на них обязанности именно из-за боязни неблагоприятных для них последствий. Даже само население в нашей стране считает, что люди в погонах боятся закона больше, чем «обычные» граждане.

Анализируя условия правомерности необходимой обороны и уголовной ответственности, установленные ст. 37 и 38 УК РФ и главой 5 Федерального закона «О полиции», можно сделать вывод о том, что сегодня граждане РФ, не являющиеся представителями власти, имеют намного больше прав при защите своих интересов, чем сотрудники правоохранительных органов. Для устранения данной проблемы и расширения полномочий сотрудников органов внутренних дел в мае 2020 года Правительством РФ был внесен законопроект с поправками в Федеральный закон «О полиции», где теперь сотруднику полиции разрешается применять огнестрельное оружие против гражданина, который не только приблизится к полицейскому, но и совершит иные дей-

ствия, дающие основания полагать, что они могут быть опасными для сотрудника нашей страны, люди в погонах боятся закона больше, чем граждане. Также, на рассмотрении законопроекта в государственной думе, предложили внести фразу о том, что полицейский «не подлежит преследованию за действия, совершенные при выполнении обязанностей, возложенных на полицию, и в связи с реализацией прав, предоставленных полиции», если эти действия осуществлялись согласно нормативным правовым актам.

В заключение хотелось бы сказать про то, что

огнестрельное оружие из-за своего предназначения, является достаточно специфичным устройством. Именно поэтому его применение требует большой ответственности и профессионализма. Но несмотря на весь риск такой меры принуждения, следует расширить полномочия сотрудников полиции по применению огнестрельного оружия. Это нужно для того, чтобы полицейские не боялись выполнять в полной мере возложенные на них обязанности и защищали права и свободы граждан, которые в этом нуждаются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петракова Л.В., Гаг И.А. Проблемы правового регулирования применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. №4–3. С.298–303.
2. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 06.06.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950 г.) (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Цуканов Н.Н. О соотношении норм Закона «О полиции» и УК РФ в регулировании права сотрудника полиции применять физическую силу, спецсредства и огнестрельное оружие // Российский следователь. 2015. № 7. С. 68–72.
6. «Не подлежат преследованию»: как полицейским облегчат службу // Газета.ру [Сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/22/13058113.shtml> (дата обращения: 06.08.2020).

Altunin Alexey Yurievich

Lecturer of the Department of fire training and of internal Affairs in special conditions
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
Orel, Russian Federation
opidovdovu@mail.ru

Nikitin Dmitry Vladimirovich

Senior lecturer of the Department of internal Affairs in special conditions
Nizhniy Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
nik.dv.2018@bk.ru

LEGAL REGULATION OF THE USE OF FIREARMS BY POLICE OFFICERS

Abstract. Today, the issue of the right to use firearms by police officers is relevant. The article examines the gaps in legislation that prevent employees from fully performing their duties.

Keywords: use of firearms, powers of police officers.

УДК 343.592

Евстратова Юлиана Айратовна

кандидат юридических наук, доцент
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
yuliana130682@mail.ru

Аникушин Сергей Викторович

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Anikushin_sergei@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СИСТЕМЕ МЕР, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
РАСПРОСТРАНЕНИЮ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НОВОЙ
КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)**

Для цитирования:

Евстратова Ю.А., Аникушин С.В. Проблемы отграничения преступлений от административных правонарушений в системе мер, направленных на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 79–81. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/020.pdf>

Аннотация. в статье анализируются законодательные изменения уголовно-правового и административно-правового характера, направленные на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), выделяются проблемы их правоприменения и предлагаются варианты решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: коронавирусная инфекция, санитарно-эпидемиологические правила, уголовно-правовая политика, преступление, административное правонарушение.

В конце 2019 – начале 2020 года в мире было зафиксировано появление новой потенциально тяжелой острой респираторной инфекции, вызываемой коронавирусом и получившей название COVID-2019.

В результате появления названной инфекции человечество столкнулось с масштабной эпидемией, признанной Всемирной организацией здравоохранения вначале чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение, а впоследствии – пандемией. В частности, в соответствии с информацией, представленной в средствах массовой информации, по состоянию на 15 сентября 2020 г. под воздействием COVID-2019 оказалось 213 государств, при этом число заразившихся превысило 22 миллиона человек.

В условиях беспрецедентной по своим масштабам пандемии многими государствами предпринимаются самые активные меры по противодействию COVID-2019.

В Российской Федерации в целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции органами государственной власти

были приняты антикризисные меры экономического, политического, социального, правового характера.

В системе законодательных изменений, направленных на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), авторами особо выделяются меры уголовно-правового и административно-правового характера.

Вначале рассмотрим некоторые меры уголовно-правового характера, принятые для противодействия распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19).

Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» внесено ряд изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) [3]. В частности, статья 236 УК РФ изложена в новой редакции.

Проанализируем характер изменений, внесенных в ст. 236 УК РФ.

Во-первых, в отличие от ранее действовавшей

редакции, предусматривавшей возможность наступления уголовной ответственности лишь за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей, диспозиция ч. 1 рассматриваемой статьи в новой редакции дополнена новым криминообразующим признаком, допускающим привлечение к уголовной ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, создающее угрозу наступления указанных последствий [2].

В результате подобных нововведений законодателем фактически уравниены по степени общественной опасности реально наступившие массовое заболевание или отправление людей и создание угрозы их наступления, что, вероятно, следует признать ошибочным, поскольку очевидно, что угроза наступления тех или иных обстоятельств или последствий представляет собой не более, чем потенциальную возможность нарушения или ущемления прав или свобод граждан, а, следовательно, целесообразно дифференцировать степень ответственности за реально наступившие массовое заболевание или отправление людей и создание угрозы их наступления.

Во-вторых, ужесточены санкции (размер штрафа, увеличен срок, на которое лицо лишается права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, а также ограничивается в свободе, установлена возможность назначения принудительных работ) за умышленные действия, связанные с нарушением санитарно-эпидемиологических правил и направленные на создание угрозы массового заболевания и отравления людей.

В-третьих, статья 236 УК РФ дополнена особо квалифицирующим признаком, выражающимся в нарушении санитарно-эпидемиологических норм, повлекших по неосторожности смерть двух и более лиц.

Вместе с тем, несмотря на то обстоятельство, что конструкция части второй рассматриваемой статьи не претерпела изменений, санкции за нарушение санитарно-эпидемиологических норм, повлекших по неосторожности смерть человека, были также довольно серьезно ужесточены (например, установлен нижний предел для назначения принудительных работ и лишения свободы), что, видимо, свидетельствует о возросшей общественной опасности данного преступного деяния.

Таким образом, исследование «новой редакции» ст. 236 УК РФ позволяет согласиться с мнением А.Г. Кибальника о том, что «изменение нормы за нарушение санитарно-эпидемиологических правил состоит в «занижении» порога криминализации этого деяния. Таким образом, состав нарушения санитарно-эпидемиологических правил стал формально-материальным по своей

конструкции» [5].

В то же время, из текста пояснительной записки к законопроекту, внесенного в Государственную Думу Российской Федерации, следует, что принятие рассматриваемого Закона было направлено на повышение мотивации людей в вопросах обеспечения собственной безопасности и безопасности окружающих и было обосновано усложнением борьбы с распространением инфекции (COVID-19), носящей характер пандемии, вследствие несоблюдения санитарно-эпидемиологических правил.

Иными словами, целью принятия федерального закона явилось совершенствование действующих механизмов защиты граждан Российской Федерации от угрозы распространения различных инфекционных заболеваний.

По мнению авторов, в сложившейся ситуации в целях повышения мотивации людей в вопросах обеспечения собственной безопасности и безопасности окружающих более логичным выглядело бы выделение в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака состава преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, например, нарушение санитарно-эпидемиологических правил в период введения (действия) на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина).

В то же время, Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» [4] внесены изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. В частности, ст. 6.3. «нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» дополнена частями 2 и 3.

В результате внесенных изменений диспозиции частей 2 и 3 изложены в следующих редакциях:

«2. Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, выразившееся в нарушении действующих санитарных правил и гигиенических нормативов, невыполнении санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий, совершенные в период режима чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, либо в период осуществления на соответствующей территории ограничительных мероприятий (карантина), либо невыполнение в установленный срок выданного в указанные периоды законного предписания (постановления) или требования органа (должностного лица), осуществляющего федеральный государственный санитарно-эпидемиологический надзор, о проведении санитарно-эпидемиологических мероприятий»

(профилактических) мероприятий.

3. Действия (бездействие), предусмотренные частью 2 рассматриваемой статьи, повлекшие причинение вреда здоровью человека или смерть человека, если эти действия (бездействие) не содержат уголовно наказуемого деяния» [1].

В результате внесения подобных изменений в правоприменительной деятельности возникли

определенные вопросы по применению законодательных изменений и мер, направленных на противодействие распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Думается, необходимо внести изменения в действующую нормативно-правовую базу для устранения вышеуказанных противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2030.
4. Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2029.
5. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41–44.

Evstratova Yuliana Airatovna

*PhD in Law (Candidate of Juridical sciences), Docent
Professor of the Department of Criminal procedure and Criminalistics
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
yuliana130682@mail.ru*

Anikushin Sergey Viktorovich

*Lecturer of the Department of Criminal procedure and Criminalistics
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
Anikushin_sergei@mail.ru*

PROBLEMS OF DISTINGUISHING CRIMES FROM ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE SYSTEM OF MEASURES AIMED AT COUNTERING THE SPREAD OF A NEW CORONAVIRUS INFECTION ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article analyzes legislative changes in criminal and administrative law aimed at countering the spread of a new coronavirus infection, highlights the problems of their enforcement and suggests solutions to these problems.

Keywords: coronavirus infection, sanitary and epidemiological rules, criminal law policy, crime, administrative offense.

УДК 342.39

Лысенков Сергей Геннадьевич

доктор юридических наук, профессор

Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

профессор кафедры теории и истории государства и права

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

sergey.lysenkov@mail.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДВОЕВЛАСТИЯ

Для цитирования:

Лысенков С.Г. Политико-правовые проблемы двоевластия // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 82–84. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/021.pdf>

Аннотация. В статье раскрывается своеобразие политической системы России и ее влияние на формирование органов государственной власти в первые месяцы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

Ключевые слова: Свержение самодержавия, Февральская буржуазно-демократическая революция, Временное правительство, Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, двоевластие.

Известно, что под двоевластием понимается одновременное существование в столице России Петрограде в период Февральской буржуазно-демократической революции двух соперничавших между собой органов власти в лице Временного правительства и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, которое продлилось с конца февраля по начала июня 1917 года.

Изучение политических и правовых проблем двоевластия необходимо начинать с вопроса о том, почему эта революция, как, впрочем, и российская революция 1905–1907 гг. получила название буржуазно-демократической, тогда как все революции, прошедшие на Западе раньше наших революций назывались просто буржуазными?

Ответить на этот вопрос поможет анализ капиталистической эволюции России. Дело в том, что в отличие от стран Западной Европы и США, которые шли к капитализму естественно-историческим путем, Россия развивалась по так называемой «догоняющей модели».

В экономике стран первой группы доминирующую позицию занимал частный капитал, что придавало национальной буржуазии высокую политическую активность, поэтому буржуа становятся главной силой революционного движения в этих странах.

Россия же, как и страны, входившие вместе с ней во вторую группу, испытывала активное вторжение в хозяйственную жизнь и государства, и иностранного капитала, что повлияло на сокращение доли частного капитала в экономике

страны. В результате российская буржуазия не смогла сложиться в класс, монополично распоряжавшимся экономической мощью страны, и политически осознать себя таковой. Поэтому в российских буржуазных революциях, целью которых являлась капиталистическая модернизация страны, главной движущей силой были не представители национальной буржуазии, а народные массы, причем, определенная их часть в начале XX века объединилась в политические партии.

Своеобразие политической системы, сложившейся к тому времени в России, породило, по мнению автора, феномен двоевластия.

Левое крыло в этой системе занимали социал-демократы, разделившиеся в 1903 году на большевиков и меньшевиков. Правее них позиционировали себя социалисты-революционеры, также разделившиеся на левых, близких к большевикам, и правых, близких к меньшевикам. Данные о численности социалистов весьма противоречивы, но, тем не менее, дают представление о массовости левых сил: большевиков насчитывалось примерно 350 тыс. чел., меньшевиков – примерно 200 тыс. чел., эсеров всех вместе – до 800 тыс. чел. [1, с. 39].

Партии, занимавшие крайне правое крыло постепенно уходят с политической арены. Если в период первой русской революции членов всех монархических партий насчитывалось несколько более 400 тыс. чел., то в 1917 году большинство из них, представлявших крестьян и деклассированные элементы города, стали поддерживать социалистов. Однако, оставшиеся в меньшинстве

черносотенцы, сторонники монархии, заметно оживились [1, с. 40].

Центристскую позицию занимали конституционные демократы – кадеты. Их численность в период Февральской революции достигала 70 тыс. чел. Партия народной свободы, объединявшая кадетов, в руководстве которой преобладали профессора, юристы, крупные предприниматели и землевладельцы выдвигала идею буржуазной эволюции страны на парламентской основе.

Получив большинство во Временном правительстве, которое вполне легитимно и легально было образовано 1 марта 1917 г., кадеты приступили к демократическим преобразованиям. Декларацией правительства от 3 марта объявлялось о полной политической свободе, немедленной амнистии по всем делам, в том числе террористическим покушениям и вооруженным восстаниям, об отмене всех сословных, религиозных и национальных ограничений, о предоставлении населению всех гражданских прав и о других преобразованиях.

Особо отмечалась необходимость немедленной подготовки к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и примет конституцию страны. При этом Временное правительство обещало, что не намерено воспользоваться военным положением для какого-либо промедления в осуществлении реформ [3].

Законодательная политика Временного правительства в период двоевластия в целом была направлена на действительную демократизацию жизни в стране, но при этом необходимо учитывать то обстоятельство, что кадеты поддерживали идею преемственности старой и новой власти. По этой причине Временное правительство не спешило решать исключительно важные для российского народа проблемы, связанные с безвозмездной передачей помещичьей земли крестьянам и выборами в Учредительное собрание. Более того, как преемник старой власти, оно подтвердило союзнические обязательства Российской империи перед странами Антанты и проводило политику продолжения империалистической войны до победного конца. В этом, как представляется, заключается главная ошибка Временного правительства, приведшая к ее свержению.

Второй орган власти – Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов был создан 27 февраля 1917 г. явочным порядком из делегатов: от городского пролетариата с нормой представительства один человек от 1 тыс. рабочих или от одного предприятия с меньшим числом работающих; от военнослужащих Петроградского гарнизона – один человек от роты солдат. Совет четких функций не имел, а его легальность и ле-

гитимность были весьма спорными. Более решительную революционную силу в нем представляли вооруженные солдаты, которых насчитывалось в несколько раз больше, чем рабочих депутатов

Между Петроградским советом и Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков состоялось соглашение о введении на предприятиях восьмичасового рабочего дня, а также создания фабрично-заводских комитетов и примирительных камер.

Стороны пришли к соглашению о том, что впредь до издания закона о нормировании рабочего дня на всех фабриках и заводах устанавливается восьмичасовой рабочий день, что накануне воскресных дней работа должна производиться в течение семи часов, что такое сокращение не должно влиять на размер заработной платы, а сверхурочные работы могут допускаться только с согласия фабрично-заводских комитетов.

Фабрично-заводские комитеты являлись выборными органами, представлявшими рабочих в их сношениях с правительственными и общественными учреждениями, разрешавшими вопросы взаимоотношений между рабочими и администрацией фабрик и заводов и их владельцами.

На всех заводах и фабриках избирались примирительные камеры из равного количества представителей рабочих и администрации предприятия для разрешения спорных вопросов, возникающих во взаимоотношениях владельца предприятия, администрации и рабочих.

Катализатором революционной активности стал Приказ № 1 Петросовета, адресованный всем солдатам Петроградского гарнизона для исполнения, а рабочим Петрограда для сведения. Петросовет в приказе потребовал, чтобы: во всех воинских подразделениях и частях немедленно были выбраны комитеты из представителей нижних чинов; во всех своих политических выступлениях воинские части подчинялись Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам; всякого рода оружие находилось в распоряжении комитетов и ни в коем случае офицерам не выдавалось, даже по их требованию; обязательное отдание старшим по званию чести вне службы, обращение к солдатам на «ты» и титулование офицеров было отменено [2, с. 189–190].

Положения приказа дополняла согласованная с Петросоветом декларация Временного правительства, которая обещала не разоружать и не выводить из Петрограда воинские части, принимавшие участие в революционных событиях [2, с. 242–243]. Несмотря на требования приказов Петросовета № 2 и № 3 распространить Приказ № 1 только в войсках Петроградского гарнизона, текст этого приказа передавался по телеграфу в штабы всех фронтов и округов и был растиражирован миллионами экземпляров.

В результате агитационно-пропагандистской работы представителей левых партий только в действующей армии было создано около 50 тыс. солдатских комитетов, подрывная деятельность которых полностью дезавуировала принцип единотачалия [4, с. 33, 35]. Под давлением Петросовета военная коллегия Временного правительства в марте–апреле 1917 г. издала приказы, расширявшие права солдатских комитетов в их борьбе со злоупотреблениями командиров. Понятно, что к таким злоупотреблениям разлагающиеся солдатские массы причисляли попытки командиров поддерживать воинский порядок и боеспособность своих частей и подразделений.

Положение в армии усугублялось повальной чисткой командного состава, инициаторами которой выступали солдатские комитеты, обличенные широкими полномочиями в борьбе с законными действиями офицеров. Действующая армия за несколько месяцев лишилась более половины высшего комсостава. Над многими из генералов и офицеров был учинен самосуд. Бесчинства мотивировались созданием у солдат образа врага в лице их командиров.

Деятельность Петросовета, направленная на

демократизацию вооруженных сил страны, в конечном счете, привела к развалу армии. Даже после отмены 3 июня 1917 г. Приказа №1 и отказа Совета рабочих и солдатских депутатов от продолжения двоевластия процесс разложения армии был необратим.

В заключение необходимо отметить, что двоевластие, выражавшееся в противостоянии двух центральных органов власти, в провинции имело несколько иную конфигурацию. На местах и Советы и органы самоуправления имели коалиционный состав. Функции управления были размыты. Комиссар Временного правительства мог, например, входить в исполнительный комитет местного Совета, а депутаты работать в аппарате комиссара. Постепенно в процессе большевизации Советов функция управления больше утверждается в советских органах.

В сентябре 1917 года при Петросовете был образован Военно-революционный комитет, который приступил к организации боевых групп и отрядов Красной гвардии. Большевики взяли курс на вооруженное восстание и в октябре в результате социалистической революции они пришли к власти, установив диктатуру пролетариата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булдаков В.П. У истоков советской истории: путь к Октябрю // Страницы истории: Дайджест прессы 1989. Июль – декабрь. Л.: Лениздат, 1990. 299 с.
2. Революционное движение в России после свержения самодержавия / Под ред. Л.С. Гапоненко [и др.]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. XXIV. 857 с.
3. Вестник Временного правительства / 1917, № 1 (46) (5 (18) марта) / ред. М.В. Войцехович. Петроград, 1914–1917.
4. Голуб П. А. Партия, армия и революция: Отвоение партией большевиков армии на сторону революции: март 1917 – февраль 1918. М.: Политиздат, 1967. 296 с.

Lysenkov Sergey Gennadyevich

*Grand PhD in Law (Doctor of Juridical sciences), Professor
Honored worker of higher education of the Russian Federation
Professor of the Department of State Theory and History and Law
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
sergey.lysenkov@mail.ru*

POLITICAL AND LEGAL PROBLEMS OF DUAL POWER

Abstract. The article reveals the peculiarity of the Russian political system and its influence on the formation of public authorities in the first months of the February bourgeois-democratic revolution of 1917.

Keywords: the Overthrow of the autocracy, the February bourgeois-democratic revolution, the Provisional government, the Petrograd Soviet of workers' and soldiers' deputies, a dual power.

УДК 343.3

Осипов Сергей Александрович

кандидат юридических наук
доцент кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Нижегородская академия
МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
aibechi@yandex.ru

Жуков Денис Владимирович

преподаватель кафедры огневой подготовки
Нижегородская академия МВД России
г. Нижний Новгород, Российская Федерация
Zhukovden2016@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ

Для цитирования:

Осипов С.А., Жуков Д.В. Проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками оперативных подразделений МВД России // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 85–89. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/022.pdf>

Аннотация. В статье раскрываются проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники полиции при применении огнестрельного оружия, а также с последствиями, связанные с его применением. Рассмотрены законодательные инициативы по внесению изменений в Федеральный закон «О полиции» по порядку применению огнестрельного оружия и расширению правовых гарантий сотрудников полиции.

Ключевые слова: применение огнестрельного оружия, проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, изменения в Федеральный закон, расширение правовых гарантий сотрудников полиции.

В настоящее время огневой подготовке придается большое значение, при обучении курсантов и слушателей в образовательных организациях МВД России, а также формировании их профессионального, законного и грамотного обращения с огнестрельным оружием.

Программа обучения выстроена таким образом, что обучающиеся по выпуску из учебного заведения должны знать, уметь и обладать различными навыками, а именно:

- Знать: меры безопасности при обращении с оружием и боеприпасами; правовые основы, условия и пределы применения огнестрельного оружия; процессы и явления, сопровождающие движение пули по каналу ствола оружия; назначения, боевых свойств, устройства, правил обращения, ухода и сбережения пистолета Макарова, различных модификаций автомата Калашникова; теоретических основ техники выполнения меткого выстрела.

- Уметь: безопасно и эффективно обращаться с табельным оружием; выполнять приемы стрельбы из пистолета и автомата; устранять задержки при стрельбе из пистолета; осматривать оружие и боеприпасы.

- Обладать навыками: безопасного и эффективного обращения с табельным оружием; производства выстрела из пистолета, автомата без ограничения времени на стрельбу, скоростной стрельбы из пистолета, автомата из различных положений.

В теории это выглядит замечательно. Однако, когда выпускники приходят служить в оперативные подразделения территориальных органов МВД России, они начинают видеть происходящее вокруг, прислушиваться к товарищам по службе, которые говорят: «Что бы ни случилось, ни в коем случае пистолет не доставай, а то "посадят"», хотя при этом периодически они заступают на службу вооруженные в составе следственно-оперативной группы. Отсюда и возникают проблемы применения огнестрельного оружия сотрудниками МВД России.

Закон дает право сотруднику полиции на применения огнестрельного оружия (ст. 23, 24 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О Полиции») [1]. Однако на практике выходит так, что сотрудник знает правовые основы применения огнестрельного оружия, но боится это сделать, так как, наслышанный о последствиях при-

менения огнестрельного оружия в настоящее время, осознает, что в большинстве случаев после применения оружия в отношении сотрудников возбуждают уголовные дела по признакам состава преступления: «Превышение должностных полномочий» и «Убийство» в совокупности (ч. 3 ст. 286 и ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации). Это в случае наступления смерти лица, в отношении которого применялось оружие, а в случае причинения вреда здоровью, то в зависимости от степени причиненного вреда здоровью (тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью) [2]. Отсюда вытекает вопрос: «А почему так?» На наш взгляд, причина находится на поверхности. Согласно ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О Полиции»: «полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности». То есть, если сотрудник применяет огнестрельное оружие в отношении гражданина, значит, он нарушает его права и свободы, гарантируемые Конституцией Российской Федерации, но и сам гражданин, который нарушает закон, вынуждает сотрудника полиции на законное применение оружия в отношении него. Таким образом, сотрудник полиции пользуется правом, данным ему государством для защиты жизни, здоровья, собственности. Кажется, логика такова и иного быть не может.

Однако в нашем государстве судебная практика о применении служебного огнестрельного оружия сотрудниками полиции говорит о том, что сотрудники применяют оружие незаконно. С чем это связано?! С недостаточной их профессиональной подготовкой, с изменением бурно развивающегося общества, с какими-либо пробелами в законодательстве. Все это в совокупности сказывается на продуктивном функционировании оперативных подразделений МВД России. При выполнении оперативно-служебных задач оперативные сотрудники зачастую сталкиваются с обстоятельствами, которые, казалось бы, подходят для применения огнестрельного оружия. Однако не применяется оно в связи с тем, что нет полной уверенности в совершении противоправного деяния (преступления). Федеральный закон «О Полиции» гласит: «Сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие в следующих случаях: для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления против жизни, здоровья или собственности, и пы-

тающегося скрыться, если иными средствами задержать это лицо не представляется возможным» (п. 4 ч. 1 ст. 23). На наш взгляд, в этом пункте имеются небольшие пробелы, связанные с невозможностью моментально, на месте квалифицировать деяние, совершаемое правонарушителем. Как правило, квалификацию преступлению дают после проведения досудебной проверки в рамках материала проверки, в большинстве случаев данные материалы и находятся на руках оперативных сотрудников, которые направляют результаты проверок в отдел дознания или следствия. И только с этого момента можно с уверенностью говорить о тяжести преступления. Так, например, в случаях с кражами, установить быстро ущерб не представляется возможным, так как для этого необходимо, как минимум, опросить потерпевшего для оценки похищенного имущества от совершенного имущественного преступления, а то и вовсе проводить экспертизы. Все это сказывается на оперативном сотруднике, который не решается применить огнестрельное оружие в связи с неуверенностью противоправного деяния, совершаемого правонарушителем. И даже если имеются задокументированные оперативные сведения, подтверждающие неоднократные, многоэпизодные противоправные действия задерживаемого лица, но на момент задержания он совершил кражу небольшой тяжести, а сотрудник полиции применил оружие, то действия полицейского будут расценены как противоправные, так как на момент совершения преступления задерживаемый совершал преступление небольшой тяжести.

Аналогично можно рассмотреть и ситуацию с преступлениями против жизни и здоровья. Рассмотрим ситуацию с применением огнестрельного оружия в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О Полиции»: «Сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие в следующих случаях: для защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни и здоровья». Оперативный сотрудник выезжает в составе следственно-оперативной группы на заявление о преступлении по признакам ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации («Угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью»). В квартире мужчина с ножом в руках, который преследует свою жену и грозит расправой. Как понять умысел этого мужчины, совершит ли он свое посягательство на женщину или нет, воспринимает ли женщина угрозы реально и опасается ли за свою жизнь или это обычный семейно-бытовой конфликт и полиция необходима была

только для того, чтобы разрешить очередную ссору. Все это мгновенно пронесется в голове оперативника, казалось бы, ситуация, подходящая под вышеуказанный пункт ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О Полиции», применение оружия в данной ситуации связано с риском применить его не правомерно, хоть и имеются признаки посягательства на жизнь и здоровье. Однако нет стопроцентной уверенности в действиях правонарушителя, а именно его дальнейшие намерения, он может продолжить преследовать свою жену, может прекратить свои противоправные действия при виде сотрудников полиции, а может и вовсе напасть на полицейских. Так что грань обнажения оружия, приведение его в готовность, применение очень тонка и в стрессовых ситуациях сотруднику полиции очень трудно оценить обстановку, просчитать все возможные варианты действий, последствия и еще после этого решиться извлечь оружие. В связи с этим, в данной ситуации, он просто не рискнет извлекать оружие, а применит физическую силу, или специальные средства, если таковые при себе имеются, рискуя при этом собственной жизнью и здоровьем.

В итоге мы получаем множество проблем, связанных с реальным применением огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Как показывает практика, полицейские ущемлены в свободе и вариативности применения своего табельного оружия в повседневной оперативно-служебной деятельности, так как каждый поступок или нецелесообразная самодеятельность влечет за собой неприятные последствия, связанные с дисциплинарными взысканиями, в лучшем случае, а в худшем – лишение работы или свободы.

Следовательно:

1. Полицейский применяет оружие исключительно в крайних случаях, и то не всегда. Это связано, прежде всего, с проблемами, которые впоследствии испытывает сотрудник полиции, которые он старается избежать. Поэтому оружие применяется в самых крайних случаях, когда в создавшейся ситуации существует реальная угроза жизни или здоровью граждан либо сотрудника полиции. Причем в дальнейшем придется очень долго и усердно доказывать, что таковая угроза имела место быть.

2. Никто из сотрудников полиции не хочет сталкиваться с последующими проблемами после применения оружия. Даже если применить огнестрельное оружие в соответствии со ст. 23 Федерального закона «О полиции», то доказывание обоснованности применения выходит крайне проблематичным. И после применения огнестрельного оружия шансы попасть на скамью подсудимых у сотрудника полиции резко возрас-

тают. Это связано, прежде всего, с действующим законодательством, где порядок и основания применения оружия имеются, однако четко не указан процесс и система обоснованности и доказывания такового.

3. После применения табельного оружия на сотрудника возлагается тяжелое бремя написания большого количества документов, хождения по различным инстанциям, отнимающих колоссальное количество времени и сил, а все этого лишь для того, чтобы обосновать правомерность и правоту своих собственных действий, которые были совершены в соответствии с действующим законодательством. Некоторые такие процессы затягиваются на шесть месяцев, а бывает и не на один год. В итоге, если получится доказать свою правоту и «выйти сухим из воды», то желание применить огнестрельное оружие точно пропадет. И в другой раз лучше подумай, а хвататься ли за кобуру в случае возникновения опасной ситуации.

Вот что по этому поводу говорит зампреда Общественного совета ГУ МВД по городу Москве Антон Цветков: «В законе "О полиции" есть весьма четкие критерии применения оружия. Казалось бы, строго соблюдай правила и можешь стрелять. Да только дело в том, что каждая критическая ситуация уникальна и не поддается описанию на бумаге. Всегда найдутся какие-нибудь нестыковки между тем, что указано в инструкции, и реальным применением оружия. Ну а дальше обычно следует долгое разбирательство, а затем весьма часто увольнение, суд и тюрьма» [3].

Резюмируя все вышеизложенное, следует, что если мы хотим иметь высокий уровень жизни с низким уровнем преступности, необходимо воспользоваться опытом правоохранительных органов полиции развитых стран, наделив сотрудников полиции более большими полномочиями по порядку применению оружия и четкими инструкциями после его применения. Почему этого нет сейчас? На наш взгляд, это связано с его редким применением в оперативно-служебной деятельности и указанием правомерных и последовательных действий сотрудника полиции в Федеральном законе «О полиции», но, как было указано выше, каждая ситуация и каждый случай уникален, поэтому отразить все в нормативном документе и учесть все нюансы просто не представляется возможным. Отсюда и вытекает закономерное следствие, что необходимо рассмотреть вопрос о реформировании действующего законодательства о порядке и основаниях применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции.

Так, в настоящее время в Государственной Думе поддержали законопроект о расширении прав и полномочий полицейских, предусматривающих право полицейских вскрывать машины без ведома владельцев, оцеплять жилые дома и применять оружие при любых намеках на нападение. Эти поправки помогут полицейским почувствовать более уверенную защищенность со стороны государства.

«В законопроекте указано, что полицейский имеет право применить при задержании огнестрельное оружие, если предполагаемый злоумышленник «совершит действия, дающие основания расценить их как угрозу нападения на сотрудника полиции» [4].

На наш взгляд, это очень важный момент, связанный именно с работой оперативных подразделений. Так как в настоящее время полицейскому разрешается применять оружие лишь для защиты гражданина, в отношении которого совершаются противоправные действия, сопряженные с насилием связанными с жизнью или здоровьем или себя, либо для того, чтобы дать отпор предполагаемому правонарушителю, который попытается отобрать у полицейского табельное оружие. В свою очередь не указано ни слова о задержании опасных преступников, в отношении которых содержится оперативная информация о нахождении при них оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ. Получается, что полицейские в настоящее время скованные законодательством в применении оружия и полномочия необходимо расширить, чтобы полицейские не «осторожничали» в ситуациях, связанных с опасностью для жизни или здоровья граждан либо сотрудников полиции. Поскольку сотрудник полиции не защищен четко и ясно действующим за-

конодательством, то он все время находится в сдерживающей позиции: как бы перестраховаться, чтобы хуже не сделать, и в дальнейшем не нести уголовную ответственность.

В связи с этим, в этом же законопроекте предлагают ввести так называемый «полицейский иммунитет». Предлагается дополнить ст. 30 Федерального закона «О полиции» (Гарантии правовой защиты сотрудника полиции) следующим положением: «Сотрудник полиции не подлежит преследованию за действия, совершенные при выполнении обязанностей, возложенных на полицию, и в связи с реализацией прав, предоставленных полиции» [4]. Безусловно, это очень поможет в деятельности полиции касаясь не только применения огнестрельного оружия, а также физической силы и специальных средств. Однако здесь таится и обратная сторона медали – возможные злоупотребления полученными правами, а самое главное безответственности за совершенные действия.

Таким образом, для эффективной и безопасной оперативно-служебной деятельности сотрудникам полиции необходимо частично расширить их права по применению оружия, но только в случаях оправдывающих его применения. Обратиться к опыту развитых зарубежных стран с эффективно работающим механизмом применения огнестрельного оружия правоохранительными органами, а самое главное последующей правовой защитой после его применения. Пока существует проблема по применению огнестрельного оружия сотрудниками полиции, будет существовать проблема по эффективному обеспечению правопорядка в государстве, а из этого будет вытекать и наша дальнейшая, защищенная законом со стороны государства, жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 06.06.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Почему сотрудники полиции в России боятся применять своё оружие? // Яндекс.Дзен [Сайт]. URL: https://zen.yandex.ru/media/mugska9i_territori9i/pochemu-sotrudniki-policii-v-rossii-boiatsia-primeniat-svoe-oruzhie-rasskaz-znakomogo-opera-5f0c2774803d7664d979f667?utm_source=serp (дата обращения: 10.08.2020).
4. Не подлежат преследованию: как полицейским облегчат жизнь // Газета.ру [Сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/22/13058113.shtml> (дата обращения: 10.08.2020).

Osipov Sergey Aleksandrovich

PhD in Law (Candidate of Juridical sciences)
Associate professor of the Department of internal Affairs in special conditions
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
aibechi@yandex.ru

Zhukov Denis Vladimirovich

Lecturer of the Department of fire training
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of the Interior of Russia
Nizhny Novgorod region, Russian Federation
Zhukovden2016@yandex.ru

**PROBLEMS OF USING FIREARMS BY EMPLOYEES OF OPERATIONAL DIVISIONS
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Abstract. The article reveals the problems faced by police officers when using firearms, as well as the consequences associated with their use. Legislative initiatives to amend the Federal law "on police" on the use of firearms and expand the legal guarantees of police officers are considered.

Keywords: use of firearms, problems with the use of firearms by police officers, changes in the Federal law "on police", expansion of legal guarantees for police officers.

УДК 34.023

Стремоухов Александр Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент
начальник кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
stremouhov1171@rambler.ru

Крижановская Галина Николаевна

кандидат исторических наук
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
imyarec@list.ru

**ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА СУБЪЕКТОМ ПРАВА
ЗАКОНАМИ ГОСУДАРСТВА: ПРАВОВАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ИЛИ ПЕРЕЖИТОК?**

Для цитирования:

Стремоухов А.А., Крижановская Г.Н. Обязательность признания человека субъектом права законами государства: правовая необходимость или пережиток? // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 90–93. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/023.pdf>

Аннотация. В статье подвергается критическому анализу сложившееся позитивистское определение важнейшего понятия общей теории права – «субъект права – человек» с позиций права естественного. Обосновывается утверждение: субъектом права является любой человек независимо от дееспособности в силу извечности принадлежащих ему естественных, неотчуждаемых и защищаемых государством прав. Достаточно быть только правоспособным, имея только права человека.

Ключевые слова: позитивное право, естественное право, субъект права-человек, приращённость прав, неотчуждаемость прав, закон.

Генезис теории субъекта права-человека неразрывно связан с развитием содержания принципа формального (правового) равенства на различных этапах развития человечества и в различных обществах [18, с. 184–189]. Основной спор учёных-юристов в рамках указанной теории ведётся по поводу определения категории «субъект права».

В рамках позитивистского подхода В.Н. Дурденевский писал: «субъект права есть всё, что признаётся таковым объективными нормами» [3, с. 82]. Такое же определение формулирует Н.В. Захарова: «субъект права – это тот, к кому обращено право, на кого распространяются его нормы» [4, с. 114]. Представляется, что в современных условиях гуманизации общества и все большего признания концепции естественного права эти определения применительно к субъекту права-человеку являются устаревшими.

Идеи и постулаты естественного права, а также нормы международного права, требуют от правоведов и юристов-практиков пересмотреть традиционный признак субъекта права – человека – обязательность его признания субъектом права законами или юридическими нормами

государства. Сегодня это – пережиток. В таком виде этот признак имел определяющее значение для отечественных юристов до начала 1990-х годов, когда международная правосубъектность человека и его естественные права в СССР были признаны де-юре¹. Концепция прав человека стала трактоваться широко как синтез внутригосударственных юридических норм о правах, норм международных правовых актов и естественного права.

Сегодня понятие «субъект права-человек» основано не только на нормах закона, но и на естественном праве [8, с. 132–140]. Естественная природа прав человека и естественное право впервые были признаны и закреплены в Конституции Российской Федерации: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17); «Права и свободы человека являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов...» (ст. 18) [9]. Г.Ф. Шершеневич писал, что естественное право

¹ Декларация прав и свобод человека и гражданина: принята Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. // Ведомости съезда народных депутатов и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

– это политический и юридический идеал, это действующее право, которое должно применяться там, где молчат законы, а иногда и там, где они явно противоречат разуму [20, с. 28]. В.С. Нерсесянц утверждал: «Естественное право ... является единственным и безусловным первоисточником правового смысла и абсолютным критерием правового характера всех человеческих установлений, включая позитивное право и государство» [13, с. 613]. Главные постулаты естественного права и центральная конструкция главы 2 Конституции Российской Федерации – это прирожденность и неотчуждаемость прав человека. В то же время – это ещё и принцип отечественного позитивного права, который оказывал и оказывает решающее влияние на формирование в позитивном праве института субъекта права – человека.

Прирожденность и неотчуждаемость прав, которые в литературе даже называются «особыми» свойствами субъекта права [9, с. 123], в последнее время вызывают повышенный интерес юристов. Анализируя работы философов и теоретиков естественного права: зарубежных (Гегель, Гоббс, Гроций, Еллинек, Кант, Локк, Монтескье, Руссо, Спиноза), русских (Ю.С. Гамбаров, В.М. Гессен, В. Золотницкий, Кистяковский, С.А. Котляревский, А.П. Куницын, К.А. Неволин, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др.), а также современных российских (И.Ю. Козлихин [8], В.С. Нерсесянц [13], С.А. Пяткина [15, с. 101–109], В.А. Четвернин [21], В.М. Шафиров [19] и др.), автор предпринял попытку очертить содержание прирожденности и неотчуждаемости естественных прав человека и на этой основе научно обосновать их в качестве свойств субъекта права – человека.

Прирожденность прав – это свойство естественных прав, суть которого состоит в том, что права человека как субъекта права никем и ничем (ни царём, ни законом) не установлены, а произошли от природы: от абсолюта, от бога, от факта рождения и поэтому принадлежат ему вечно.

Ещё А.П. Куницын утверждал, что первоначальные права происходят от природы и поэтому называются врожденными [10, с. 52–53]. Поскольку естественные права человека государство не устанавливает, оно их только закрепляет в законе (норме права) и, при необходимости, защищает.

Содержание врожденности (прирожденности) как главного свойства естественных прав человека весьма образно и метко определил русский учёный второй половины XVIII века Я.П. Козельский. Он считал, что естественное право или правость есть основание всякого доброго или беспристрастного дела всех чувствующих тварей, к которому относятся, например, право человека любить ближнего

своего, право человека питаться. Прирожденность естественного права человека Я.П. Козельский обосновывает через следующие принадлежащие ему ведущие черты: божественность, вечность и необходимость [7, с. 354].

Современные теоретики и философы права черты прирожденности естественных прав субъекта права – человека в значительной степени дополнили и развили. В их числе называют: связанность прав и, следовательно, правосубъектности с фактическим рождением человека. Человек признаётся свободным и обладающим правами по праву рождения; – прирожденные права и свободы приобретены субъектом-индивидом до происхождения государства, а не октроированы (дарованы) правительствами. Они не предоставляются государством, а возникают в ходе развития самого человека. Его обязанность не только признать и не умалять эти права, но и закрепить их в позитивном праве, и прежде всего в Конституции; они должны охраняться и защищаться им всеми правовыми средствами; прирожденные права абсолютны, они есть неотъемлемая часть самого индивида как биосоциального существа, человек рождается с правами так же, как с цветом глаз или волос; государство и его органы не должны вторгаться в область прирожденных прав субъекта-человека, в то время, как последний свободен беспрепятственно, без дозволения действовать в границах этих прав [6, с. 35]; Б. Спиноза утверждал: высший закон природы заключается в том, что каждая вещь стремится «остаться в своем состоянии, и притом не считаясь ни с чем другим, а только с собой» [17, с. 177].

Признаки естественных прав субъекта – вечность, необходимость и непереносимость объединяясь образуют другое его основное свойство – неотчуждаемость. Методологической основой неотчуждаемости прав человека, а, следовательно, и неотчуждаемости правоспособности как элемента правосубъектности, стал принцип индивидуализма, в соответствии с которым источником прав субъекта-человека считается сам свободный человек [22, с. 66]. В свое время П.И. Новгородцев отмечал, что на естественные права «не может посягать государственный абсолютизм без того, чтобы не утратить моральности своего основания» [14, с. 294–295].

Свойство неотчуждаемости включает в себя не только природное, но и правовое содержание и поэтому распространяется на все права человека. Исследование философско-правовой литературы позволило установить, что неотчуждаемость прав человека как субъекта права характеризуется следующими особенностями: predeterminedностью и неизменностью; равенством прав всех людей; равновесием свободы человека и общего блага; безусловностью (или божественностью) человека; необходимостью сопротивления человека тому, кто покушается на его жизнь и права; первичностью

права человека по отношению к общественному и, наконец, их неотделимостью от существа человека [1, с. 15, 17–19; 16, с. 124; 2, с. 159; 11, с. 116; 5, с. 492].

Известно, что естественное право человека – это принадлежащая ему от рождения возможность получать или удовлетворять непосредственно и объективно какую-то высшую ценность или потребность, исходящую из природы человека, а также сформировавшуюся в процессе общественного развития. Исходя из трактовки основных прав человека как прав естественных, а недарованных государством (законом), следует, что: 1) индивидуальным субъектом права, и, следовательно, правоспособным является любой человек, а не только признанный таковым законом, потому что человек наделяется естественными прирожденными и неотчуждаемыми правами от природы; 2) прирожденность – это свойство естественных прав человека как субъекта права, которое включает: догосударственное происхождение прав; их связь с фактом рождения; абсолютность и биосоциальный источник прав; 3) неотчуждаемость прирожденных прав человека как субъекта права – это такое свойство этих прав, содержанием которого является неправомерность и недопустимость их умаления или отчуждения государством, его органами и должностными лицами.

Субъектом права человек признаётся не только на основе принципов естественного права и законов государства. Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации гарантируются также права человека и гражданина, устанавливаемые общепризнанными принципами и нормами международного права. Основной закон впервые в истории России закрепил право российских граждан на международно-правовую защиту. В нём говорится: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (п. 3 ст. 46).

¹ См., например: Постановление Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. «О присоединении СССР к факультативному протоколу к Международному Пакту о гражданских и политических правах» // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и ВС СССР. 1991. № 29. Ст. 842; Постановление Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. «О признании компетенции Комитета по правам человека в соответствии со ст. 41 Международного Пакта о гражданских и политических правах» // Ведомости съезда народных депутатов и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 843.

Многие десятилетия международная правосубъектность человека не признавалась отечественными юристами. Изменение их взглядов на правомерность понятия «человек – субъект международного права» было вызвано демократизацией общественно-политической жизни в СССР в конце 80-х и начале 90-х годов XX столетия. Эти изменения вызвали переворот в отечественном законодательстве, взглядах и работах юристов-международников. В бывшем СССР человек стал признаваться субъектом международного права, когда Верховный Совет СССР постановлениями от 5 июля 1991 г. признал международную правосубъектность индивида и механизмы его международно-правовой защиты² – де-юре.

В качестве итога всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- понятие и юридическое явление «субъект права – человек» имеют своим основанием не только нормы национального и международного права, но и естественное право и естественные права, которые являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов. Естественное право – это действующее право, которое должно применяться там, где законы не действуют или противоречат разуму, оно абсолютный критерий всех правовых установлений позитивного права (закона);

- прирожденность и неотчуждаемость – особые свойства прав человека, которые наделяют каждого субъекта права-человека правоспособностью и правосубъектностью при всех состояниях и обстоятельствах, независимо от наличия соответствующей нормы позитивного права (закона);

- субъект права-человек – это лицо (мнимое или реальное), которое от природы или в соответствии с Конституцией Российской Федерации, равно как и с международным актом, способно иметь только права или права и обязанности, а в случаях, установленных законодательством, своими действиями приобретает их и нести ответственность.

Естественно-правовой подход к определению понятия «субъект права-человек», положения и выводы, сформулированные на его основе, будут служить дальнейшему развитию теории права и законодательства о правах человека, повышению правовой культуры законодателей и правоприменителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гессен В. М. Возрождение естественного права. // Право. 1902. N 10. С. 477.
2. Гроций Г. О праве войны и мира / пер. с лат. А.С. Саккети. Репринт с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.
3. Дурденевский В.Н. Субъективное право и его основное разделение // Правоведение. 1994. С. 78–95.

4. Захарова Н.В. Индивид – субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112–118.
5. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 707 с.
6. Коваленко А.И. Основы Конституции Российской Федерации (в вопросах и ответах): учебное пособие. М.: ТЕИС, 1994. 95 с.
7. Козельский Я.П. Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковым Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года / под общ. ред. С.А. Покровского // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей: вторая половина XVIII в. М.: Госюриздат, 1959.
8. Козлихин И.Ю. Право и политика. СПб: Санкт-Петербургский Университет, 1996. 192 с.
9. Конституция Российской Федерации: Комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М.: Юридическая литература, 1994. 624 с.
10. Куницын А. Право естественное. Кн. 1. Чистое право. СПб.: Тип. Иос. Иоаннесова, 1818. 135 с.
11. Локк Д. Избранные философские произведения: пер. с англ.: в 3-х т. / Под ред.: И.С. Нарского, И.С. Субботина. М.: Мысль, 1985. 560 с.
12. Нерсисянц В.С. «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 132–140.
13. Нерсисянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 1997. 652 с.
14. Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. СПб., 1902. С. 294–295.
15. Пяткина С.А. Школа «возрожденного естественного права» в России // Правоведение. 1969. № 6. С. 101–109.
16. Соловьёв В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. 2-е изд. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. 187 с.
17. Спиноза Б. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Вступительная статья К.А. Сергеева. изд. 2-е. СПб.: Наука, 1999. 629 с.
18. Стремоухов А.А. Эволюция представлений о человеке как субъекте конституционного права / отв. ред. Д.Ю. Гришин // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы VII международной научно-практической конференции молодых учёных и преподавателей (8 февраля 2013 г.). СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 184–189.
19. Шафиров В.М. Естественное-позитивное право (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Шафиров Владимир Моисеевич. Нижний Новгород, 2005. 56 с.
20. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. первый. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. 839 с.
21. Четвернин В.А. Современные концепции естественного права / отв. ред. В.А. Туманов. М., 1988. С. 118–164.
22. Философия права / [соч.] Б. Чичерина. М.: типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1900. 337 с.

Stremouhov Alexander Alekseevich

*PhD in Law (Candidate of Juridical sciences), Docent
Head of the Department of Theory and History of the State and Law
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
stremouhov1171@rambler.ru*

Krizhanovskaya Galina Nikolaevna

*PhD in History (Candidate of Historical sciences)
Associate professor of Department of Theory and History of State and Law
Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops
Saint-Petersburg, Russian Federation
imyarec@list.ru*

**THE OBLIGATORY RECOGNITION OF A HUMAN AS A LEGAL PERSON BY THE STATE LAW:
A NECESSITY OR A RELIC OF THE PAST?**

Abstract. The article critically analyzes the existing positivist definition of the most important concept of the General theory of law – "subject of law-man" from the standpoint of natural law. The author substantiates the statement: the subject of law is any person, regardless of their legal capacity, due to the immemorial nature of their natural, inalienable and state-protected rights. It is enough to be only legally capable, having only human rights.

Keywords: positive law, natural law, individual legal entity, inherentness of rights, inalienability of rights, law.

УДК 347.451.03

Чайко Алена Владимировна

магистрант

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Российский государственный университет правосудия»

г. Нижний Новгород, Российская Федерация

avropom95@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТА

Для цитирования:

Чайко А.В. Правовая природа смарт-контракта // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2020. № 3 (12). С. 94–96. URL: <http://vestnik-spvi.ru/2020/09/024.pdf>

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопросов, связанных со смарт-контрактом. Автор анализирует понятие смарт-контракта, которое используется в законодательстве зарубежных стран, а также предложенные определения данного понятия в научных кругах. Выявляются особенности правовой природы смарт-контракта. Автор приходит к выводу о том, что смарт-контракты в настоящее время не урегулированы в действующем законодательстве Российской Федерации, и на основании этого предлагается будущая редакция статьи, посвященной смарт-контракту, которая должна быть закреплена в Гражданском кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: смарт-контракт, правовая природа, электронные сделки, блокчейн, криптовалюта.

В связи с внедрением информационных технологий в повседневную жизнь граждан, сложно представить нашу жизнь без пользования сети Интернет, совершенствования способов ведения бизнеса методом электронной коммерции, применения определенного программного обеспечения для должного функционирования хозяйствующих субъектов права. С недавних пор мы можем наблюдать новейшие технологические разработки, которые в скором времени показали свою значимость благодаря упрощению большинства гражданских и бизнес-процессов.

Становление так называемых *blockchain* технологий или цепочки блоков имеют непосредственное влияние на развитие взаимодействия каждого человека через сеть Интернет. Создание блокчейн основано на криптографическом шифровании информации с использованием хеширования, то есть осуществляющего видоизменение массива входных данных произвольной длины в битовую строку установленной длины, выполняемого определённым алгоритмом действий. Такая информация с шифром методически перемещается от блока к блоку с передачей преобразования функцией хеширования. Благодаря данным цифровым технологиям появились такие виды электронного взаимодействия, как умные договоры или *smart contracts*.

Под смарт-контрактом понимается определенный компьютерный код, который встроен в криптовалютную сеть с технологией блокчейн,

при этом выполняется ее компьютерами или узлами. Данный алгоритм прописывает любые действия, которые вправе совершать обе стороны для получения желаемого результата, он вправе отслеживать, а также обеспечивать исполнение обязательств. В данном «умном» договоре каждая из сторон прописывает условия конкретной сделки и санкции за нарушение утвержденных задач. Выполняя условия смарт-контракта, такие компьютеры совместно с узлами обновляют регистр, иными словами, смарт-контракт единолично выявляет исполнение всех обязательств, впоследствии он завершает сделку и предоставляет то, что требовалось участникам, либо взыскивает штрафы и пени, закрывая какой-либо доступ к активу [1, с. 89].

Широкой огласке придалось определение смарт-контракта в гражданской правовой среде. Проведенный анализ умных договор впервые затрагивался в конце девяностых годов в работах юриста из Соединенных штатов Ником Сабо, который имел специализацию в области информационно-коммуникационных технологий. Его труды включают идеи кодирования смарт-контракт, их самоисполняемости, которые он определяет, как единый комплекс обязательств в цифровом формате совместно с протоколами, посредством которых стороны должны исполнить данные обязательства. По мнению Сабо, преимущественно важное отличие традиционных контрактов и смарт-контрактов в том, что последние более эффективны по скорости, конфиден-

циально, а также не имеют двусмысленности в тексте, что является существенным условием разбора такого текста совместно с программным обеспечением [2, с. 128]. Таким образом, создать «умный» договор, а также прочитать его самостоятельно возможно, однако крайне необходимо владеть языком программирования. Смарт-контракты вполне можно отнести к разновидности письменной формы сделки, так как под техническим кодом находится форма, где каждая из сторон фиксирует свою волю.

А.И. Савельевым был проведен анализ специфики «умного» договора, что позволило автору выделить некоторые юридические признаки смарт-контрактов. По его мнению, «смарт-контракты существуют исключительно в электронной среде и предполагают обязательное использование электронно-цифровой подписи, которая основана на технологии асимметричного; особая форма изложения условий (условия такого договора изложены на одном из языков программирования, а реализуются с использованием базы данных блокчейн); заключение по модели договора присоединения (условия «умного» контракта формируются одной из сторон – той, которая пишет программный код, другие участники присоединяются к его условиям «как есть»). Также признаками считаются повышенная степень определенности договора (вероятность различного толкования содержания условий компьютером исключена, поскольку язык программирования, на котором излагаются условия «умного» контракта, относится к категории строго формализованных языков), что обуславливает отсутствие необходимости применения к нему традиционных средств толкования договора; направленность на распоряжение цифровым активом (договор опосредует перемещение (изменение принадлежности) определенной обособляемой ценности, существующей в электронной форме, от одной стороны договора к другой); условный характер (исполнение обязанности одной стороны по такому договору обусловлено наступлением определенных обстоятельств, что проявляется в исходном коде такого контракта, выражающемся операторами *if then...*); а также самоисполняемость (техническая обязательность) [4, с. 42].

Выявляя правовую сущность смарт-контракта, в данном случае автором признается некоторое родство умного договора и юридической сделки, однако определенную классификацию такой вид электронной сделки не получил. Данный вид правоотношений А.И. Савельев рассматривает как условную сделку и как договор, в котором исполнение одной стороны обусловлено исполнением обязанности другой [4, с. 43]. Правовая природа смарт-контракта весьма спорная, с их недавним появлением и развитием в Российской

Федерации почти не имеется конкретного понятия данных сделок в правоприменительной практике ввиду отсутствия правового регулирования. Однако зарубежные исследования правоведов, иностранная юридическая литература позволяют решить данную задачу и определить правовую природу умного договора. Действующее регулирование умных договоров за рубежом имеет состояние незавершенности, потому как в рассматриваемой сфере правоотношений все еще ведутся исследования. Например, применение смарт-контрактов является возможным в действующем федеральном законодательстве Соединенных штатов. Проанализируем некоторые из них. В содержании Закона об электронных подписях в международной и национальной торговле четко обозначено, что подписание, заключение договора или иного документа, который имеет отношение к ведению торговой деятельности, не может быть признано незаконным, недействительным или ничтожным только по причине фиксации в электронной форме.

В законодательной системе штата Аризона имеются новейшие нормативные акты о договорах, безопасность которых обеспечивается благодаря блокчейн технологии, что, несомненно, является договором, заключенным в электронном формате. Если договор заключается как смарт-контракт, то есть в форме программы, ему не вправе быть отказано в исполнении даже принудительного характера.

Рассматривая законодательную базу нормативных актов штата Теннесси об электронной форме сделки, можно найти однотипное определение умного договора, которое дает более обширное понимание таких сделок. Указано, что есть возможность образования и дальнейшего распространения активов в реестре смарт-контрактов, стало возможным синхронизировать информацию и регулирование прав для доступа к программному обеспечению. В законодательстве штатов Небраска, Вермонт, Флорида мы можем увидеть схожие положения об умных договорах и их правовой сущности [3, с. 50].

Можно сделать вывод о том, что смарт-контракты определяются как новейший метод автоматизированного исполнения обязательств, где при таком исполнении обязательств оно реализуется не действиями какой-либо стороны, а лишь методом согласования каждой стороны с помощью электронной платформы (blockchain платформы) при введении сторонами требуемых команд – условий такого договора. Следовательно, данный вид электронных сделок относят к договорным конструкциям.

Стоит отметить, что смарт-контракты не получили должного законодательного регулирования в российском законодательстве. С точки зрения

гражданского права, существует потребность в дополнительном регулировании нормального функционирования обсуждаемой технологии: к примеру, все еще не разрешены проблемы уязвимостей, не декларируемых возможностей кода, незащищенных лиц (главным образом, потребителей), одностороннего расторжения. Существует и иная проблема, которая заключается в том, что смарт-контракт не всегда считается в традиционном виде электронным документом. «Умные» договоры часто представляют собой программные коды либо его элементы, а идентификация электронных данных может производиться любой электронно-цифровой подписью, в описанной ситуации также запись в блокчейн технологиях вправе рассматриваться как электронная подпись. Без сомнения, ответы на обозначенные проблемы можно вывести из общего регулирования, однако существует необходимость в большей детализации. Таким образом, для успешного развития смарт-контрактов требуется законодательное закрепление правового статуса смарт-контрактов, сторон смарт-контрактов, порядка организации защиты интересов каждой стороны смарт-контракта и разработка комплексного подхода

к применению соответствующих норм. Данные изменения будут способствовать обеспечению юридической защиты интересов лиц, которые имеют отношение к цифровой экономике и праву, включая подписантов смарт-контрактов, повышению эффективности правоотношений в бизнес-среде, снижения споров ввиду неисполнения обязательств.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым дополнить Гражданский кодекс Российской Федерации отдельной статьей, посвященной смарт-контракту, например, ст. 160.1 «Смарт-контракт» и изложить ее в следующей редакции:

«1. Смарт-контракт определяется как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств, по которому осуществляется посредством совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной им последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств.

2. Перевод средств по смарт-контракту осуществляется в форме криптовалюты, а именно с помощью таких электронных денег, которые создаются и хранятся электронным образом в блокчейн».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилов А.П. Электронная коммерция: учебник и практикум для вузов. 3-е изд., доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 477 с.
2. Казанцев М.Ф. Договорное регулирование. Цивилистическая концепция: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2019. 393 с.
3. Козлова, М.Ю. Текст договора в электронной форме // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 48–53.
4. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32–60.

Chayko Alyona Vladimirovna

undergraduate

The Federal State Budget-Funded Educational Institution of Higher Education

"The Russian State University of Justice"

Nizhny Novgorod, Russian Federation

avponom95@mail.ru

LEGAL NATURE OF A SMART CONTRACT

Abstract. The article is devoted to the study of issues related to the smart contract. The author analyzes the concept of a smart contract, which is used in the legislation of foreign countries, as well as the proposed definitions of this concept in scientific circles. Features of the legal nature of the smart contract are revealed. The author concludes that smart contracts are not currently regulated in the current legislation of the Russian Federation and based on this, a future version of the article on smart contracts is proposed, which should be fixed in the Civil code of the Russian Federation.

Keywords: smart contract, legal nature, electronic transactions, blockchain, cryptocurrency.

Учредитель:
федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации».

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-69495 от 25 апреля 2017 года выдано Роскомнадзором.

Дизайн: Е.А. Голик
Вёрстка: И.А. Калмыков
Корректор: Е.Ю. Юпатова

Дата выхода в свет 30.09.2020
Издатель:
СПВИ войск национальной гвардии

Адрес редакции и издателя:
198206, Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилутова, д. 1
(Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии);
тел.: +7(812) 337-40-50 (доб. 41-49);
+7 812) 744-70-14;
e-mail: vestnik@spvi.ru

Главный редактор:

А.Н. Сивак – д-р пед. наук (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия:

Г.Ю. Авдиенко – канд. психол. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
Р.Е. Артамонов (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
О.И. Белоус – канд. пед. наук (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
Л.Н. Бережнова – д-р пед. наук, профессор (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
Т.А. Бороненко – д-р пед. наук, профессор (Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Санкт-Петербург);
М.М. Гупалов – канд. пед. наук (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
С.У. Дикаев – д-р юрид. наук, профессор (Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург);
Г.Г. Дмитриев – д-р пед. наук, профессор (Военный институт физической культуры Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург);
А.А. Дьячков – канд. психол. наук (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
Ю.А. Евстратова – канд. юрид. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
А.В. Зобков – д-р психол. наук, доцент (Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир);
В.А. Зобков – д-р психол. наук, профессор (Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир);
М.М. Кашапов – д-р психол. наук, профессор (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль);
А.В. Козлов – д-р пед. наук, профессор (Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург);
А.С. Косарев – канд. пед. наук (Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород);
А.А. Лебедев – д-р биол. наук, профессор (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
К.В. Лосев – канд. психол. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
Т.И. Миронова – д-р психол. наук, доцент (Институт педагогики и психологии Костромского государственного университета, г. Кострома);
Е.Б. Моргунов – д-р психол. наук, доцент (Московская высшая школа социальных и экономических наук, г. Москва);
В.И. Назаров – д-р психол. наук, профессор (Ивановский государственный университет, г. Иваново);
И.С. Назарова – канд. юрид. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
Д.В. Новокшенов – канд. юрид. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
О.Б. Полушина – канд. психол. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
О.Л. Поминова – д-р пед. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
В.А. Прокофьева – канд. психол. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
С.А. Роганов – д-р. юрид. наук, профессор (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
Р.К. Серёжникова – д-р пед. наук, профессор (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
А.А. Стремоухов – канд. юрид. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
А.С. Турчин – д-р психол. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
В.Б. Чесноков – канд. психол. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
Т.Г. Шарухина – д-р пед. наук, профессор (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
С.М. Шингаев – д-р психол. наук, доцент, академик Международной академии психологических наук (Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования, г. Санкт-Петербург);
В.А. Юматов – канд. пед. наук (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург);
В.А. Юренкова – канд. психол. наук, доцент (Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург);
О.Г. Яткевич – канд. юрид. наук, доцент (СПВИ войск национальной гвардии, г. Санкт-Петербург).